

ОЛЕГ СИМЕНС, ВИКТОР ПОПЛАВКИН

ЦЕРКОВЬ

ПАСТЫРИ И СТУКАЧИ

ОЛЕГ СИМЕНС, ВИКТОР ПОПЛАВКИН

**ЦЕРКОВЬ:
ШЕСТЬРИ
И
ИЗМЕНА**

Черкассы
Издательство „СТЕФАНУС“
1995

Pastors, Informers and Churches

Russian Edition

Copyright 2015 Voice Media

info@VM1.global

Web home: www.VM1.global

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced, distributed or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic, or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except in the case of brief quotations embodied in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law. For permission requests, email the publisher, addressed “Attention: Permission Coordinator,” at the address above.

This publication **may not be sold, and is for free distribution** only.

1882
1887
Pastors and Teachers
in the Church

Под общей редакцией Германна Гартфельда

Олег Сименс и Виктор Поплавкин в своей книге «Церковь: пастыри и стукачи» приоткрыли завесу еще неисследованной страницы деятельности церкви Евангельских христиан-баптистов в условиях коммунистического режима в бывшем Советском Союзе, развивающейся в условиях постоянной слежки служб государственной безопасности, провокаций и репрессий.

В книге со знанием дела описан конфликт в церкви, спровоцированный коммунистическими идеологами. День за днем прослеживается упорный труд пастора, ведущего своих овец сквозь тернии неверия, вопреки противостоянию государственных структур, через барьеры ханжества и показной набожности, сомнения и конфликты к целительному источнику христианства.

Книга продолжает тему, освещенную в книгах пастора Германна Гартфельда «Вера вопреки КГБ» и «Ирина».

Фамилии авторов книги «Церковь: пастыри и стукачи» изменены, чтобы не причинить вреда их родственникам и друзьям на территории бывшего СССР, где деятели и подвижники христианской церкви все еще подвержены преследованиям и террору.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рукопись этой книги привез однажды из Советского Союза пастор -протестант, которого мы назовем условно Олег Сименс. Он хотел ее опубликовать. Рукопись была фактически автобиографией автора и поэтому содержала ряд субъективных оценок названных в ней лиц.

Рукопись прочитал уехавший ранее из Советского Союза Виктор Поплавник, живший с Олегом Сименсом в одном из сибирских городов и хорошо знавший не только автора, но и его окружение, а также все обстоятельства жизни в этой стране во времена коммунистической диктатуры.

Виктор Поплавник предложил автору рукописи придать ей характер художественного обобщения, в котором будут сохранены все документальные реалии, но место действия и фамилии, а также отдельные личностные характеристики несколько изменены, чтобы люди не пострадали за свои убеждения.

Так родилась книга, названная «Церковь: пастыри и стукачи». Для неосведомленного читателя следует пояснить, что «стукачами» в годы коммунистического режима называли в Советском Союзе многочисленных помощников службы безопасности, которые добровольно или по принуждению следили за своими соседями, коллегами, иными людьми, подслушивали их разговоры и обо всем сообщали в местные органы государственной безопасности /КГБ/. Так функционировала система поголовного сыска, подслушивания и доноительства, благодаря которой не только выявлялись и изолировались инакомыслящие, но и насаждалась нечеловеческая атмосфера все-

общего недоверия, взаимной ненависти и неуверенности любого человека в завтрашнем дне.

Эта книга не претендует на всеохватывающую полноту исследования жизни верующих в Советском Союзе, но верно передает все ее реалии. Ее можно читать как художественное произведение, но следует воспринимать как биографию конкретного человека.

23 октября 1961 года НА РАСПУТЬЕ

В конце октября эти места в Восточном Казахстане уже холодны нередко иней серебрит жухлую траву, а лужицы после дождя по утрам покрываются ледяной корочкой. Но в этом году осень выдалась исключительно теплой и люди даже окна держали открытыми, чтобы с недалеких полей пришло в дом побольше свежих запахов отцветающей природы.

Открытым держали окно и в горнице дома Тихона, где за обеденным столом как раз собрались гости. Обычно здесь обедала или делала уроки многочисленная орава детей, но сейчас уже было довольно поздно и дети улеглись спать.

Во главе стола, в красном углу, сидел 60-летний старик Алексей Юрьев, рядом с ним - его зять Олег, немец - в сибирских краях человек привычной национальности. Он был членом так называемой «двадцатки» - именно двадцать верующих имели право обратиться к местным властям с просьбой о разрешении на создание новой церковной общины. Вместе с другими членами этого своеобразного комитета Олег нес ответственность за соблюдение церковью всех правовых предписаний и указаний местных советов народных депутатов и их исполнительных комитетов.

Возле Юрьева заняли места три седовласых старца, которые как многоопытные патриархи главенствовали в жизни местной протестантской общины. Тихону было едва за тридцать пять, Олегу и того меньше, поэтому они скромно помалкивали, ожидая, когда старшие начнут разговор.

В горнице были также две женщины: Лидия, жена Тихона и мать его восьмерых детей, читала на диване толстую рукописную книгу. Ее мать сидела рядом и увлеченно штопала детский носочек.

Настроение собравшихся было скорее подавленное. Казалось, они не спешат начать беседу. Юрьев призвал всех помолиться, но только он и произнес несколько благодарственных слов. Остальные одобритительно кивали головами, но не произнесли ничего.

Наконец Антон Миллер окинул всех добрым, теплым взглядом, погладил свою бородку клинушкой и спросил:

- Кто был сегодня на Богослужении?

- Я был,- ответил Олег. Все посмотрели на него, потом на Тихона. Уже два месяца прошло с того дня, как Тихон заявил, что ни он, ни его семья не будут посещать молитвенные собрания.

- Отлучили еще девять человек,- сказал Олег.

- Кого же? -Миллер настаивал на подробностях. Олег назвал имена. Все они были из хора.

- Это все следствие так называемого «Нового положения», новых инструкций нашего духовного центра,- вставил Тихон. Глеб Родионов, второй из присутствующих старцев, возразил:

- Такие отлучения -это вовсе не следствие распоряжений центра, а лишь результат слабости нашей общины! Возможно, новое постановление и противоречит духу Священного писания и традициям нашей церкви. Я этого отрицать не буду... Но прочитайте-ка его внимательно: разве там указаны причины, по которым можно было бы отлучать от церкви сразу так много людей? Если бы поместный церковный совет имел бы побольше страха перед Господом, то

такую бумагу вообще не принял бы и не пришлось бы исключать из общины так много сестер и братьев лишь за то, что они высказались против. Во Всесоюзном Совете ЕХБ не хуже наших пасторов знают, что от такой бумаги не будет благословения церкви. И все же она оказалась необходимой, чтобы поссорить людей и оглучать верующих от церкви, которая для нашей власти, я вижу, как бельмо на глазу. Среди нас появляется все больше людей, которые любой ценой хотят занять какое-нибудь руководящее местечко в церкви, хоть где-нибудь приобщиться к власти. А мы-то ведь хорошо знаем обстоятельства, при которых появился этот самый всесоюзный церковный совет!

Олег и Тихон посмотрели на Родионова, тот откашлялся и пояснил:

- Это было в те недавние, тяжелые годы, когда множество наших братьев и сестер страдали за веру в сталинских лагерях. Непосильный труд, голод и холод, болезни уносили тысячи жизней. Людей закапывали без обряда и поминовения в мерзлую землю, без одежды, привязав к большому пальцу ступни бирку с номером. Сколько таких безвестных могил осталось в Сибири, Заполярье, на Колыме. Среди заключенных были и высшие пасторы нашей церкви. И вот неожиданно им выдали теплые ватники, шапки, даже валенки, стали лучше кормить, а потом сказали:

«Баптистская церковь неистребима. Так давайте же сделаем ее организованной, создадим в Москве руководящий центр! Вы и будете такими руководителями». Слабая надежда засветилась перед обреченными. Перенесенные страдания обострили в них

желание выжить и хоть на старости побыть в тепле. А тут еще говорят о возрождении церкви!

Вскоре этих людей перевезли в Москву и освободили из-под стражи. Они и не подозревали, что во главе правительственного органа по руководству церковной жизнью в Советском Союзе стоит полковник КГБ, совсем недавно проводивший массовые преследования и казни в Псковской области, а потом повышенный за старательность в должности до нынешнего поста. Они не знали, что их свобода останется мнимой.

- Не хотел бы я такой свободы,- грустно сказал Родионов.- В лагере ты можешь умереть от пули или истощения, но там никто не властен над твоей совестью! Страшная судьба - плата за такое освобождение! Теперь эти люди поневоле вынуждены принимать все документы, которые составят для них в службе госбезопасности. И ничего не возрази - иначе опять в лагерь! Именно так и появилась бумага, которую мы называем «новым положением» Всесоюзного совета церкви евангельских христиан-баптистов. А кто же поддерживает этот совет? Ослабевают общение, нет Библии, нет духовного учения, каждый делает, что ему вздумается.

Тихон вздохнул и опустил глаза. Он понял, что это камешек в его огород.

Но Родионов замолчал и Тихону не довелось услышать укор. Родионов и по внешнему виду был старше семидесяти, а в церкви знали, что на его руках есть шрамы от цепей царской каторги. Просто удивительно, что нынешние власти как-то упустили старика из виду, а то продолжил бы он тяжкий путь где-нибудь на далеких рудниках.

Между тем Антон Миллер обратился к Олегу:

- О чем же сегодня говорили в проповеди?

- О чем? - Олег сосредоточился, вспоминая,-

Не может быть членом

общины человек, крестившийся тайно от властей или в другой общине. Такие люди не могут участвовать в Вечере Господней. Один из членов братского совета церкви сказал, что так крещеные люди все равно что внебрачные дети: они не могут быть приняты в семью братьев и сестер по вере.

- И как же отнеслись к этому присутствующие? - допытывался Миллер.

- Ну как? Большинство смущенно промолчало, но некоторые пытались возразить. Один из братьев даже закричал, что это не единоспасающая церковь и тому подобное, не хочу повторять, он ведь был в гневе. Потребовали также объяснить, за что отлучили хористов и регента хора. Вообще, было довольно шумно. Но тут встал пресвитер и неожиданно сказал : «Давайте-ка лучше разойдемся». Регент и певчие стали послушно собирать ноты, но люди просили их не оставлять службу. Тут с кафедры раздался довольно недружелюбный голос: « Нечего им делать в церкви, а кто не может без них обойтись, волен последовать за ними!» Вот так было сегодня в церкви...

Все помолчали. Для этих людей Дом молитвы был тем благодатным местом, где исчезали сомнения и тревоги, где прибывало сил для трудов, необходимых, чтобы жить, растить детей, помогать ближним. Грустно, когда из этого дома уходит молитвенное спокойствие и начинаются раздоры...

Олег спросил, явно обращаясь к трем старцам:

- Я слышал, что во многих общинах начался такой же раскол. Что же с христианами будет?

Ответа не последовало и он продолжил:

- Тихон просто стоит в стороне от всех дел общины. Сейчас ведь многие братья и сестры сидят дома и даже в воскресенье ходят по базару вместо того, чтобы посещать Богослужения. Но их можно понять: что сейчас делать в общине?

Олег допытывался не из праздного любопытства. Он относился к старшим братьям с огромным уважением, особенно за их испытания в годы репрессий и постоянно хотел учиться у этих людей жизненному опыту, мудрости, видел в них пример для подражания и теперь ждал совета как истины в последней инстанции.

Родионов задумчиво продолжил его речь:

- Да, положение в среде верующих и впрямь внушает опасения.

Возможно, это уже последняя атака темных сил на Христову церковь. Но как ее выдержать, как уберечь единство евангельских христиан-баптистов нашей страны? Хотя в истории церкви были периоды и более суровых испытаний. Но в те годы духовное состояние христиан было лучше, они стойко противостояли мирским соблазнам и искушениям, особенно искушению властью. Мы стареем и скоро уйдем из земной жизни. И вы призваны продолжить наше служение. Запомните, Олег, да и ты, Тихон: никогда не допускайте раздора между верующими. Разногласия вызывают раскол, а вслед за ними гибель церкви. Правда, из расколов возникало и обновление. Но только не в наших условиях, когда коммунисты только и ждут повода, чтобы отвратить

от нас людей, высмеять нас, оболгать. Вы это не хуже меня знаете. За склоками и разборками благовестование отойдет на второй план и дело спасения душ человеческих именем Господа нашего Иисуса Христа понесет урон. Можно ли допустить такое?

... Родионов считал, что молодые христиане должны объединяться в молитве за духовное обновление, за пробуждение в общинах. За годы большевистского террора и идеологического воздействия на умы молодежи люди не просто перестали, а разучились верить, потеряли ту непосредственность душевного восприятия, которая испокон веков позволяла их предкам без сомнения следовать заветам Христа, творить добро и самим жить праведной жизнью. Если бы мы все побыстрее восстановили такое состояние души, то никакие искусственно созданные церковные советы не смогли бы регламентацией церковной жизни мешать ей, а все марионетки были бы вынуждены просто убраться из общин. Такое пробуждение вызвало бы рост активности верующих и могло бы привести к ответной реакции коммунистических властей. Видимо, они по традиции прошлых лет усилили бы репрессии. Очень многим пришлось бы провести дни своей жизни в местах заключения. Но при высокой духовности, покаянии и самоотверженности страдания несут надежду и спасение.

- Тюрьмы и лагеря скоро вновь заполнятся христианами,- сказал грустно Антон Миллер.

- Как бы там ни было,- заявил Тихон,- а мы с детьми больше на Богослужения не ходим. Читать Библию и молиться мы можем и дома. Причем так же хорошо, как и в церкви. А может и лучше. Но именно за это я готов пойти

и в тюрьму, лишь бы мои дети общались с Богом.

- Но ведь по слову Господа нельзя пренебрегать собраниями,- размышлял Родионов.- Нельзя пренебрегать общением с другими христианами. Где те братья и сестры, которые не посещают собраний? Как они проводят свое время? За чтением Библии? Осмелюсь усомниться в этом. Можно принять страдания, но все равно останется открытым вопрос: действительно ли эти страдания - за Христа?

Старики и молодые попрежнему молчали. Вновь заговорил Антон Миллер.

-Я тоже почти не хожу в церковь,- сказал он.- Стар стал, трудно уже управляться. Мы тоже дома молимся и читаем Библию. Но то, что сказал о страданиях Алексей Алексеевич, очень важно. Серьезный вопрос... Только немногие готовы пойти путем страданий. Кто они? Герои? Наверно, проще плыть по течению, лишь дома, перед женой, проявляя свое несогласие... Думаю, что люди, хвастающие своей готовностью принять страдания, менее всего способны идти путем земной жизни Иисуса Христа.

Вновь опустил голову Тихон, ничего не ответив Миллеру. Старый Антон для многих, для большинства в этом городе был человеком новым. Он приехал сюда из Мурманска с женой Эммой. Не принято рассказывать о своих страданиях, поэтому мало кто знал о многих годах в исправительно-трудовых лагерях Заполярья, выпавших на долю Антона Миллера. Но по его высказываниям, умению всегда дать единственно верный совет и точным цитированием Библии люди угадывали в нем одаренного проповедника. В городе он уже не проповедовал. Здоровье Миллера было подорвано и он едва управлялся со своими

недугами. Как-то со вздохом он сказал своей Эмме:

- Хотелось бы уже покинуть эту Землю и отправиться в Царство Господа нашего Иисуса Христа.

- Мы,- Родионов сделал жест в сторону стариков,- больше не перенесем исправительный лагерь. Но где же молодые, способные взять на себя и труды и лишения?

Лидия положила свою книгу и слушала разговор мужчин. Было уже довольно поздно и она подошла к окну, намереваясь закрыть створку. И вдруг остановилась.

- Там кто-то есть,- тревожно прошептала она.

Одним прыжком Тихон оказался у окна и увидел исчезающую в темноте широкую спину молодого, судя по всему, человека. Он быстро исчез за углом дома.

- О Господи!- запричитала Лидия.- Он же весь вечер стоял под окном и все слышал.

Люди еще более огорчились. Такое подслушивание означало, что за Тихоном и его домом установлена слежка. Родионов и Миллер тоже ощущали внимание спецслужб. Подтверждались высказанные опасения о грядущих неприятностях.

Третий из старцев, молчавший все время, наконец сказал на плохом русском языке:

- Я тоже, пожалуй, пойду. Хотелось многое сказать, но сейчас уже не буду.

Все посмотрели на Эмиля Геллера, но он был невозмутим и более ничего не добавил. Эмиль вышел первым, за ним ушли остальные.

... Тем временем широкоплечий молодой человек, быстро уходивший от дома Тихона, сбавил скорость. Преследования не было. Шагая по тенистой улице,

он подробно «прокручивал» в памяти услышанный разговор, систематизируя его и уже выделяя тезисы будущей докладной записки, которую ему надлежало подготовить к утру. «Жаль, конечно, что нельзя установить подслушивающие устройства в домах подозрительных людей,- думал он.- Как бы все тогда упростилось». Но что мечтать о невозможном? И молодой человек начал раздумывать над тем, нет ли среди гостей Тихона человека, которого удалось бы завербовать в качестве тайного информатора. Об этом тоже постоянно напоминал ему начальник идеологического отдела. Да и сам он был в этом заинтересован. Будь в горнице Тихона свой человек, не пришлось бы до позднего вечера торчать у чужого окна.

* * *

Осенью 1961 года во многих общинах церкви евангельских христиан-баптистов обсуждали руководящие документы Всесоюзного совета - так называемое «Новое положение», а также прилагаемые к нему указания старшим пресвитерам на местах.

Духовный центр в Москве предписывал впредь не допускать на Богослужения детей и молодежь до 18 лет. И уж совсем их не крестить. Не разрешалось приезжим проповедникам брать слово на собраниях при Богослужении. В каждой общине только трем верующим разрешалось исполнять службу благоговения.

Членам общины предписывалось впредь участвовать в общественной и культурной жизни вне церкви, посещать лекции и доклады, кино и театры, читать современную литературу.

Эти указания вызвали многочисленные споры и

разногласия. Можно было понять, что в общине, кроме пресвитера, не должно быть более трех проповедников из верующих. Такое правило существовало и в некоторых западных странах.

Но вот запрет посещать собрания молодежи был равносильен смертному приговору баптистской церкви. Пройдет совсем немного времени, не станет старшего поколения и церкви не станет.

Что же касается приобщения баптистов к светской культуре, то сложность этой задачи усугублялась еще и тем, что верующие делили эту самую культуру, так сказать, на светскую и советскую. Можно было предположить, что люди будут читать книги, написанные великими гуманистами, среди которых было немало христиан. Были приемлемы и экранизации или инсценизации этих произведений. Но ведь в Советском Союзе печатались в основном книги пролетарских писателей, созданные по примитивным канонам социалистического реализма. Да, они тоже утверждали добро и отвергали зло, но так называемый классовый подход к сюжету предусматривал каноны добра и зла, очень далекие от библейских. Носителями зла были, например, представители старой интеллигенции, не принявшие Октябрьский переворот. Или священники согласно большевистского догмата: «религия есть опиум для народа». В книгах и фильмах придумывались искусственные конфликты, которых не было в реальной жизни. Большинству людей они были просто неинтересны. Но именно такая идеологическая обработка народных масс принесла верующим неисчислимые бедствия и страдания. Коммунистическим диктаторам удалось создать представление о протестантах как о людях не

только странных, но и опасных, вовлекающих людей в недозволенные практики. Простодушный и добрый баптист представлялся многим неким мрачным сектантом, отщепенцем, живущим вне общества и его надежд.

Оттепель двадцатых годов, когда на непродолжительное время восторжествовала веротерпимость, быстро сменилась репрессиями. Каждый десятый человек в этой стране был казнен. Но расчет на устрашение верующих предстоящими страданиями не оправдался: христианство не умирало. И тогда диктаторы выпустили из лагерей руководителей баптистской церкви, надеясь, что они своими запретами обратят молодежь в нужную веру, приведут ее в пионерские и комсомольские организации.

Советский стиль жизни не мог не воздействовать на многочисленных пасторов, которые отошли от евангельских заповедей, не руководствовались Библией в повседневной жизни (для многих Библия была неосуществимой мечтой), а поэтому не могли повести за собой паству.

Однако для меня новые распоряжения Всесоюзного совета совсем не были равноценны катастрофе. Постоянно раздумывая о церкви, я понимал, что ей нужны определенные потрясения, чтобы пробудить к действию молодые силы. Коммунисты пытаются внедрить свою тлетворную идеологию во всем мире. Почему бы нам не принять участие в предложенных действиях, чтобы ослабить их влияние? Я думал тогда о тайных библейских уроках для молодых членов наших общин, которые научились бы давать отпор атеистической пропаганде. О верующих писателях, способных в литературных

произведениях описать всю беспомощность и даже смехотворность антирелигиозных кампаний.

Мои друзья, кроме Олега, не разделяли моих надежд, называли их идеалистическими, просили меня перестать политизировать. Вершиной для них было благочестие отцов, достойно умиравших за наши светлые идеалы. Но и в Римской империи убивали христиан, а они выстояли и своим примером, своими действиями добились того, что христианство стало государственной религией римлян. В коммунистическом обществе тоже есть немало людей, которым чужды насаждаемые в стране взгляды. Но условия жизни диктовали свое и люди записывались в Компартию, чтобы иметь возможность учиться и работать. Именно в том состоит коварство коммунистической идеологии, что она провозглашает высокие идеи, а на самом деле насаждает лицемерие, коварство, ставит перед людьми цели, для достижения которых надо пожертвовать всем человеческим: от личного счастья до порядочности.

В самые тяжелые времена я свято верил, то христианство в состоянии не только противостоять самой кровавой диктатуре, но и победит ее. Для этого все мы, братья и сестры в Церкви Христа, должны идти к людям, нести им Слово Господне, личным примером учить их праведной жизни. Таковы были мои размышления в теплом октябре 1961 года.

7 ноября 1961 года

ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

У крыльца постучали и Олег вышел. У двери стоял письмоносец с листочком телеграммы в руке. Олег расписался в получении и развернул листок. Старый приятель Николай сообщал, что завтра поездом проследует мимо Олега и просил обязательно встретить его на вокзале.

Олега охватили воспоминания. С Николаем они учились в одном классе. В школьные годы он стал верующим и не скрывал этого, переживая обычные в нашей стране насмешки учителей и сверстников. Олег тоже был верующим и это их сблизило. Но после школы Николай выбрал путь, странный для верующего: он поступил в военное училище. Известно, что для этого были нужны характеристики, комсомольский билет - очень непросто стать офицером в Советском Союзе. Как удалось Николаю обойти эти препятствия осталось тайной. Но Олег знал, что профессия военного была потомственной в семье Николая. Видимо, помогли старые связи.

В армии Николай прослужил недолго. Однажды он рассказал Олегу причину увольнения: на политических занятиях Николай сказал солдатам:

«Истинный мир начинается в мире с Богом. Без Христа нет мира». Донесли командиру и он легко согласился с предложением Николая уйти в запас. Это было много проще, чем начинать расследование по поводу религиозных убеждений одного из подчиненных.

... Вот и поезд появился вдали. Олег увидел Николая, спрыгнувшего с подножки. Его

приятельспешил: остановка была короткой. Они встретились как сердечные друзья. Короткие, мужские расспросы о здоровье, о семье и Николай перешел к сути дела. Создана инициативная группа, противостоящая «Новому положению», и ее представитель привезет письмо-воззвание. Николай назвал незнакомую фамилию. Это письмо надо зачитать на собрании верующих, исключенных из общины баптистов.

Раздался свисток, прохрипело вокзальное радио и Николай поднялся в вагон. Олег медленно пошел со станции, раздумывая о встрече. И так, родилась оппозиция... Отлученные... На Западе католиков тоже, случается, отлучают... После этого им нельзя участвовать в причастии до покаяния. Советский баптист, совершивший грех, наказанный за это и раскаявшийся, тоже может прийти на собрание в покаяться. Его простят. Но нынешние исключения были особого рода. Ведь людей исключили за противодействие «Новому положению». А это уже, извините, политика. В таком деле пресвитер пойдет советоваться с представителем государства. То-есть с человеком, привязанным невидимой ниточкой к службе государственной безопасности. Могут и не восстановить в общине. И тогда мрачное будущее ожидает отлученного. Прежние друзья начнут избегать его. Дурная слава на многие годы потянется за детьми. И никому не скажешь, что за тобой и грехато не было. Разве можно назвать грехом собственное мнение по поводу распоряжения высшей инстанции?

Олег подумал, что действия пресвитеров напоминают стиль работы коммунистических руководителей. Они тоже изгоняли из своей партии

за малейшее проявление собственного мнения, будь ты хоть самым примерным членом первичной организации. Отлученный от церкви баптист не мог стать членом другой общины: это запретил совет. Изгнанный из партии коммунист тоже не мог надеяться на то, что о его беде не узнают: режим диктаторов позаботился о хорошо налаженной секретной информации.

Олег лишь горько усмехнулся по поводу такого сходства двух весьма разных общностей. С кем поведешься, от того и наберешься... Однако надо было выполнять поручение Николая. Посланник с письмом уже в пути...

... Когда посланник приехал, исключенные уже были извещены о предстоящей встрече и дружно пришли в дом Тихона. Уселись за столом и начали оживленную беседу, не особенно заботясь о личной безопасности, о конспирации. Как наивна наша молодежь! Ну что бы им выставить дозор, изобразить дружеское чаепитие! Но как бы встретили такое предостережение молодые люди? Они сразу возразили бы: да разве мы заняты чем-то предосудительным? Разве мы пьем водку или играем в карты? А свобода совести и вероисповедания, о которой так красиво пишут в газетах?

Прибывший прочитал письмо. Когда он вышел к столу, кто-то прошептал: «Казаков» - тесен мир, обязательно кто-нибудь тебя знает.

Казаков читал торжественно, благоговейно, как обычно баптисты читают Священное писание. Это умиляло Олега: он любил простодушных, исполнительных людей.

Начало письма не предвещало грозы: члены

инициативной группы призывали всех верующих молиться о спасении, настоятельно искать путь к Библии, черпать силы в Евангелии. Олег подумал: «И мы так считаем - нужно молиться о душе, о спасении, обращать людей к истине, помогать им ломать преграды, воздвигнутые коммунистической идеологией на пути к спасению.

Но потом Казаков объяснил, как инициативная группа представляет себе план действий. Нужно было отделиться от Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и основать собственные общины, которые принципиально не следует регистрировать на условиях, выдвинутых государством.

«Раскол... Только раскол может изменить это мучительное положение,- подумал Олег.- Но не будет ли это слишком уж человеческий, иррациональный способ деятельности? Мы ведь всегда считали, что молитва служит самым эффективным и правильным путем достижения цели? А что же теперь?»

Расходились несколько разочарованные услышанным.

... На следующее воскресенье Олег вновь пришел в зарегистрированную общину. Пресвитер Тарасов читал проповедь первым. По традиции на одном богослужении выступало трое мужчин. Олег слушал Тарасова с нарастающим изумлением: тот очень гладко, но уверенно говорил о расцвете социалистического сельского хозяйства и доказывал, что в этом есть проявление воли Господа, потому что все вершится по его благословию, вот и в стране, строящей коммунизм, достигнуты впечатляющие успехи с Божьей помощью. Следующий проповедник уже не говорил об экономике, но зато обрушился на

отщепенцев, посмевших иметь собственное мнение о руководящем письме Всесоюзного совета. «Ваши действия противоречат воле Господа!»- возмущенно кричал он с кафедры.

«Странно,- думал Олег.- «Новое положение» написали люди, которых в совет никто не избирал, их туда назначили. Причем же здесь воля Божья, которая высказана в Священном писании, а не в письме из Москвы? Мы же не зовем людей на баррикады против совета и его распоряжений! Мы просто сомневаемся в том, что указания этого совета правильны. Ну разве можно согласиться с тем, что дети и молодежь не должны посещать церковь? Сказано в Евангелии от Луки: «Пустите детей приходиться ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» /Лк 18:16/. Так что же совет берет на себя такое противоречие? Кто же более грешен - написавшие такое или не принявшие послание грешников?»

Темвременем город украсился красными полотнищами - наступила 44-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции - так в Советском Союзе называли переворот 1917 года, когда власть захватили большевики и эсеры. Белые буквы на красных полотнищах кричали: «Слава Коммунистической партии! Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» На всех предприятиях и в учреждениях секретари первичных партийных организаций предупредили людей, что завтра они должны быть в указанном месте сбора. На пропустившего демонстрацию обрушились бы гнев начальства, ущемление в зарплатке, отпуск в зимнее время и другие неприятности. Никто не хотел рис-

ковать.. За годы советской власти люди уже привыкли к принудительным демонстрациям и даже ждали их. Праздников в жизни было так немного, поэтому любой повод годился для того, чтобы собраться за столом, пропустить рюмочку-другую, спеть песню. В праздничных колоннах было немало знакомых и эти встречи тоже давали повод для радости.

Школьники шумной толпой приходили в школу и выстраивались в колонны. Им раздавали флажки, искусственные цветы и красные полотнища. День выдался холодный. Олег замерзал в тонкой курточке и поругивал себя за то, что понадеялся на продолжение октябрьского тепла. В центре города, у огромного монумента, изображавшего Ленина, на высокой трибуне сплетничали между собой секретари и члены бюро областного комитета Коммунистической партии, члены исполкома областного совета трудящихся. Они тепло оделись, выпили коньяку и сейчас равнодушно взирали на людской поток у трибуны, ощущая растущий аппетит в предвкушении сытного обеда с обильными возлияниями. На краю трибуны стоял с бумажкой в руке молоденький, но голосистый инструктор, выкрикивая те же здравицы, что и на полотнищах. Люди дружно кричали «Ура!». Милиционеры и народные дружинники с красными повязками на рукавах неустанно подгоняли толпу:

« Быстрее! Из колонны не выходить!» Это напоминало кадры из фильма о немецком лагере смерти, но Олег поскорее отогнал эту мысль, потому что в той колонне ведь не было бумажных цветов и флагов.

За памятником «вождю революции» были видны черные лимузины и Олег с досадой подумал, что «отцы области» могли бы пройтись немного пешком,

оставив машины за углом, чтобы не мозолить ими глаза участникам демонстрации. Но из-за холода власть имущие поленились...

Оркестр у трибуны гремел «Интернационалом» и многие, особенно постарше, подпевали. Олегу тоже вручили красный флаг и он нес его на плече, досадуя, что теперь придется идти к месту сбора всего этого оформления, где флаги и транспаранты сложат на грузовик и он отвезет их на хранение до следующего празднества.

За спиной еще слышались возгласы инструктора и крики толпы, но Олег уже избавился от флага, попросив товарища понести его до конца, а сам протиснулся между стеной дома и грузовиком под недовольным взглядом милиционера. Грузовиками отгораживали поперечные улицы, чтобы толпа не разбежалась прежде времени, а люди без пропусков /на каждом была специальная отметка КГБ/ не проникали в колонну.

В доме у Тихона собрались отлученные от церкви. Олег не относился к их числу, потому что при всех не высказывал своего отношения к «Новому положению», но сочувствовал людям, жаждущим обновления в церкви и не согласных с указаниями, вводившими жесткие правила жизни и во многом ограничивающими жизнь общин, их влияние на молодежь.

Отлученные специально собрались в день коммунистического праздника, потому что знали: после демонстрации во многих домах и молодежных общежитиях начнется хмельное застолье, поэтому есть слабенькая надежда поговорить без настырного «стукача» под окном.

Собрание было бурным. Некоторые предлагали полностью отдаться молитве и уповать на Господа, который вразумит московских руководителей. Тихон и молодежь решительно выступали за раскол. Особенно настаивал оставшийся без хора регент. Олег был в смятении. Ему не нравились разбушевавшиеся страсти, столь не привычные для общения баптистов. Многие говорили повышенным тоном, как на каком-то комсомольском собрании...

А еще Олег помнил, что письмо «инициативников» начиналось с надежды на духовное возрождение во всем Советском Союзе, а ведь это было общей надеждой, независимо от положения в церкви, участия или неучастия в общине. Олег был хорошо принят и уважаем в зарегистрированной общине. Ее члены не несли ответственности за «Новое положение» и тоже хотели духовного возрождения народа, насильственно отлученного от веры отцов. В одной исторической книге Олег прочитал, что Лютер тоже не хотел раскола в римско-католической церкви, он не собирался создавать новую церковь и мечтал только о том, чтобы библейская истина стала доступной для всех, чтобы люди жили с живой верой в Спасителя. Может быть, подумал Олег, нас можно сравнить с реформаторами прошлого?

Собрание закончилось. Решение было - собираться на Богослужения в частных домах. Это означало отделение от зарегистрированной общины и противостояние «Новому положению» церкви евангельских христиан-баптистов.

Олег понимал всю сложность положения. Для членов церкви превыше всего общая молитва, общение. Есть надежда, что Господь услышит голоса

разобщенной церкви и поможет ей. Но как же быть с Вечерей Господней? Ведь среди отлученных нет никого рукоположенного на пресвитера, а только служитель может взять на себя это высшее таинство. Олегу приходилось слышать, что где-то в мире есть церкви, в которых каждый может поделиться с другим тайными дарами, но не принимал эти рассказы всерьез. Ведь такое хлебопреломление напоминает дружеское угощение, а не приобщение к высочайшей тайне, объединившей всех христиан.

Да и кто отважится взять на себя обязанности пастыря, не будучи посвящен церковью и рукоположен?

Эти сомнения мучили не только Олега и поэтому вскоре братья решили обратиться к старому брату Геллеру. Ходили слухи, что еще в предвоенное время он был рукоположен и был пастором. Никто не знал, как он стал баптистом, но он был настоящим поволжским швабом, а немцы Поволжья все были если не католики, то лютеране, а некоторые - баптисты.

Геллер внимательно выслушал обратившихся к нему христиан и долго молчал, рассматривая их темными глазами. Потом велел собрать всех отлученных, предупредив, что Геллер будет «читать обращение».

Когда верующие собрались у Тихона, Геллер вышел вперед и на своем весьма своеобразном русском языке огласил воззвание, которое следовало бы назвать ультиматумом.

Геллер сказал:

-Дорогие братья и сестры, я готов вам служить,

если вы послушаете меня и откажетесь от светских привычек. Женщины и девушки должны приходить на собрания с покрытой головой, в платочках. Братья не могут являться на собрания с торчащими из верхнего кармана авторучками, а также в галстуках. Всю эту светскую мишуру, вроде запонок, галстуков, значков и брошей оставьте модникам, не ведающим пока о Боге. Такой модой я считаю также наручные часы, которые были неведомы нашим отцам. Всякий порядочный мужчина носит карманные часы и если уж он вынимает их, то это значит, что у него действительно нет свободного времени. Вы должны помнить о христианской скромности, а потому не следует носить светлые, белые блузки!

Присутствующие зашептались. Сзади явственно послышалось: «Брат Геллер всегда бреет голову, не последовать ли нам его примеру!» Но на шутника цыкнули, потому что выхода действительно не было: брат Геллер теперь мог требовать послушания и вводить свои правила, даже устаревшие с точки зрения молодежи.

В конце концов все дружно согласились следовать требованиям брата Геллера, потому что возможность ежемесячного хлебопреломления была для каждого из присутствующих выше всех будничных привычек. Девушки немного поворчали, но быстро успокоились после того, как одна из женщин сказала:

- Да я буду в жару носить ватник, если это послужит спасению души!

... Так требования старого Геллера были приняты новой общиной и надолго вошли в ее жизнь как незыблемые правила.

* * *

Олег рассказал мне о первом собрании отлученных после демонстрации в доме Тихона, а также о том как стал пресвитером брат Геллер. На добрую дюжину лет я был старше Олега, но понимал его молодежное стремление к новому и осторожность человека, ступившего на порог зрелости.

Мы были единомышленны в нашем разочаровании. Даже внешне суровая, но благочестивая замкнутость общин казалась более приемлемой, чем приказной характер инструкций Всесоюзного совета, очень напоминающий партийно-правительственные циркуляры той поры, постоянно рассылаемые из центра по всяческому, даже второстепенным вопросам.

Ни я, ни Олег тогда не предполагали, что за всем происходящим в церкви евангельских христиан-баптистов внимательно и заинтересованно следит служба государственной безопасности. Разделение церкви позволяло ей выявить так называемых диссидентов, менее послушных, склонных к самостоятельному мышлению и протесту.

Замысел специальных служб состоял прежде всего в том, чтобы поставить детей и молодежь вне церкви, вывести их из-под ее влияния. Но многие верующие не согласились с «Новым положением» и стали жить самостоятельными общинами. Вот и хорошо, решили вслужбах КГБ, мы из создавшегося несогласия извлечем полезный для себя результат.

Конечно, не следует позволять евангелистам в незарегистрированных общинах насаждать независимое, миссионерское мышление, направленное на вовлечение новых людей. Можно «выдергивать» из их среды наиболее сильных, популярных проповедников, изолировать их. Предлог? Да хотя бы участие в

подпольных Богослужениях! Но можно и отвлечь внимание верующих от евангельской истины и принудить их ссориться, и разбираться в делах, имеющих весьма отдаленное отношение к христианству.

Вот тут очень кстати такие внешне благочестивые люди как Эмиль Геллер. Пока в его общине будут раздумывать над тем, можно или нет носить наручные часы и нужно ли замужним покрывать головы, можно не опасаться созидательного, преобразующего воздействия церкви на людей. Из-за недостатка сил и времени слово Библии так и останется в святой Книге, его просто не услышат в мире.

Особенной мудрости в этом не нужно: любое слово, вырванное из Библии и возведенное в закон, может сбить с толку и даже показаться смешным неосведомленному человеку. Вот Эмиль Геллер распорядился, что и девушки должны носить платочки на голове. Если бы у него спросили - почему? - он с ученым видом сослался бы на Библию.

Но никто не спросил у Геллера, почему апостол Павел советовал всем замужним женщинам-христианкам из Коринфа покрывать головы. Он писал: «Если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется, а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается» / 1 Кор 11:6 /.

«И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обрита» / там же / . А обритыми, с короткими прическами были в те времена рабыни, а девицы легкого поведения не покрывали голову. Можно ли и ныне ставить верующим женщинам условие обязательного

внешнего подтверждения своего благонравия?

В споре о покрывалах на головах женщин иной с легкостью сослался бы не Первую книгу Моисея, в которой сказано: «... покрыла себя покрывалом, и, закрывшись, села у ворот Енаима, что на дороге в Фамну... И увидел ее Иуда, и почел ее за блудницу; потому что она закрыла лице свое» / Быт 38:15,16 /. Так вот в чем дело! Следовательно, покрывало в те времена имело для женщины весьма конкретное обозначение: у хананеев символ принадлежности к «касте» блудниц, а у греков это было знаком замужества. Так нужно или нет носить платочек? Вот где раздолье для споров и дискуссий, о которых могли только мечтать противники христианства! А сущность всего лишь в том, что у разных народов в разные времена и обычаи были разные. Так можно ли было в 1961 году женщину в церкви с непокрытой головой обвинить в недостойном поведении или наоборот? Скорее всего у нее либо не было платочка, либо она не знала о традиционных- догматических требованиях пастырей вроде Эмиля Геллера.

Если уж рассуждать о покрытии женской головы, то надо вспомнить, что в древности такое покрывало означало защищенность от внешнего мира, от его влияния. Римляне разрешали носить покрывало на голове только девственницам. Со временем оно стало символом Девы, посвятившей себя служению Богу, а потом Невесты Христовой. В средневековье женщины, наоборот, стали носить белый платок поверх собранных в узел волос, в то время как девственницы от платка отказывались, а проститутки носили платки другой расцветки. Покрывали перед казнью головы осужденных, чтобы они не могли оказать дурного

влияния...Геллер наставлял: «Если апостол Павел предписывал молящимся женщинам покрывать голову, то при этом он исходил из убеждения, что во время молитвы злые силы могут направлять на хорошеньких женщин похотливые взгляды, отвлекая их от Богослужения. Перед всеми мужчинами, кроме мужа, жена должна покрывать голову, защищаясь от зла.

В греческой культуре покрывало отличало замужних женщин от незамужних, рабынь и женщин легкого поведения. Они подлежали защите своих богов, а замужние женщины были защищены силой своих мужей. Для коринфянки, принявшей новую веру во времена апостола Павла, этотобычай был обязателен, если она не хотела навлечь на себя серьезные неприятности. Но следовало ли из этого, что в нашем обществе и в нашем городе Эмиль Геллер мог требовать от верующих послушания устаревшим нормам поведения. Мы не заметили, что толкование Библии как свода разрешений и запретов по поводу одежды, прически, отвлекает нас от привлечения душ ко Христу. Кто играет в этом деле первую скрипку: Эмиль Геллер, наша косность или... КГБ?

15 января 1962 года
ОБЩИНА СТАНОВИТСЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ

В доме Тихона началась большая перестройка. В ней участвовали даже дети. Особенно старшие. Им нравилось что-то делать взрослое, помогать старшим. Дом состоял из двух больших горниц, одной маленькой комнаты и просторной кухни. Две большие комнаты освободили для Богослужения. Из них вынесли кровати - дети увлеченно перетаскивали их в сарай. Оттуда принесли деревянные скамейки. Стол из прихожей теперь стал кафедрой проповедника и его поместили в простенке между входами в бывшие спальни.

Решили по возможности скрывать появление новой общины, хотя многие были уверены, что остальные баптисты уже знают о случившемся.

Когда на собрание пришли гости, дети Тихона - три мальчика и пять девочек - взгромоздились на забор и сидели наверху стайкой больших воробьев: им поручили следить за улицей и предупредить старших, если появятся милиционеры, просто незнакомые и подозрительные люди. Детишки встретили такое поручение с радостью и можно было не сомневаться, что они быстро распознают опасность. Едва на улице показывался незнакомый, как один из стражей мчался в дом к отцу, чтобы сообщить ему об этом.

Вопреки опасениям Олега на Богослужение пришло не менее ста человек. В зарегистрированной общине осталось ненамного больше. Перед началом

пришедшие обменялись новостями. Один из баптистов рассказал:

- Меня уже обозвали раскольником. Кто? Да сосед, такой же баптист!

- Нанас пресвитерзарегистрированной общины уже пожаловался и в прокуратуру и уполномоченному по делам церкви. Предатели!

- Нет, они не предатели! Это нас они считают предателями! И говорят, что их пастырский долг состоит в том, чтобы призвать нас к благоразумию и привести к покаянию ! Ведь это мы, а не они отвергли «Новое положение».

Олег подумал, что советский христианин в средствах убеждения не переборчив. Он свято соблюдает указания апостола Павла в его первом письме к коринфянам о том, что с блудником, лихоимцем, пьяницей, злоречивым «даже и не есть вместе» /1 Кор. 5:11/. «Извергните развращенного из среды вас», - требовал Павел. А в письме к римлянам он подробно изложил требование о подчинении властям. «...Противящийся власти противится Божию установлению» / Рим. 13:2/. Братья и сестры из зарегистрированной общины знали поучения апостола наизусть и считали теперь делом совести отказаться от нас, извергнуть из своей среды. И это было понятно...

А наша совесть подсказывала, что нужно слушать Бога, а не человека, и это тоже соответствовало Библии. Тем более, что многие видели в членах всесоюзного совета людей, легко идущих на компромисс с Коммунистической партией. Верность Богу, Его заповедям - превыше всего, считал Олег. А не получается ли так, что мы просто знаем

Священное писание не настолько, чтобы в нем найти совет и выход из создавшегося положения?

Особенно мучило Олега то обстоятельство, что раскол захватил отдельные семьи и нередко случалось, что в разных общинах оказались члены одной семьи! Мы собирались открывать воскресную школу, приглашали молодежь в хор, а наши братья и сестры из зарегистрированной общины боялись даже к себе пригласить кого-либо. Но забот в нашей общине было гораздо больше, чем в зарегистрированной, размышлял Олег. Вот хотя бы то, что пастор Геллер - единственный и больше нет никого из пресвитеров. А он по возрасту уже не успевал справиться со всеми делами. На собрания приходили молодые христиане, им надо было много работать по изучению Слова Божьего. Появляться в Доме молитвы с конспектом было не принято: это означало бы, что говорящий ведет речь не от вдохновения Святым Духом... Именно пастор должен был как можно чаще беседовать с молодыми, наставлять их... Раз этого не было, сокрушался Олег, то можно было лишь предполагать насколько импровизированными были проповеди неискушенных в Священном Писании людей!

Тем временем настал тот январский день, когда один молодой немец решил жениться на русской девушке и получил ее согласие. Жених пошел к пресвитеру, чтобы договориться о бракосочетании. Каково же было его удивление, когда Эмиль Геллер заявил, что этот вопрос следует обсудить на собрании общины!

Братья и сестры давно знали молодоженов, у многих они, как говорится, на глазах выросли. Поэтому

в большой горнице Тихонова дома царило доброжелательное оживление: все радовались, что рождается новая семья, а раз ее создают верующие, то будет она прочной, примерной. Вот к столу вышел Геллер:

- Братья и сестры! - начал пресвитер.- Вот перед нами сидит молодая пара! Встаньте-ка, пусть люди увидят вас! А вот передо мною на этом старом столе лежит Священное Писание. Я открою Книгу Ездры, глава десятая, стих десятый: «Вы сделали преступление, взяв себе жен иноплеменных и тем увеличили вину Израиля». Так можем ли мы позволить нашему брату-немцу взять себе иноплеменную жену вопреки четкому указанию библейского пророка? Что далее было? Сказал Ездра: «Отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных». Читайте далее: «И отвечало всё собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем».

Эмиль Геллер замолчал, довольный тем, что справился с довольно длинной русской речью и осмотрел горницу. Но в комнате не было единодушного одобрения услышанного. Скорее наоборот: удивление перерастало в несогласие. Казалось, что Эмиль забыл: в комнате собрались люди, не принявшие «Новое положение», а уж со своим пастором они впрямь могли поспорить. Так и получилось. В углу встал и попросил слова молодой приятель влюбленного немца. Он сказал:

- Уважаемый брат Эмиль! Мы тоже хорошо знаем историю священника Ездры! Но мы помним, почему он призывал сынов Израилевых отказаться от жен иноплеменных! Причиной было то, что вавилонские женщины понуждали и уговаривали своих

мужей молиться идолам . Посмотрите на нашу сестру из русской семьи! Она такая же христианка как и мы все! Так почему же наш брат не может взять ее в жены? Я удивлен тем, что сказал нам брат Эмиль! В нашей христианской общине не должно быть различия ни между людьми разных национальностей, ни между братьями и сестрами в их служении Богу!

Геллер забыл о приличествующем пастору благообразии и загремел гневом:

- Я вижу, куда вы клоните! Как это может не быть различия между братьями и сестрами! Между мужчиной и женщиной?! Вот какое время настало! Молодежь не видит разницы, установленной Господом! Что же завтра будет? Как можно немцу жениться на русской? Вы забыли о войне, которая так недавно закончилась - каждый русский знает, что войну начали немцы! Будет ли мир в этой семье?!

Услышав эти слова, Олег задумался. В чем-то Геллер прав. Конечно, в горниле второй мировой войны обожглись и пострадали и русские, и немцы. Не христианам ли следует первым протянуть друг другу руки примирения? И сам он, Олег, немец с русским, пусть даже не совсем русским, но перед-еланным в России и очень распространенным именем женился на русской, а ее отец вернулся с войны инвалидом: его покалечил немецкий снаряд. Но разве он винит в этом Олега? И разве нет в их семье мира и любви? Прав ли Геллер?

* * *

Рукопись напомнила о давнем споре. Да, Эмиль Геллер резко выступил против смешанного брака.

Не моргнув глазом, он перенес требования Ездры в нашу жизнь, не учитывая того, что мудрый Ездра жил в далекие времена царя Артаксеркса, боролся за восстановление Иерусалима, поэтому его борьба за чистоту браков была борьбой за сохранение Израиля. Можно ли было запрет Геллера объяснить такой же высокой целью, коль вокруг заключались гражданские браки между немцами и русскими, людьми других национальностей? А ведь его запрет мог вызвать еще один раскол нашей общины и причиной было бы уже не «Новое положение», а весьма прозаическая, хотя и романтическая история.

Теперь я могу сказать, что многое для нас было бы понятнее, если бы нам была ясна причина непонятного поведения Геллера, его консерватизма.

Конечно, он не родился диктатором. Но с детства он много страдал в чужой для него стране, работал много, а зарабатывать так мало, переживал унижения и зависимость. А человек его склада нуждается в самоутверждении. И когда община доверила ему место своего пастыря, брат Эмиль почувствовал радость и подъем. Он переживал упоение властью. С наслаждением он опекал свою общину, думая о ней и днем, и ночью. Он был теперь сильным и значительным, он господствовал в этой маленькой христианской семье, он чувствовал себя ее апостолом, покровителем, защитником. Несомненно, что он желал своей пастве лишь самого лучшего. И в этом своем заблуждении просто не знал, не осознавал, что многими поступками помогает недругам.

Я вспоминаю, как Эмиль Геллер в самом начале молитвенного собрания взглядом сторожевого пса окидывал сидящих на скамьях из Тихонова хлева

братьев и сестер. Он смотрел, не торчат ли в кармашках у первых, авторучки, ставшие тогда популярными, и нет ли среди сестер девушки без косынки на голове? Да какой еще косынки! Это должен быть самый что ни на есть скромнейший старушечий платочек!

При случае брат Эмиль не забывал вставить в проповедь, что Господь наш Иисус Христос при втором пришествии не спасет ни одной женщины с непокрытой головой. После этого он обязательно напоминал мужчинам об авторучках и наручных часах. Однажды я имел неосторожность спросить мнение брата Эмиля о рассказе Тацита, утверждавшего, что Иисус носил бороду и длинные волосы как у назореев. Лучше бы я промолчал! Пресвитер с огромным негодованием набросился на меня:

-Да как ты можешь верить языческому сочинителю больше, чем Библии! Я всегда подозревал, что ты вольнодумец!

-Брат Эмиль,-попытался я его успокоить,- я же ничего не утверждаю, а только спросить хотел...

Но старик еще долго бросал на меня разгневанные взгляды...

Эта сцена повторилась, когда я пытался выяснить проблему головных платков / о сущности ее я уже рассказал/. Геллер бешено закричал:

- Еретик!!!

... Его гнев, правда, вызвал не столько мой экскурс в библейскую историю, сколько слова о том, что сейчас замужнюю женщину отличают от незамужней не столько по головному платку, сколько по обручальному кольцу на руке. Я ведь забыл, что пастор и обручальные кольца относит к недозво-

ленным украшением, поэтому мои слова он воспринял как насмешку невоспитанного человека над старшим по возрасту и положению. Мне стало стыдно и больше я не тревожил Геллера расспросами.

Тогда я еще не был пастором и не мог себе представить, что Эмиль Геллер пытался не столько сплотить паству верой в Христа и восприятием его вдохновенного слова, сколько удержать верующих вокруг себя строгостью и угрозой гнева Божьего. Теперь мне уже легче представить, как брат Эмиль, страдая от недостаточного признания его самого, с самыми благочестивыми намерениями создавал и обосновывал свою позицию. Однажды я увидел, что моя дочь Ирина, тогда еще подросток, стоя у зеркала, шептала: «О Боже, пусть мои волосы растут до пяток, чтобы ни один злой ангел не мог меня обесчестить!» Я стал расспрашивать о причине такой странной молитвы и узнал, что Геллер предостерегал молодежь от модной одежды таким образом, что рассказывал им историю демонов, готовых завладеть ими. При этом он ссылался на Первую книгу Моисея, главу шестую.

Мне было нелегко переубедить запуганную дочь, что ни Иисус, ни апостолы не угрожают ей такими страшными карами за столь незначительные проступки. Я говорил, что они стремились привлечь людей к поклонению живому Богу. А поклонение Господу в духе и в истине, о которой говорил Иисус, это дело сердца. Иисус Христос хочет, чтобы мы взрастили в себе плод святого Духа - любовь, мир, радость, чтобы дали ему созреть и тогда из этих свойств вырастут идеальные, братские взаимоотношения между людьми.

Моя 14-летняя дочь обняла меня за шею и успокоенно сказала:

-А я так боялась, папа!

Тогда я с неудовольствием подумал о Геллере, не нашедшем другого пути к молодым душам, кроме примитивного запугивания. Во многом я не мог с ним согласиться. Почему усилия «инициативников» достичь чистоты в общине привели нас в такой тупик? Неужели моя семья должна постоянно страдать из-за чрезмерного радикализма старого пастора? И ради этого люди рискуют, возможно, свободой в своем противостоянии «Новому положению»? Мои огорчения из-за Геллера достигли предела и я начал думать о том, что должен взять на себя ответственность за судьбы нашей общины, ее членов.

Большинство общины составляли молодые, прогрессивные люди. Это слово, весьма распространенное в коммунистической печати тех лет, мы понимали буквально: прогрессивный - значит, идущий вперед. Мы хотели уверенно идти вперед к цели, указанной Господом. Не к пастору Геллеру должны быть привязаны люди, а объединены светом учения Иисуса Христа. Нестрахом наказания за несоблюдение далеко не первостепенных старозаветных предписаний нужно объединить людей, а любовью! Я и сейчас убежден, что те общины, в которых на первом месте стоит неукоснительное соблюдение старозаветных традиций, запреты и страх, стоят в стороне от Церкви Христовой. Раздумья о своей ответственности за общину привели меня к мысли, что нужно просить о помощи Антона Миллера. Пусть Миллер, спокойный, образованный человек, поговорит с братом Эмилем, подскажет ему, что избранный им путь ведет к новому расколу.

Антон Миллер был человеком большого такта и хорошего образования. Когда-то в годы оттепели он окончил в Одессе библейскую школу, но не решился стать пастором, хотя навсегда остался внимательным наставником для многих из своего окружения. С людьми в общине он говорил с большой силой убеждения, терпеливо и всегда с любовью, потому что считал очень важным, чтобы каждый свободно, без принуждения, радовался Иисусу Христу и жил в полном слиянии с Господом.

Антон Миллер согласился поговорить с Геллером и провел многие часы в беседе с нашим пастором. Но результат был прискорбный. Геллер заявил:

- Миллер - еретик!

А сам Миллер лишь сокрушенно развел руками:

- К сожалению, мы не сможем договориться.

Мы стали ждать возвращения Родионова, который уехал погостить к детям еще до разделения общины и написал, что готовится к возвращению. Вскоре он приехал и мы немедленно рассказали обо всем случившемся, попросили помочь. Родионов искренне огорчился и дал нам нагоняй:

- Что же вы, братья, затеяли? Что происходит между вами? Разногласия в общине, какие-то новые правила жизни, запрещение брака? Видимо, дьяволу удалось отвлечь вас с пути истинного, ведущего к главной цели, к благовествованию. Вы заявили о выходе из прежней общины и люди имели все основания думать, что в новой семье у вас будет идеальный порядок. Что же они теперь скажут? Скажут, что «Новое положение» лишь выявило многие старые болезни, что вы и ранее были чем-то больны, а теперь эти симптомы проявились в полной силе.

Можно было предвидеть, что взаимные обвинения и раскол станут следствием вашего выхода из общины. Я не могу в этом участвовать: непрерывные споры не устранят трудности. Нельзя обновить общину или церковь, действуя извне. Лютер хотел реформировать свою церковь изнутри, только изнутри, а когда его отлучили от церкви, начался раскол, началась реформация не в католической церкви, а только в среде недобровольных раскольников, даже не помышлявших о расколе. Так называемая реформация вызвала многочисленные последующие расколы. Обновление католической церкви не состоялось. Вы тоже отделились от нашей общины, от Всесоюзного совета церквей евангельских христиан-баптистов с лучшими намерениями.. Возможно, вы не хотели такого отделения... Вас к нему подтолкнули. Возможно... Но следствием отделения стали несогворчивость, недоброжелательность, подозрения, споры. В общине нарастает комплекс мученика, под которым нет серьезных оснований. Будьте осторожны: недруг бдит и последствия могут быть печальны. Я же не могу участвовать в этом деле. Простите. Верю, что Господь поможет вам вновь увидеть свое предназначение. Кроме того, я ведь приехал попроситься и свернуть свои личные дела. Возраст диктует свои условия и дети хотят, чтобы я переехал к ним навсегда.

К сожалению, вскоре после нашей беседы старый Антон Миллер тяжело заболел. Геллер обиделся на нашу попытку повлиять на него через постороннего брата и теперь к нему было не подступиться. Так мы фактически потеряли для себя всех трех старейшин, с которыми еще в старой общине начинали путь к

обновлению. Растерянность поселилась в наших рядах. Неужели все наши действия были напрасны? Неужели мы были неправы? Посоветовавшись, мы решили искать ответа в посте и молитве. Нас поддержала вся община - более ста братьев и сестер, в трудную минуту уповавших на Господа.

Судьба молодой пары - немца и его русской невесты - сложилась удачно: Их обвенчал пастор в Алтайской области. А мы решили выбрать в своей среде нескольких братьев для пасторской службы.

18 марта 1962 года

НОВЫЕ ПАСТОРЫ

Когда Олегу сказали, что в город приехал Семенов и хочет с ним встретиться, он почувствовал волнение. О Семенове многие знали, хотя не всем удалось видеть и слушать этого пожилого христианина, опытного проповедника, немало пережившего на своем веку.

Причина приезда старшего брата и его приглашение на беседу для Олега не были тайной. На одном из недавних собраний братья и сестры решили, что пасторскую службу следует поручить Олегу, Тихону и Виктору, а диаконами должны стать Вениамин и Федор. Семенова пригласили для рукоположения новых служителей.

Семенов начал свое служение еще при легендарном руководителе Союза баптистов России Одинцове как старший пресвитер. В годы сталинских репрессий Одинцов был замучен в одном из лагерей, но остался до конца верным избранному пути. Для многих христиан он был не только мучеником за веру, но и героем, примером для подражания. Олегу немного льстило, что для встречи с ним приехал в их небольшой город соратник такого известного человека и не менее уважаемый брат. Но он подавил в себе это чувство и решил, что нужно быть скромным во всем.

Гость встретил Олега очень приветливо, было заметно, что молодой человек ему понравился с первого взгляда. Они уселись в доме Тихона на скамью и Семенов рассказал Олегу о положении дел в церкви евангельских христиан-баптистов. А

оно было таковым, что в большинстве общин не было мужчин с богословским образованием для несения пасторской службы. Такое образование достигалось лишь усиленным чтением Библии и тех книг, которые можно было найти в городской библиотеке.

Библия тоже была запретным плодом. Если ее где-то и печатали в России, то такими маленькими тиражами, что нечего было и мечтать об этой книге. На границе идеологический контроль изымал у путешествующих не только духовные издания, но и грампластинки, включенные в список запретных, а уж магнитофонные пленки вообще вызывали страшные подозрения. В библиотеке Библии, естественно, не было, как не было здесь и богословской литературы. В фонды включались лишь атеистические издания, часто весьма примитивные, сочиненные местными авторами по заданию областного комитета Коммунистической партии.

Семенов говорил о том, что в баптистской церкви каждый христианин может выполнять службу благовествования. Значит, любой может проповедовать, независимо от того, хорошо ли он знает Священное Писание, имеет ли дар красноречия. Если он принял веру и стал послушным членом общины, его устами будет говорить Святой Дух. В условиях постоянного преследования церкви это спасает ее от гибели. Но пресвитеры хорошо понимают, что такое разрешение - полумера, что далеко не каждый может взять на себя роль учителя, считая, что он разбирается во всех вопросах богословия.

Именно так и случается, что один, ссылаясь на Послание Павла к римлянам /« Вы же помните,

брат Олег,- Семенов испытующе посмотрел на своего собеседника,- главу 13-ю, самое ее начало: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению, а противящиеся сами навлекут на себя осуждение»/, стремится к полному подчинению себе общины и безоговорочному послушанию, а иной открывает Деяния апостолов /4:19/ и читает: «Справедливо ли пред Богом - слушать вас более, нежели Бога?». Так возникают группы, имеющие свое мнение и стремящиеся отделиться от лжеучителей.

- Я надеюсь,- заключил свою беседу Семенов,- что в вашей общине молодые пасторы смогут понять своих братьев и сестер, приведут их к примирению.

«Инициативники» еще надеялись, что им удастся настоять на проведении конгресса Евангельских христиан-баптистов и там обсудить все спорные документы. Мы не сомневались, что после всестороннего обсуждения большинством голосов они будут отменены. Это стало бы первым шагом к обновлению церкви изнутри. Только так можно было вернуться к старому доброму правилу: «Каждый баптист - миссионер». Группа инициаторов обновления во главе с Геннадием Крючковым не желала ни отделения, ни раскола. Но в ряде городов руководители зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов создали совершенный факт, исключив многих братьев и сестер. И теперь они нуждались в пастырях. Будет ли конгресс или начнутся новые аресты?

Собрание при участии Семенова подтвердило избрание братьев пасторами, диаконами. Вениамин попытался возразить, что он не годится для такого служения в общине, но присутствующие расценили его слова как проявление излишней скромности и настояли на своем выборе. После этого Семенов благословил всех на служение.

Это был очень торжественный вечер и Олег чувствовал праздничное настроение и благодарность к братьям, так высоко оценившим его способности. Все поблагодарили Господа за то, что он не оставил свою маленькую общину без пастырей и дал всем возможность и далее благовествовать среди населения...

Олегу пришлось исполнять новые обязанности наряду со своей основной работой. Он был маляром высокой квалификации и товарищи по работе уважали его за мастерство. Но в прессе началась кампания по очернению верующих и в строительной организации Олега многие недоумевали: он был для них представителем христианского мира, о котором писали в газетах и говорили в докладах и лекциях так много плохого. Но если Олег Сименс в своей рабочей среде отличался от всех не только мастерством, но и трудолюбием, поведением, отзывчивостью, то почему же такой плохой была его церковь? Не все могли разобраться в этой головоломке. Одни верили, что Олег просто является исключением, некоторые подозревали, что с баптистами правящая партия и государство ведут нечестную игру, многие старались об этом не думать, чтобы неосторожным словом не разгневать начальство. Но все были единодушны в одном: Олег никогда не курил, не пил, не

сквернословил и рядом с ним просто не было таких проявлений - люди уважали его воспитанность.

Однажды Олег приехал как всегда на работу велосипедом и у конторы строительного управления увидел среди рабочих начальника отдела. Тому хотелось подыграть рабочим и он громко спросил:

- Как же это получается, Олег, что твой покровитель Христос ездил на осле, а ты пользуешься велосипедом? Это ведь не по правилам!

- Христос ездил на осле...,- начал было Олег, но один из рабочих перебил его.

- Все ослы стали начальниками и сидят в кабинетах! - закричал он.

Начальник отдела сердито оглянулся, но все смеялись и он не мог определить, кто же так его высмеял. С озабоченным видом он ушел в контору, а Олег почувствовал поддержку всей бригады. Когда рабочие остались одни, один из них спросил:

- Почему таких как ты сажают в тюрьмы? Ведь на работе вы самые старательные, а если дома молитесь, то кому до этого дело?

- Я, право, и не знаю, чем объяснить постоянное преследование христиан в нашей стране. Не только нас преследуют. Мне не хотелось бы вести об этом разговоры. Ведь это сочтут антисоветской пропагандой...

* * *

С моей точки зрения Олег был единственным из рукоположенных, кто наиболее соответствовал выбору. Хотя ему не было и тридцати, но он стал истинным духовным отцом в общине. Тихон был непостоянен в своих решениях и все замечали, что он находится под сильным влиянием жены

Лидии. А Лидия - вслед за нею и Тихон - поддерживала Геллера, который после рукоположения новых братьев вообще отошел от общины.

Миновало всего несколько недель и на нас обрушилась беда: все новые служители, кроме Олега, были арестованы по обвинению в организации подпольных встреч в частном доме. Я считал, что Господь в этом явил свою волю, не оставив общину без пастыря и выбрав самого достойного. Но почему и мне выпал трудный жребий - на этот вопрос у меня не было ответа и я во всем положился на волю Всевышнего.

Конечно, молодой пастор Олег Сименс тоже совершал ошибки, ведь и у него не было специальной подготовки, он был простым маляром. Но пастырское служение было его призванием и он остался. А мы получили по пять лет лишения свободы в исправительных лагерях строгого режима.

12 мая 1963 года

СЛУЖЕНИЕ

На собрание Олег пришел с намерением повести речь о семьях осужденных братьев. Он постоянно чувствовал, как ему недостает их поддержки - все решения приходилось принимать самому, трудно было и в повседневном служении. Но им ведь было еще труднее... И Олег произнес проповедь о помощи ближнему, сказал и о том, что община должна помочь семьям отсутствующих братьев. Семьи у них многодетные, а без кормильца - если не голодная смерть, то уж безрадостное прозябание неминуемо.

Братья и сестры поддержали своего пастора и решили ежемесячно собирать сумму, соответствующую последнему заработку осужденного. Так и сделали. О беде прослышали в других общинах и оттуда стали по почте приходить посылки с продовольствием, одеждой. Семьи были обеспечены неплохо, а кое-кто из завистливых горожан даже стал приговаривать: вот, мол, у них без отцов даже больше достатка. Олега такие разговоры тревожили, ибо он опасался доносов, но пока было всё спокойно.

Завистливые слова доходили и до жен осужденных братьев и Лидия даже сказала однажды пастору:

- Я предпочла бы отказаться от денег и подарков! Не хочу разговора! Бог допустил, что моего мужа отправили в исправительный лагерь, а теперь и наша семья переведена на помощь...

- На помощь Господа! - уточнил Олег перед всеми собравшимися. - Кто не хочет помогать семьям наших братьев, тот может не делать этого. Ведь никто не требовал от вас таких обязательств... Господь

найдет другие пути, чтобы помочь страждущим.

После этого завистники умолкли. Хотя бы в общине. Но Олег не ставил в вину людям их невольную зависть. Совсем недавно над страной пронеслась война, а до нее и после на верующих обрушивались страшные репрессии, унесшие многие жизни. В те годы никто не помогал семьям, потерявшим кормильцев. Очень немногие из верующих отваживались поделиться тогда с голодными куском хлеба, отрывая его от себя. И лишь в 60-е годы такая помощь стала возможной. Да и сейчас многим жилось несладко. Поэтому пожилые люди не могли избежать сравнений и поневоле высказывали обиду.

Для многих непривычно было и то, что жены осужденных постоянно от собственного имени писали во все инстанции, добиваясь справедливости. В минувшие годы на такое мало кто отваживался. А если и писал, то после отправки письма мог в любую минуту ждать ареста за «клевету на советскую систему» и ее номенклатурных работников.

Лидия тоже взялась за письма. С надеждой писала в столичные учреждения, с ободрением - Тихону. Восемь ее детей были в основном переданы на попечение бабушки и в ее лице - под покровительство Небесного Отца.

Олег был доволен тем, что ему удалось организовать помощь попавшим в беду семьям, но после протеста Лидии часто думал о своих действиях и не без сожаления пришел к выводу, что совершает ошибку во взаимоотношениях с детьми из пострадавших семей. Он заметил, что дети неохотно говорят о помощи общины, отмалчиваются, не спешат с благодарностью, а один мальчик даже употребил слово

«подавание». Раздумывая об этом, Олег понял, что помощь надо было оказывать втайне не только от властей, но и от людей. Конечно, все братья и сестры о ней знали, но не следовало афишировать происходящее, чтобы дети не чувствовали себя униженными, второсортными. И уж совсем излишним был контроль покупок и расходов, а Олег к этому прибегал, радея за общинную копейку. Следовало отдавать деньги матерям, а уж они сами знали как лучше распорядиться.

Очередную проблему в жизни Олега породили взгляды старого Геллера. Он уже не был пастором в общине, но чувствовал себя таковым в жизни, поэтому в маленьком кругу своих почитательниц охотно проповедовал им Слово Господне. В этом не было бы беды, если бы проповеди брата Эмиля не повергли многих в большое душевное смятение. Ведь он попрежнему уверял, что женщины, не покрывающие голову платком, будут отвергнуты

Господом на пороге Царствия Небесного. А в Советском Союзе верующие ожидали пришествия Иисуса Христа с особенным нетерпением, потому что для многих земной «коммунистический рай» был невыносим. Как же огорчало их предсказание Эмиля Геллера! Они даже спали теперь в платках!

Олег попытался поговорить об этом с сестрами, но одна из них бойко ответила ему, ссылаясь на Геллера:

-Брат Олег, послушайте старшего и более опытного. Брат Эмиль открыл Библию и показал нам такие строки: «В ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется» /Лк. 17:34/. Не хотите же вы, чтобы я из-за платочка

осталась, а мой муж был взят к Господу нашему?

Олег сразу же подумал: невелика радость оставаться одной в коммунистическом раю! Такого не захотел бы даже неверующий член партии, а что же говорить о наших сестрах, от всего сердца любящих Господа нашего Иисуса Христа? Да, подумал Олег, здорово же запугал брат Емил этих простодушных овечек! И в какой же это богословской школе набрался старый проповедник пристрастия к запугиванию молодежи?

Сам Олег, как уже отмечено, не имел богословского образования и во многом был не менее простодушен, чем его паства. Но по вечерам он прилежно сидел в читальном зале городской библиотеки и старательно читал всё, что только могли отыскать по его запросам молоденькие библиотекарки и их седая наставница - библиограф с огромным стажем, помнившая многих авторов из тех, чьи имена были давно запрещены, а сочинения изъяты и уничтожены.

Олег начал с томов Гегеля и Канта, но понял немного. Мировой дух в виде абсолюта, непознаваемая «вещь в себе» - всё это звучало загадочно и даже пугало: Олег опасался прочитать нечто такое, что противоречило бы его восприятию Библии. Почитал Лескова, Гоголя... Библиограф назвала добрый десяток фамилий и сказала, что сочинения этих людей откроют Олегу путь к истине. Но в библиотеке этих книг не было и вообще искать их в нашей стране, сказала библиограф, тщетно и опасно. И тогда Олег стал просить у братьев достать ему Библию. Эта затея удалась: в одном из сел умерла ветхая старушка и после нее осталась ничейная Библия, которой не

суждено было попасть в руки коммунистических идеологов.

Ночи напролёт читал Олег заветные главы и многие выучил почти наизусть. Чтение давалось тоже нелегко. В Ветхом завете его смущали иносказания и упоминания о людях той эпохи, о которых ему не довелось слышать на школьных уроках истории. Олег подспудно чувствовал, что в далеких библиотеках есть книги, подробно объясняющие все библейские тексты исторической точки зрения. Но где же их взять? Изучение Библии принесло ему душевное спокойствие: теперь он твердо знал, что нельзя отвергнуть верующего из-за нетрадиционной одежды, отсутствия платка на голове, что человека характеризует полное обращение к Иисусу Христу, выражающееся в действии Святого Духа. Евангелие не принесло каких-либо затруднений Олегу - в то время он не знал о множестве связей между двумя частями Библии, но для работы с паствой ему вполне хватало усвоенного. Теперь он уверенно начал проповедовать свои взгляды, почерпнутые из Библии.

Пряательницы Эмиля Геллера немедленно донесли ему о переменах в проповедях молодого пастора и брат Эмиль озабоченно высказал свою готовность помочь, как он выразился, этому молокососу.

Был человек, затаенно радовавшийся тому, что Эмиль Геллер избегал Олега Сименса и его паствы. Радовалась жена пастора Галина, поначалу серьезно струхнувшая из-за сопротивления Эмиля смешанным бракам. Она-то была русской и очень не хотела неприятностей своему мужу-немцу. Надо сказать, что Эмиль уже успел добраться до Галины и несколько раз поучал ее, что брак с немцем противоречит

библейским запретам Ездры. По мнению Геллера Олег должен был оставить Галину вместе с детьми.

Несколько осложнились взаимоотношения Олега с тестем Юрьевым. Но не из-за Геллера, а вследствие повышенной бдительности брата Алексея. Старику почудилось, что один из молодых братьев в их общине - несомненный «стукач», то-есть добровольный осведомитель КГБ. И теперь Юрьев просто надоедал зятю напоминаниями, что он ответственен за спасение душ всех братьев и сестер, а потому должен позаботиться о разоблачении и устранении агента госбезопасности.

Пастор Сименс хорошо знал парня, о котором шла речь и понимал, что тот всегда был неисправимым мечтателем. Начитавшись сочинений коммунистических идеологов, он стал при всех утверждать, что в коммунистическом учении многое заимствовано из Евангелия, поэтому цели обоих течений совпадают. Он говорил, что придет час, коммунисты поймут это и дружно обратятся к учению Иисуса Христа, будут жить по его заветам. В противном случае Господь их покарает и сотрет с лица земли.

Всё это было наивно, может быть глупо, но искренне. Алексей Юрьев был убежден, что это секретная служба нафаршировала голову бедного парня такой околесицей и он всерьез поверил, что христиане и коммунисты будут мирно сотрудничать в этой стране. Олегу не удалось переубедить своего тестя и тогда, когда наивный юноша вместе с другими братьями из незарегистрированной общины был заключен за решетку. «Ну вот,- сказал Юрьев,- безопасность пытается сделать из своего человека мученика, чтобы мы ему больше поверили!» Были

мгновения, когда Олег не на шутку сердился на своего тестя, но, к счастью, эти сомнения не выходили за порог их дома, поэтому пастор успокаивался и порицал себя за гнев на старика, отца своей любимой жены.

Олега огорчало взаимное недоверие, умело насаждаемое среди людей, а потому особенно живучее. С ним был такой случай: в большом сибирском городе собрались руководители незарегистрированных общин евангельских христиан-баптистов и его пригласили на беседу. После собрания Олег купил билет и ждал поезда в большом неуютном зале. Вдруг он услышал вблизи быстрый женский говор на немецком языке и прислушался. Женщина говорила своему спутнику: «Вот этот молодой кажется мне очень подозрительным. Он так внимательно посмотрел на наш чемодан». Олег поневоле рассмеялся и это еще более усилило подозрительность женщины. Молодой пастор выглядел очень прилично: меховая шапка, новое пальто. Но сам Олег понимал: опытный железнодорожный вор не станет бродить в отрепье, он будет элегантен, привлекателен... Так ему легче совершать свои тёмные дела в среде таких же внешне лощеных представителей привилегированного общества. Ведь для этого ему нужно постоянно быть среди них, а в этой стране хорошо одеваются не обязательно те, кто хорошо работает. Многие еще со школьной скамьи начинают свой путь к такой должности, которая позволяет постоянно быть наверху, занимать представительные посты, не слишком утруждая себя. Для этого поначалу надо пробиться на выборные посты в комсомоле, потом в партии, а уж оттуда можно пересесть в любое директорское

кресло, в котором обязанностей немного, а зарплата лучше... Люди этого слоя ездят в спальнях вагонах, ждут поездов в специальных залах, обедают в потайных кабинетах ресторанов, им подают машины к самолетам, на перроны и пристани, куда остальные могут попасть только собственным ходом. А в сущности они так недалеко от вагонных воров, только стиль воровства у них иной... Они воруют благосостояние у рабочих и крестьян, у их детей, развращая последних своим благополучием и понуждая к такой же сомнительной карьере.

От этих мыслей Олег перешел к раздумьям о сегодняшнем собрании. Оно было тайным и это обстоятельство само по себе навело Олегу грустные мысли. Почему нужно прятаться верующим? Ведь речь идет о свободе совести? Почему мы все время подозреваем друг друга? Почему эти симпатичные люди на вокзале приняли пастора за вора? Кто посеял такое недоверие?

Зарегистрированные общины баптистов распались по всей стране, говорили участники собрания. Все попытки примирения на местах и в столице не привели к успеху. Авторы «Нового положения» отказались признать его разрушительное влияние на единство баптистской церкви.

В новых общинах возникли сложные проблемы: не было людей, способных взять на себя пасторское служение. Молодые христиане с огромным рвением добивались пересмотра жестких правил, продиктованных указаниями из центра, но их революционный порыв /«огонь и пламень» - подумал Олег/ не приносил желаемого результата, в ряде случаев как бумеранг возвращался к инициаторам

обновления в их общины, многие члены которых не желали перемен, боялись преследований. Молодежь слышала те же обвинения, что и высказанные ею в старых общинах.

Олег тоже выступил на собрании. Он говорил о том, что раскол, позиционная война затмевают основное задание церкви: нести спасение людям, указывать им путь к Христу. Стремление унижить помазанников Бога, противостоять «Новому положению» объяснимо, потому что очень многие осудили документ как несоответствующий Библии, но такое противостояние не может быть бесконечным, ибо ослабит влияние церкви. Олег рассказал, что вышел из зарегистрированной общины без принуждения, не питая какого-либо плохого чувства к братьям и сестрам, а лишь потому, что в этой общине запретили общаться с теми, кто искал путь к Христу, особенно с детьми и молодежью. Безрассудно расточать силы в междуусобице, надо поскорее найти такой выход из положения, который бы всех устраивал и соответствовал бы призванию церкви. Только так мы выполним завет нашего Господа Иисуса Христа!

Вокзальное радио объявило о прибытии поезда и Олег пошел на перрон. В этом городе поезд стоял целых полчаса и это порадовало Олега. Ему предстояло ехать 36 часов, а такой дальний путь в уютном уголке мог стать приятнее, чем среди шума и ссор путников. В купе Олег увидел всё ту же супружескую пару и несколько удивился. Зато супруги были просто поражены. Пока Олег вешал на крючок свои шапку и пальто, женщина прошептала по-немецки своему спутнику: «Видишь, он опять с нами. Это всё

неспроста. Он очень подозрителен!» Мужчина тоже встревожился и в ответ спросил: «А деньги с тобой?» Женщина прошептала: «Да, во внутреннем кармане».

Олег поздоровался по-русски и сел на нижнюю полку. Всё происходящее его огорчало: он искренне сожалел, что причиняет такое беспокойство в общем довольно симпатичным людям, но не знал как развеять их тревогу. Не станешь же, в самом деле, убеждать их, что ты не вор. Ведь они только шепчутся об этом...

Супруги зашептались. «Я предчувствовала, что наша поездка будет неприятной», - нервно говорила женщина. В ее голосе было одно страдание. Олегу она казалась упрямым ребенком, который делает глупости, а старшие не осмеливаются его остановить. Ему было жалко мужчину, всё более теряющегося в двусмысленном положении. Женщина повозилась и украдкой сунула мужу кошелек. Через мгновение она спросила у него: «Ты куда положил?» Он прошептал: «Во внутренний карман пиджака». Женщина запротестовала: «Так я и знала, ты заснешь, а он выгадит!» Муж не согласился: «Когда мы будем укладываться, я положу под подушку».

Было уже совсем поздно и женщина приготовила на своей стороне две постели. Муж ее поднялся на верхнюю полку, немного поворочался и уснул. Но спал он тревожно, бормоча и переворачиваясь... Женщина не спала и вдруг по-русски спросила:

- А вы, молодой человек, разве не будете спать?

- Уже укладываюсь,- сказал Олег.- Спокойной ночи!

Женщина только вздохнула, но вскоре ее дыхание изменилось - она спала. И тут Олег услышал как

при очередном переворачивании пассажира на верхней полке что-то шлепнулось на пол. Олег усмехнулся: кошелек выпал из-под подушки. Женщина мгновенно проснулась и подняла упавшие ценности.

Олегу всё не спалось. Поезд гулко мчался по рельсам сквозь просторы Алтая. Тяжесть вдруг навалилась на сердце. Олег горько усмехнулся: за последнее время всё чаще с ним случались такие приступы и он уже не уезжал из дому без таблетки валидола. Вот и теперь он встал, чтобы достать ее и положить под язык. Одновременно с ним женщина вскочила на полке и прижала руки к груди. Олег устало посмотрел в ее испуганные глаза, но ничего не сказал и вновь лег на полку. Боль постепенно отпускала сердце. Олег подумал, что эти боли начались после того, как были осуждены члены братского совета общины, он остался наедине с ответственностью, со всеми заботами. Кто бы мог подумать, что боль настигнет его, не пережившего ареста и заключения за проволоку? Каково же им, оторванным от семей и братской поддержки!

Утром в дверь постучали. Проводник весело предложил чаю. Все поднялись в ожидании приятного события. Мужчина на верхней полке немедленно полез рукой под подушку и побледнел. Олег встревожился за него и подумал, что, к счастью, есть еще валидол. Но женщина радовалась наступлению утра и вечерние тревоги уже не заботили ее. Голос ее был торжествующим:

- Вот видишь, дорогой, ты все таки уронил наши последние деньги. А я их подняла и сохранила!

Муж с наигранным ворчанием спустился с верхней полки и сел рядом с Олегом, извинившись за

вторжение. Купейные места имеют то неудобство, что пассажиру с верхней полки просто нет места внизу и он может рассчитывать лишь на доброжелательность спугников. Исправляя неловкость, о которой Олегу знать не полагалось, мужчина протянул руку и представился:

- Константин!

- А я - Адель,- добавила его спутница. Олег тоже назвал себя, после чего спросил:

- Не хотите ли бургерброд?

Достав хлеб, он поднял голову и замер: супруги, наклонив головы над стаканами чая, молились на немецком языке. Они молились! Олег был изумлен. Но тут же подумал, что они, возможно, еще не избавились от своих подозрений и теперь молятся о даровании прощения возможному вору, оставившему их сбережения в покое. После молитвы Константин непринужденно сказал:

- В этом году снега на полях было гораздо меньше, чем нужно для хорошего урожая. «Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть»...,- он смущенно замолк, не зная, видимо, как продолжить цитату из Библии по-русски.

-«...и будут глады, моры и землетрясения по местам» - от Матвея, глава 24-я,- закончил Олег.

Супруги даже привстали.

- Так вы верующий? - спросила Адель. Олег подтвердил.

- А мы были совсем иного мнения о вас,- почти прошептала она.

- Я это знаю,- сказал Олег.

- Откуда? Мы ведь говорили по-немецки!

- Вот именно,- улыбнулся Олег.

Ему было и приятно, и грустно от их смущения.

- А вы разве знаете немецкий? - спросил Константин. И Олег не выдержал, рассказал на немецком языке, что он тоже немец, христианин и даже пастор в баптистской общине. Константин вскочил и обнял Олега:

- Прости нас, брат!

Доверие - это не просто искусство общения, это истинное чудо. Советская действительность заставляет людей на каждого незнакомца смотреть с подозрением: он может оказаться, если не шпионом, вредителем, скрытым врагом народа, то уголовником или «стукачом» от КГБ. И как часто люди при этом ошибаются, так и не узнав никогда о своей ошибке. На самом деле все они очень славные и хорошие, и только по принуждению играют в такие постыдные игры. В купе вагона сразу установилась праздничная атмосфера, как будто здесь встретились люди, давно искавшие и обретшие друг друга.

- Этот урок мы никогда не забудем,- заверил Константин. Адель смущенно извинилась и после этого уже говорила мало. Так быстро оправиться от допущенной оплошности она не могла и заметно страдала, присматриваясь к Олегу - нет ли на его лице обиды?

Попугчики еще долго говорили о положении верующих в России и во всем Советском Союзе, обсуждали дела в поместных церквях. Поездка, вопреки грустным ожиданиям Адели, оказалась занимательной и время шло быстро. Хотя Олег и во время беседы не забывал о том, как много трудностей ждет его в родном городе, в его общине.

О трудностях в жизни и служении Олега Сименса мы знали из писем, хотя и в общих чертах. Мы находились в исправительном лагере и строили огромный химический завод, после пуска которого жизнь в этих местах могла стать невыносимой из-за вредных загрязнений. Но об этом нас не спрашивали. Мы всерьез считали, что во многом переживаем гораздо меньшие испытания, чем Олег. Конечно, подневольный, рабский труд, отсутствие свободы передвижения, проживание в вонючих бараках - небольшое удовольствие. Но нам не приходилось теперь сталкиваться с теми проблемами, которые лишали сна бедного брата Олега.

Надзиратели в лагере в прежние времена не служили и теперь просто не знали, как с нами обращаться. Вроде бы мы преступники, но никого не убили, ничего не украли, работаем согласно и продуктивно, не сквернословим, не нарушаем порядок - с такими заключенными служить им было легко, даже просто. В моей характеристике было написано, что я бываю импульсивен и это было правдой, но начальство в лагере ценило и то, что со мной не возникало проблем. Я ведь твердо знал, что не останусь беззащитным перед произволом, что в дни испытания Господь установил надо мною особую опеку, поэтому нет причин для тревоги. Только мы среди двух тысяч заключенных в этом лагере имели такую высокую поддержку, поэтому нас не пугали земляные работы в жару и в дождь. Мы ждали освобождения.

В лагере строгого режима отбывали различные сроки заключения представители самых разных религий, но христиане были наиболее многочисленны.

Пятидесятники и адвентисты, православные и католики, лютеране и методисты - обвинения у них были разные, а сроки - от трех до пяти лет. Каждый из них был по-своему уникален, многие просто великолепны. Это мы были новичками, а здесь встретились с истинными ветеранами советского ГУЛАГа - огромной системы исправительных лагерей, тщательно сохраненной даже после смерти Сталина и устранения от власти его непосредственных сообщников. Ветераны испытали на себе изощренные методы воздействия на психику, ринуждения и унижения, растления и других издевательств, но выстояли. Зато здесь они прошли настоящие университеты борьбы и хорошо знали, как выжить при непосильном труде, как передать на волю скрытую весточку, а с воли получить продукты, необходимые для восстановления сил.

Не все мои товарищи склонялись к заимствованию такого опыта. Нам разрешили писать два письма ежемесячно и Тихон считал, что этого вполне достаточно, чтобы знать, как обстоят дела в семье, что нового на воле. Его не смущала необходимость пропускать эти письма через лагерную цензуру. Не соглашался Тихон и с методами добычи продовольствия в обход лагерных предписаний. Он объяснял нам, что христианин должен воспринимать превратности судьбы в таком виде, в каком они предстают перед ним в его земной жизни. «Не пытайтесь изменить что-либо в предначертаниях Господа» - говорил Тихон. Но как быть людям, которым при тяжелом физическом труде явно недостаточна дневная норма в 700 грамм хлеба? Как жить адвентистам, не принимающим свинины и

смальца? Они ведь отказывались даже от жиденького лагерного супа, потому что в нем иногда плавали микроскопические кусочки свиного сала? Православные пытались соблюдать Великий пост перед Пасхой, а потому в течение нескольких недель ели только рыбу, если она была. Всем им приходилось изо дня в день трудиться на строительстве химического завода и так рассчитывать свои силы, чтобы их хватило на все пять долгих лет заключения.

Лагерь строгого режима был так тщательно огорожен колючей проволокой, имел такие хитроумные средства предотвращения побега, что, думаю, позавидовала бы охрана гитлеровских лагерей!

Но даже эти сложные ограждения не могли помешать человеческой изобретательности. С нами отбывал срок некий иезуит, который ухитрился получать с воли столько писем, сколько считал нужным. Нас он снабжал продуктами. И хотя богословские межконфессиональные споры в бараках не утихали, у общего угощения все были равны и дружественны. Для всех оставалось загадкой, сколько же лет провел иезуит в лагерях, но сам он не спешил открывать свою тайну.

В бараке умирал старый, семидесятилетний адвентист. Более 20 лет в разных лагерях строил он коммунистическую индустрию и, видимо, исчерпал все свои силы. Он был тяжело болен и буквально разлагался: тело распухло и распространяло в бараке жуткий запах. Все старались держаться подальше от нар умирающего и лишь старый иезуит сидел возле несчастного и читал католические молитвы. Заключенные требовали перенести больного в лазарет, но надзиратель сказал, что дни его сочтены и не

стоит возиться. Однажды старый католик позвал всех поближе к своему подопечному. Тот почувствовал приближение смертного часа и хотел обратиться к нам. Он взял иезуита за руку и произнес:

-Придите, братья, примите благословение, чтобы исполнилось: я был в тюрьме и вы пришли ко мне... Я скажу вам, что все ваши споры о католическом, православном и протестантском - чистейший вздор. Перед Господом только одно имеет вес - ваша любовь...

Эти слова стали завещанием старого протестанта. Не менее старый католик закрыл его глаза и склонил голову в зауспокойной молитве.

17 сентября 1964 года СОМНЕНИЯ

Олег Сименс радовался теплему осеннему дню. Небо над головой несколько поблекло, листва изменила цвет, но солнышко грело с особенной лаской, как бы прощаясь с рабочим людом до отдаленной весны.

Начальник строительного управления поручил Олегу важное задание: отремонтировать дом подполковника госбезопасности, пенсионера. Чтобы не мешать маляру, подполковник с супругой и внуками переехал на дачу, построенную на острове посреди Иртыша. В управлении Олегу сказали, что он управится один и дали на всё два месяца сроку. Иногда к нему на работу приходила Галина с сыновьями, не столько для помощи, как повидаться. Дети уже ходили в школу. Олег трудился с удовольствием и был даже огорчен, увидев гостью, уверенно открывающую калитку.

- А я к вам с приветом,- сказала незнакомка лет тридцати, довольно привлекательная и какая-то неместная. Позже выяснилось, что она родом из Литвы. - Привет мой - из исправительного лагеря, от ваших братьев по вере.

Олег спустился с лесенки, на которой устроился с ведром краски и устался на незнакомку. Она продолжала:

- Жизнь за проволокой - сами знаете... Мои друзья пашли лазейку, чтобы поддерживать верующих в лагере. Довольно долго мы помогали им. Но теперь деньги кончились и мы просто не знаем как поступить...

Олег был огорошен появлением женщины, но не подал виду. Он лихорадочно соображал... Конечно, надо помочь братьям. Но как бы ни были щедры баптисты в ихней общине, им не вытянуть такую нагрузку. Ведь и так уже помогают семьям заключенных. На каких условиях будет оказана помощь?

Олег раздумывал. Легальны ли эти действия? Не ухудшит ли он положение заключенных? Что делать? Прежде всего надо посоветоваться с братским советом. Пусть подскажут...

-Знаете что,- сказал он незнакомке.- Дело это непростое и так сразу решить его я не смогу. Хотя бы потому, что у меня нет наличных денег. Нам надо посоветоваться, подумать, как выйти из этого положения. Не смогли бы вы через неделю, в этот час, подойти к киоску с мороженым у южного входа в городской парк? Я буду ждать там вас до семи часов вечера.

На том и поладили. Молодица ушла, а Олег погрузился в раздумья. Ничего себе предложенье! За такую «помощь» полагается шесть лет заключения! А какой шум поднимется! Пресвитер незарегистрированной, то-есть подпольной общины, уличен в пособничестве осужденным преступникам! В газетах, по радио, на собраниях по месту жительства только и речи будет, что о нем! С другой же стороны, где взять денег? Ведь, кроме помощи семьям, приходится платить штрафы админкомиссии, если на собрании застают посторонних, то-есть верующих, которые еще не внесены в список общины. А такое частенько случается, людям ведь не запретишь приходить на Богослужения.

Вечером Олег сел за Библию и стал читать страницу за страницей. Ему приходилось слышать, что есть книга, в которой вся Библия расписана слово за словом с указанием всей цитаты, но где же взять такое замечательное издание? Довольно быстро он нашел знакомое место Писания, где Иисус учит апостолов помогать заключенным в темницах. Это была 25-я глава в Евангелии от Матвея. Значит, надо согласиться на предложение женщины и организовать сбор средств для заключенных братьев!

С таким предложением Олег пришел на братский совет. Но его не поддержали. Братья сказали, что это сплошная нелегалщина и путь в лагерь. Так как Богу было угодно подвергнуть братьев испытанию, Он их не оставит в трудном положении и даст им хлеб насущный. Кроме того, речь идет не о вопросах веры и вмешательство общины может быть истолковано превратно. Акция нелегальной помощи противозаконна и не соответствует взглядам законопослушных баптистов. За благовестование верующий может страдать в узах как злодей, но для слова Божия нет уз, учит Библия.

Когда уже, казалось, всё было сказано, один из братьев протянул Олегу фотографию, сказав: «Дома посмотришь повнимательнее». Возбужденный полемикой, Олег не придавал особенного значения снимку, а дома вспомнил о нем и полез в карман. За столиком сидели руководители Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов - их было двое и не узнать их было невозможно. Сфотографировали их в ресторане во время очередной заграничной конференции. Среди тарелок с изысканной снедью высилась бутылка заморского вина, перед гостями

стояли полные бокалы. Олег огорчился: за такое употребление спиртного баптистов исключали из общины и это все прекрасно знали. Фотография была сделана гостеприимными организаторами конференции и каким-то образом попала к «инициативникам». Что теперь ждало высоких деятелей совета? Но возможна ошибка... А если это не вино? А если фотография смонтирована в спецслужбах или другими недругами церкви, чтобы скомпрометировать баптистскую церковь? Если бы такое случилось в их общине, Олег обязательно беседовал бы с провинившимся наедине, чтобы определить степень его вины. А кто беседовал с руководителями совета? Не клевета ли? Не грех ли хранить и распространять такие фотографии?

Олег пошел на кухню и сжег фотографию. Галина, наблюдая за тем, как почернел и свернулся в пепел квадратик фотобумаги, спросила:

- А может быть правду говорят, что наши руководители ездят за границу, чтобы там пьянствовать и покупать разные излишние, недостойные вещи?

Олег посмотрел на жену с ласковым вниманием:

- Возможно, это правда. Иисус Христос пил с мытарями и грешниками. Иоанн Креститель был воздержан, но его оклеветали и убили... Самое страшное - клевета. Ее я боюсь... В нашей среде есть немало фанатиков, которые живут воздержанно, но они опьянены самоуверенностью и способны оклеветать каждого, кто не поддерживает их крайнего фанатизма. В наших общинах запрещен алкоголь лишь потому, что в нашей стране люди не знают меры и, упиваясь, творят немало зла, а Библия учит нас быть воздержанными в употреблении вина, потому

что оно ведет к распущенности. Кроме того, люди на снимке сидят перед бокалами, но я не могу утверждать, что они пили вино или были пьяны. По снимку этого не скажешь... Пьяницы Царства Божия не наследуют, писал апостол Павел. Но апостол Матвей говорил также: «Не судите да не судимы будете»/Мт. 7:1/.

...День за днем приближали необходимость принятия решения, а Олег всё еще не знал, как ему поступить. Работая в доме подполковника госбезопасности, Олег постоянно думал о предстоящей встрече с литовской гостьей. Вдруг послышался тихий гул автомобиля и на улице остановилась «волга» хозяина дома. Он приехал без обычного предупреждения: по выработанной за многие годы службы привычке подполковник обязательно звонил перед своим появлением, как бы опасаясь смутить Олега.

В городе об этом офицере государственной безопасности среди осведомленных людей было особое мнение. Он появился неожиданно, в связи с тем, что достиг пенсионного возраста. Раньше его не видели на разных массовых демонстрациях, где обязательно мелькают лица, в которых нетрудно узнать сотрудников КГБ. Никто из братьев, побывавших на профилактических беседах в мрачном корпусе местного управления КГБ, не мог назвать его среди тех, кто занимался запугиванием верующих предупреждениями о неизбежном наказании. Не было его и на допросах задержанных. Олег предполагал, что этот человек длительное время работал за границей... В его поведении было много непривычного: не было устрашающего, недоверчивого взгляда с

налетом постоянной бдительности, с людьми он говорил доброжелательно и не один из пресвитеров мог бы поучиться у него умению располагать к себе собеседника.

Олег уже красил крышу и подполковник приветливо помахал ему рукой, не приглашая спускаться, но Олег и сам поспешил вниз. Обменявшись рукопожатием, мужчины поговорили о погоде и ходе ремонта, после чего седеющий офицер вдруг сказал:

- Довелось слышать, что ваши друзья готовят новую головоломку для лагерного начальства?

Олег был изумлен.

- О чем вы?-растерянно спросил он, а сам подумал, что бывают правы те, кто утверждает, что КГБ знает даже то, чего еще не было.

Его собеседник стал серьезен.

- Давайте присядем на садовой скамье,- предложил он.- Там нас никто не услышит, а поговорить надо. Я отношусь к вам с большим уважением и не хотел бы, чтобы вы натворили глупостей.

Они присели на выкрашенную и уже высохшую скамью, после чего хозяин дома продолжил:

- Старый адвентист в лагере умер. К сожалению, умер и доктор

богословия, провожавший его в последний путь. Патер иезуитов, он 36 лет провел в наших лагерях, но остался непреклонным католиком... Один из баптистов, очевидно, тяжело болен. Но все они держатся, никто не отступил от своей веры.

Олег Сименс удивленно смотрел на собеседника и тот это удивление заметил. Он даже попытался взять Олега за руку, но удержался.

- Не удивляйтесь нашей беседе,- сказал он.- Я намеренно сегодня приехал, чтобы поговорить с вами, потому что встреча у южных ворот близится и я не уверен, что вы примете правильное решение.

Олега, как говорится, бросило в жар.

- Вы знакомы с гостьей из Литвы?-спросил он- Она католичка?

- Она такая же католичка, как я литовец, - усмехнулся подполковник.- Но вы послушайте, что я вам скажу. Свидетелей нет и я ничем не рискую. Всё, что сейчас делает с церковью наш уважаемый Никита Хрущев - абсурд. Он и в прошлом увлекался крайним атеизмом, разрушал и корчевал... А это не лес, тут подход нужен. Мне пришлось побывать в мире и я убедился на личном опыте, что даже в странах тоталитарного управления диктаторы умело используют церковь для укрепления государства. Я ведь тоже знаю, что всякая власть - от Бога. Верующие - наиболее законопослушная, морально устойчивая часть общества, они прекрасно работают, не воруют ничего со своего завода или со стройки. Если бы мы создали атмосферу максимального благоприятствования церкви, то многое удалось бы и в коммунистическом строительстве, в экономическом развитии нашей страны. Последняя война еще раз подтвердила, какой мощной организующей силой является церковь. Не знаю, что думать о Сталине... Или он впрямь считал, что сумеет внедрить в эту многомиллионную массу свою религию, или мстил за неудавшуюся личную карьеру после исключения из семинарии? Я этого не знаю... Я знаю, что в наших кругах об этом поговаривали, а уж мои коллеги хорошо знали горячность, непредсказуемость,

коварство Сталина. Мне тоже пришлось поработать в лоне церкви. Я был пастором в одной африканской стране, прислуживал в мечети на Востоке... И, знаете, у меня не только неплохо получалось, но даже нравилось. Я ощутил такое влияние неведомой ранее высшей силы, с которым хотел бы жить, если бы не присяга и другие определенные обстоятельства... Так что мы, пастор, коллеги,- офицер улыбнулся и хлопнул молодого собеседника по плечу.

- Теперь поговорим о нашей литовской красавице,- продолжил он.- Я уже служил, когда вас еще не было на свете, служил далеко отсюда и многое повидал. Очень не нравится мне топорная работа, которую ведут многие в нашей стране. В каждом деле должна быть филигранная точность, рациональность, понимание целесообразности тех или иных действий. Я уже высказал свое отношение к церкви... Но дело не только в этом. Тотальная слежка... Это же анахронизм. Если в стране достаток, то ее граждане уважают правительство и благонамеренным трудом умножают этот достаток. И кому какое дело до того, что именно говорит за чашкой вечернего чая своей жене или соседу какой-нибудь плотник или слесарь? Это мнение должны изучать не спецслужбы, а специальные институты, как это делают на Западе. А если мы стоим на грани экономического краха да при этом еще трубим в газетах о превосходстве нашего общественного строя, то, извините, какой же дурак станет восхвалять руководство страны?

- Извините и вы,- перебил собеседника Олег, внутренне сжавшийся от такой опасной беседы.- Что же будет с нашими братьями в лагере?

Подполковник нахмурился:

- Не они первые,- жестко сказал он.-Да и времена сейчас другие. Миллионы прошли через лагерь, не все вернулись, это правда... Но есть и другое: почему вашим людям должно быть лучше, чем остальным? Если уж им выпало такое испытание, пусть не ищут лазеек. А вообще-то я вам дам совет.

Подполковник заметно пытался не показать некоторого раздражения:

- В этом лагере отвечает за продовольственное обеспечение капитан. Обратитесь к нему, передайте мой привет. Услышанное никому не повторяйте, но я вам скажу, что он происходит из семьи верующих и сам в детстве пел в церковном хоре. Его родители при Сталине погибли в одном из лагерей ГУЛАГа, а мальчик вырос в специальном детском доме и, как считают, воспитан в духе безусловной преданности нашей партии и социалистическому Отечеству. Передайте ему мой привет и попросите помочь больному баптисту. Кстати, пусть и за остальными присмотрит, чтобы их не объедали. Капитан просил меня достать ему Библию. Я мог бы это сделать, но источник, как вы понимаете, не тот. А вы уж постарайтесь, достаньте. Он будет рад. Желаю вам успеха!

Олег спросил вслед:

- Скажите честно-это ловушка?

Подполковник резко остановился и повернулся к Олегу:

- Так примитивно я не работаю,- сказал он. И тут же добавил.- В целом же я уже изложил свои взгляды. Вам остается только поверить мне. Впрочем, вы ведь все равно пойдете на свидание у ворот

парка! Так что думайте. Могут вам сказать, что ваши споры и раздоры в общине очень нужны вашим недругам. В этом нет ничего нового: испытанный способ управления - разделяй и властвуй. Вам надо бы сосредоточиться на самом существенном. А впрочем, вам виднее...

...Дома Олег вопреки обыкновению прилег на диван. Галина даже встревожилась: не заболел ли муженек? Но Олег просто хотел еще раз подумать о событиях последних дней, которые отнимали у него гораздо больше сил, чем малярные работы.

Господи, какова воля Твоя? Пусть исполнится!

... Вот и настал день свидания у киоска с мороженым. Олег был на месте, но его знакомая не появлялась. Он сел на скамью и принялся разглядывать прохожих, пытаясь угадать, кто из них чем занят в этой жизни. На скамье ему было неудобно, почему-то казалось, что за ним следят. Олег подумал, что это следствие недавних бесед с сотрудником КГБ, но все же поднялся и пошел в парк, где вблизи ворот блестел в закатном солнце небольшой пруд. На лавочке, почти невидимой от входа, сидела его литовка и оживленно беседовала с мужчиной, который был почти невидим из-за кустарника. Олег сделал еще два шага и ошолбенел: собеседником подозрительной женщины был Павел - член братского совета их общины. Вот так новость!

Олег поспешно вернулся на скамью возле киоска с мороженым и стал ждать, чувствуя волнение и раздумывая, не полезть ли в карман за валидолом. Вскоре появилась женщина, извинилась, поздоровалась и села рядом. Она объяснила, что не сразу нашла городской парк. Олег огорчился от очередной

лжи: найти городской парк не составляло труда. Женщина непринужденно забросила руку на спинку садовой скамьи и Олег почувствовал какую-то неловкость от такой позы, но посчитал неудобным возражать. Литовка окинула его сияющим взглядом и спросила, каково же решение братского совета по их общему делу. Олег поднял на нее взгляд и вдруг краешком глаза заметил, что на него издали смотрит объектив фотоаппарата. Конечно, у городского парка могли фотографировать и гуляющие, и уличные фотографы-профессионалы, но Олег на всякий случай встал и повернулся лицом к собеседнице, заслоняя ее от объектива. Он сказал ей:

— Мы решили, что не сможем нарушить установленный порядок. Наши братья разделяют судьбу многих заключенных и мы не в силах что-либо изменить.

Женщина возмущенно вскочила на ноги и Олег поневоле отодвинулся от нее, вспыхнувшей гневом. Он не мог не заметить, что в это мгновение она была прекрасна! Фотограф, видимо, тоже заметил перемену и стал делать женщине знаки: подойди, мол, поближе! Олегу не понравилась его назойливость и он вновь стал так, что загородил собеседницу спиной.

— Как можно быть столь равнодушными к судьбе своих братьев! — провозгласила тем временем женщина. — Мы тоже рисковали из-за ваших людей! Я сюда приехала ради них! Больше всех рисковал старый патер и теперь и он должен получить какую-то награду!

Олег грустно улыбнулся: актерские способности у его собеседницы были!

- Старый пастор умер в лагере и теперь Господь воздаст ему за его доброе сердце,- сказал он.- Позвольте мне попроситься. Жаль, что я огорчил вас, но и вы меня сегодня огорчили... Не будем об этом. Прощайте!

Издали Олег бросил последний взгляд на женщину и заметил, что уличный фотограф стоит рядом с ней и что-то ей объясняет. Ему было досадно и не по себе от всего происшедшего. И все же он не удержался от злорадной мысли, что фотографии не получились. «Надо было Павла снимать с красивой «стукачкой»,- подумал он. Но и от этой мысли ему было больно.

... У Олега не было секретов от жены и он ей всё рассказал о пережитом в парке. Галина считала, что об этом надо сказать братскому совету. И для предостережения, и для того, чтобы об Олеге не подумали плохо. Не только фотограф мог видеть его у киоска. Да еще с красивой женщиной!

Олег Сименс последовал совету жены и на очередном заседании совета предложил брату Павлу покаяться и рассказать всё о связях с таинственной незнакомкой.

- Вернись к праведной жизни и Господь простит тебя,- уговаривал он. Но Павел возмущенно отбросил его просьбу.

- Это ложь и жалкая попытка скомпрометировать меня в церкви,- закричал он.- Именно так и начинаются наши расколы! Одному показалось, другой что-то придумал! Доказать надо!

Тут встал еще один из членов братского совета и сказал:

- Я поддерживаю брата Олега. И вот почему.

Ко мне обратилась жена Павла и пожаловался, что на душе у нее тревожно: муж ведет непонятную жизнь. Иногда исчезает на несколько часов без какого-либо объяснения, не раз приносил непонятно откуда деньги. Павел, если с тобой случилась беда, покайся, облегчи душу. Мы пойдем тебя и поможем вернуться к Богу!

Но Павел никого не хотел слушать.

- Все вы здесь одинаковы!- закричал он.- Не знаю, как это я соблазнился перейти с вами в новую общину! Теперь вижу, что ошибся! Но меня примут назад!

И он ушел, так хлопнув дверью, что во всем доме Тихона стекла тихонько зазвенели...

Олег решил не ездить к капитану-снабженцу самому, а поручил это дело одной из сестер. Он не был уверен, что после происшествия в парке за ним не следят и боялся причинить неприятности капитану. Кроме того, лучше было бы пойти к нему домой, а это тоже более пристало женщине, которая могла быть подругой или знакомой жены офицера. Так и сделали. Вскоре женщина, которой поручили ответственное задание, рассказала Олегу, что в семье капитана ее встретили хорошо, за Библию поблагодарили /книгу удалось купить одному из братьев в Москве/, капитан рассказал, что нескольких человек из их общины перевели в другой лагерь, а оставшимся он помогает по собственной инициативе. И не только им. Хотя всё это делать довольно сложно, приходится хитрить, потому что капитан госбезопасности в роли благодетеля выглядит в среде заключенных скорее подозрительно и это может повредить его подопечным.

Олег все чаще возвращался домой огорченным и Галина расспрашивала его о причинах плохого настроения. Он рассказывал ей о своих сомнениях. В церкви идет серьезная борьба, говорил Олег, начавшаяся из-за неудачного «Нового положения». И от него многие требуют более активных действий. В Барнауле, например, решили провести демонстрацию в защиту прав человека. Но Олег не считал такие акции задачей церкви. Правда, его успокаивали тем, что от него не ждут открытых демонстраций. А чего же ждуг?

Олега тревожили острые нападки отдельных баптистов на членов столичного совета: они, мол, предатели, они заодно с атеистами. Возможно, они и вправду ошибаются, но ведь заповедано Господом: не судите... Вот и на последнем конгрессе руководители церкви высказали сожаление о том, что «Новое положение» 1960 года привело к таким плачевным результатам. Они ведь думали только об укреплении порядка в церкви! Олег же считал, что компромиссы церкви с правительством всегда давали плачевные результаты, почему же теперь следовало ждать чего-то иного? Всесоюзный совет тоже может ошибаться и его членам просто надо подсказывать, а не нападать и отказываться повинаться. Мы должны, считал Олег, показать пример такой жизни, какой жил в Иудее Христос, убеждая и прощая, а не теряя силы в спорах со своими же братьями.

Этими мыслями Олег поделился с братским советом общины и они вместе разработали план действий. Не следует никого осуждать, памятуя завет Господа: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение,

Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19). Община не должна слепо следовать большинству, даже если во главе его стоят влиятельные христиане. Принцип подчинения большинству в коммунистических организациях привел к множеству ошибок, не следует повторять грустный опыт.

Братский совет решил, что община должна поддерживать связи со всеми христианами, независимо от того, принадлежат ли они к общинам, признанным государством или незарегистрированным. Эти три тезиса братский совет считал основными в своей деятельности на ближайшее время. Но выполнять намеченное оказалось непросто. Молодежь рвалась на баррикады! Им было тесно в рамках, определенных «Новым положением», они ездили в Украину, в Прибалтику на встречи верующей молодежи, пытались организовать обмен молодежными группами из других республик. Олег понимал, что его молодые братья-христиане если не участвуют еще в печатании листовок, призывающих правительство прекратить преследование христиан, то несомненно причастны к их распространению. В некоторых городах, доходили вести, уже состоялись демонстрации верующих, пусть немногочисленные, но обратившие внимание властей на повышение активности протестантской церкви.

Молодые христиане создавали воскресные школы и руководители общин об этом не всегда знали. Постепенно такие школы перерастали уже в учебную сеть, поддерживали связи, обменивались книгами, нотами.

Эти действия были нарушением законов и могли повлечь за собой серьезные репрессии. Олег понимал это, но не мог противостоять молодым. Он и сам

был молод, понимал и во многом разделял взгляды своих сверстников. Кроме того, по складу характера он превьше всего ставил терпимость и надеялся, что Господь вразумит молодых, если они перейдут опасную черту. А молодые, не чувствуя запрета, обращали на пастора всё меньше внимания, не советовались с ним в своей деятельности.

Олегу досаждала также жена Тихона. Если уж в среду баптисток проникла нынешняя эмансипация, то Лидия стала ее первой сторонницей в их общине. Она и прежде, когда Тихон был на свободе, была склонна вмешиваться в его действия, даже отменять их. Сейчас она писала в лагерь письма, в которых не только подробно информировала о жизни общины, но и давала указы о том, как ему следует себя вести в заключении. Добродушный Тихон письма жены не держал в секрете и о них знали уже в общине. Всё это не имело бы большого значения, если бы Лидия не оказалась в составе небольшого совета, занятого организацией помощи семьям заключенных. Имея доступ к материальным благам, к чему-то конкретному, она почувствовала себя на голову выше своего пастора и заметно зазналась. Деликатный, обходительный Олег заметно уступал напористой, горластой Лидии. На это уже обратили внимание в братском совете, но Лидия на увещевания его членов ответила:

- Разве зеленый ионец может посоветовать что-нибудь путное людям в заключении? Что он знает об их жизни? Нет уж, я сама буду присматривать за тем, чтобы они в лагере не сбились с истинного пути.

Именно Лидия начала осуждать Олега за то,

что их община не проводит никаких акций протеста против заключения их братьев. Конечно, дело было не только в принципе, женщину угнетало отсутствие главы ее семьи. Но ее высказывания совпали с иной проблемой: стало правилом избегать контактов с зарегистрированными общинами, но Олег считал, что как раз в этом вопросе очень важна терпимость и связи с братьями и сестрами из зарегистрированной общины помогут им осознать, что сотрудничество с властями губительно влияет на церковь.

На Алтае состоялась конференция пасторов, в ходе которой положение дел в общине Олега было обсуждено и ему вдруг сказали, что он не должен притеснять Лидию и сковывать ее инициативу, направленную в защиту справедливости. Олег был удивлен. Оказалось, что Лидия сообщила о своем намерении организовать массовую сдачу верующими своих паспортов в милицию с заявлениями об отказе от советского гражданства, а пастор Олег Сименс якобы не соглашался на такую акцию. Олег впервые об этом слышал, но и теперь не был согласен с таким протестом. На конференции намерения Лидии одобрили, но решили вначале обратиться к правительству с петицией, в которой пригрозить волной протеста, если не будут смягчены репрессии против верующих. Олег отказался подписать петицию и обосновал на конференции свой отказ:

- Я готов пострадать во имя Христа,- сказал он,- но считаю бессмысленной попытку оказать воздействие на правительство, которое объявило религию своим врагом и в течение многих лет последовательно добивается искоренения христианства.

-Ты, наверно, просто боишься?- спросили из

зала.- Если это так, то под петицией нет твоей подписи. А остальным не мешай протестовать!

Олег промолчал. Он считал, что Иисус Христос прибегнул бы к убеждению, а не к открытой демонстрации. С Лидией же он решил поговорить откровенно и требовательно.

Бурные события изрядно выматывали Олега и он не огорчился, получив повестку в прокуратуру. Галина была встревожена, а Олег сказал ей:

- Если уж мне суждено быть рядом с братьями, так пусть это случится, пока у меня есть силы, пока я молод. Хотя за проволоку, конечно, не хочется...

Беспомощно смотрела Галина на мужа. А пятеро малых детей? Олег обнял жену за плечи. «В заключении, по крайней мере, всё однозначно и не нужно каждый день рисковать»,- подумал Олег.

В прокуратуру он собирался основательно: положил в чемодан Библию, рубаху, белье, чистую бумагу и карандаш... Но всё это оказалось излишним. Уста лый чиновник сказал ему, что пятеро верующих из их общины амнистированы и вскоре вернутся домой. Но это вовсе не значит, что они невиновны, поэтому надо будет позаботиться о том, чтобы эти люди впредь не конфликтовали с законом, не занимались подпольной деятельностью и коль уж им так хочется, пусть ходят на молитвенные собрания, но лучше в нормальную, зарегистрированную общину. И пусть не берут на себя функции священнослужителей, не имея на то диплома. Олег переспросил:

-Так меня в этот раз не посадят?- в его голосе было разочарование.

Чиновник усмехнулся:

- И что вы за люди? Я его обрадовать хотел, а он сам за решетку рвется. Еще успеете, на ваш век хватит и тюрем, и лагерей... И что там хорошего? Кстати, отныне можете проводить свои богослужения без помех. Но с детскими и молодежными мероприятиями не преувеличивайте... Мы будем по-сматривать.

Домой Олег явился в приподнятом настроении.

-Больше не будет арестов, не будет препятствий в Богослужении!-тор-жественно заявил он.

-Слава Богу!-сказала Галина и супруги обнялись.

Вскоре мы вернулись из лагеря домой и вдоволь наговорились с Олегом. Я искренне посочувствовал ему: остаться молодому пастору наедине с проблемами общины- сложно. Одни лишь заботы о семьях заключенных чего стоили! Мы знали из прессы, что на Западе многие деятели церкви хвалили нашу демократию - у нас, мол, и веротерпимость, и возрождение религии. Но на самом деле это было только на бумаге. На самом деле верующих, как и прежде, забирали в лагеря, не разрешали детям посещать храмы. Об этом мало знали на Западе. Там всех очаровало разоблачение Сталина и его клики, а поездки Хрущева по странам мира создали иллюзию открытых границ. О преследованиях христиан многие не хотели слушать: сейчас же не времена Древнего Рима. Последовательный организатор помощи преследуемым за веру Ричард Вурмбранд и сам тогда сидел в румынской тюрьме, Александр Солженицын еще не издал свой «Архипелаг ГУЛАГ», Георгий Винс, много лет работавший секретарем в объединении незарегистрированных баптистских общин,

неутомимый распространитель Евангелия, еще не был обменен на советского шпиона. Государственные деятели развитых стран делали вид, что лишь после смерти очередного советского диктатора им стало известно о его неблагоприятных делах. При жизни они лестили каждому из них... При таких обстоятельствах нечего было и думать о помощи западной церкви. Прошло еще несколько лет, прежде чем советские диссиденты стали печататься на Западе, выступать перед публикой после принудительного выдворения из Советского Союза. Прошло еще несколько лет...

А тогда, в 1965 году, мы радовались свободе и жадно слушали рассказы обо всём, что случилось в наше отсутствие. Особенно наслушался Тихон от Лидии. Много говорилось об Олеге, но эта противоречивая информация чаще всего не соответствовала моему представлению о молодом пасторе. Поэтому я прямо сказал Тихону, что он должен усмирить амбиции своей жены и предложить ей занять в общине подобающее место. За помощь нашим семьям мы благодарны, но из сделанного не следует, что Лидии теперь положена особая слава. Кстати, мы и свою-то славу пережили с трудом. После возвращения нас встретили как героев. Герои борьбы за веру! Да, мы не отрекались от веры и в лагере не раз проповедовали товарищам по несчастью Слово Божие. Но быть героями? Это уж слишком! Иногда мы совершали ошибки и я по сей день стыжусь их. Это была суровая школа. Мы воочию увидели и poznали малодушие. Мы смогли уберечь некоторых от самоубийства. Несколько уголовных преступников с нашей помощью уверовали, а лагерное начальство заметно изменило свое неприятие религии, стало терпимее.

Но героями мы не были!

Торжества скоро миновали, мы искали работу, проводили свободное время с детьми. Старались уделять побольше времени общине, но досуга не хватало. Тихон послушался нас и стал беседовать с супругой. Характер у нее был очень своеобразный. В спорах она сначала проявляла нерушимую твердость, потом начинались слёзы. Добившись своего, она мгновенно успокаивалась, торжественно вытирала слезы и говорила уступившему: «Я ведь тебя предупреждала!»

Я посчитал необходимым предупредить Тихона о кампании против Олега.

- Ты ведь не думаешь, - смущенно сказал он, - что я начну преследовать своего брата во Христе? Конечно, у него были ошибки. Но на мою поддержку пусть Лида не рассчитывает.

18 декабря 1965 года

РАСПЛАТА

Это было ежемесячное собрание общины из тех, на которых мы обычно обсуждаем свои текущие дела. Поднялся Тихон. Как водится, он начал с благочестивых изречений:

- Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода /2 Кор. 3:17/. Но я боюсь, что ваши мысли обращаются во зло против Христа.

Тихон закрыл Библию и продолжил:

-Я вижу, что в нашей общине нет свободы в мыслях, нет той простоты, которая так необходима для благовествования. Разве же правильно, что наша молодежь часто принимала решения тайно от пастора и даже вопреки его мнению? И это по вашему есть свобода во Христе? Но и брат Олег, наш пастор тоже был неправ. Я уже 12 лет женат и за эти годы не имел повода в чем либо упрекнуть мою жену Лидию. Я ей верю. Верю и в том, что Олег угнетал и преследовал ее в мое отсутствие. А посмотрите на остальных членов общины? Многие из них не знают скромности и братской простоты в общении! И это ли не упущение в работе пастора? Он не смог воздействовать на общину и сама община под его руководством не влияла на своих отдельных членов. Его служение было безуспешно, потому что оно бездуховно. Таково мое мнение после многих раздумий и бесед.

Все сидели изумленные. Виктор Поплавник даже побледнел от волнения. Ничего себе внушение! Да ведь оно полностью продиктовано Лидией! Ведь предупреждали же Тихона, чтобы он не был игрушкой

в руках жены, не всё, сказанное ею, принимал на веру. Надо и самому соображать. Если пресвитер всегда и во всем слушает только свою жену, то не лучше ли ее поставить пресвитером? Лицемерие было и в том, что на словах постоянно твердили: женщина должна приходиться в церковь с покрытой головой, женщина в общине должна молчать. Так учил апостол Павел. На самом же деле женщины уверенно дирижируют всеми делами в общине через своих мужей, скромно оставаясь в тени. Большинство мужчин не желает связываться с ними и уступает, даже если они бывают неправы.

Но, с другой стороны, почему женщины лишены слова и вынуждены воздействовать на события через интриги? Не проще ли допустить женщин к управлению общиной в соответствии с их способностями? В Ташкенте пресвитер Николай Храпов, рассказывали, посоветовал выбирать женщин в братский совет общины и не жалел об этом - они оказались деятельными хозяйками. Ведь там, где женщины активно участвуют в службе общины, им нет нужды доказывать свое право на это. Вот принял необычное решение Храпов и никто в стране не назвал его либералом или еще каким-нибудь непривычным для баптиста именем. Как часто еще со времен Тертуллиана мужское тщеславие вынуждало женщин прибегать к скрытым методам воздействия. Такие мысли возникали у Виктора, несколько ошеломленного выпадом Тихона. Ему было жаль Олега, тоже огорошенного этим выступлением.

Конечно, Олега можно было упрекнуть в чрезмерной осторожности. Но не более того! Он никогда не заботился о личном благополучии,

преимуществах для своей семьи, весь отдавался заботам общины, радостям и горестям ее членов. В лагерь он писал: «Я завидую вам, братья, хоть ваша судьба незавидна. Мы вами гордимся. Я тоже хотел бы быть рядом с вами и лишь призвание к служению в дни вашего отсутствия держит меня здесь».

Это был стон раненого сердца. И против этого сердца Лидия затеяла судебный процесс, отведя своему мужу роль обвинителя. Олег был вынужден защищаться в неравных условиях - над Тихоном реял невидимый, но осязаемый ореол мученика, который вправе судить и карать. Виктор Поплавник не выдержал:

- Брат Тихон, а хорошо ли ты знаешь то, то о чем говоришь?

- Адвокаты нам не нужны! - закричал кто-то из молодых. - Говори дальше, брат Тихон!

- Уже три года мы пытаемся удержать общину от активного противодействия властям, - поднялся брат Валериан, член братского совета. - Наша цель - всегда быть в единстве, проповедовать Евангелие и не тратить силы на бесполезные конфликты с властями. От имени братского совета я скажу, что мы от всего сердца заботились о семьях заключенных, в том числе и о детях Тихона. Сестра Лидия знает это, знают и остальные... А чего мы добились бы, устраивая демонстрации, пикеты и голодовки? Только распада общины, новых арестов и забвения нашей основной цели.

Валериана слушали внимательно. Чувствовалось, что молодежь в целом согласна с линией братского совета и только некоторые жаждут конфронтации. Никто не уступил бы в тех вопросах, которые касались

Евангелия, но в тактике повседневной борьбы за выживание мнения были разными. Поднялся представитель радикального крыла:

- Мы хотели бы, чтобы наше предостережение было принято, но вы слишком несговорчивы. И когда пойдет речь о доверии пастору, я знаю, что большинство будет на вашей стороне. Но помните, что и большинство может ошибаться!

- Я хочу кое-что дополнить! - подала голос Лидия и встала.- Однажды мне надо было поехать в Киев, а Олег мне денег не дал, поэтому я поехала за свои. Но потом он отказался оплатить мне расходы!

Олег вышел к столу бледный, взволнованный:

- Час расплаты пробил ! -сказал он.- Да, я был против участия сестры Лидии в совете по оказанию помощи родственникам заключенных. Всюду в мире принято, что в советы, комиссии не включаются объятые опекой, чтобы не было соблазнов и кривотолков. Кроме того, у сестры Лидии девять детей, а ей приходилось часто разъезжать, что не могло не сказаться на семье. Не думаю, что ей следовало посещать все собрания и конференции в других городах. Этими разъездами она дала повод властям возбудить дело о лишении ее родительских прав, так как дети за малым не были признаны беспризорными. Не мне вам рассказывать, что такое законы о бродяжничестве, о тунеядстве и против кого их частенько применяют. И вправду дети в эти годы не имели надлежащего христианского воспитания. Мы могли поддерживать эту семью деньгами, продуктами, но не могли заменить детям мать. Я это предвидел и противился избранию Лидии в попечительский совет.

Олег перевел дыхание, посмотрел на Лидию и продолжил:

-Есть и еще одна причина, но она охраняется тайной исповеди и не может быть оглашена. Я считаю и свое мнение буду отстаивать, что в совете по опеке нужны женщины, сочувствующие и умеющие поддержать словом и делом, а не политики и борцы за политические права. В этом деле доброе сердце важнее стальной воли! Очень хотел бы, чтобы сестра Лидия об этом подумала. И вы, братья и сестры, тоже.

В конце своей речи Олег успокоился, но в голосе его дрожали слезы. Молодые радикалы зашушукались:

- Наш пастор проявляет черты мужского превосходства, хочет лишить женщину права участвовать в общественной жизни!

Услышав такое мнение, одна из девушек бросила:

- Женоненавистник!

Виктор Поплавник вновь поддержал Олега:

- Мы в лагере тоже считали, что Лидия должна заниматься детьми. Это для нас было важнее помощи! Мы знали, что власти только и ждут повода, чтобы детей заключенных отдать в детские дома. Это старая, испытанная практика коммунистического режима. Такая опасность не уменьшилась и после нашего освобождения. Вот я услышал, как сестра сказала резкое слово: женоненавистник! Да можно ли так говорить о брате Олеге! Такому равенству, как в его семье, можно поучиться, пусть Галина подтвердит, как ей живется с таким мужем! Но у каждого свой характер и Олег справедливо подсказал, что властолюбивый характер жены может пагубно

отразиться на муже, на детях! И на общине! Вы разве с этим не согласны? Мне кажется, что Олег и Тихон должны поговорить с глазу на глаз и выяснить, смогут ли они вдвоем исполнять пасторское служение в одной общине.

То ли всем уже надоело спорить, то ли Виктор убедил собравшихся, но с ним согласились и перешли к другим делам.

* * *

Минувала неделя, вторая, но разговор пасторов по душам так и не состоялся. Однажды в субботу Олег отправился в городской парк с шестеркой своих детей - седьмого уже ждали. Мальши резвились на лужайке возле пруда, а Олег присматривал за ними, зная, что и старшие опекают их. Вдруг вдали показался брат Эмиль Геллер, который тоже заметил Олега и направился к его скамье. Олег встал при виде старшего и приветливо поздоровался с ним. Геллер отдышался и спросил:

- У тебя возникли трудности с женщинами?

Олег удивился, что брат Геллер заговорил по-русски, у него ведь всегда были трудности с этим языком. Вопрос заставил его усмехнуться:

- Спасибо, брат Эмиль, за внимание, но я всегда умел ладить с женщинами.

- Но в общине ты дал им много свободы и они скоро начнут попирать вас ногами. Ты постоянно твердил, что нет разницы между мужчиной и женщиной и теперь они делают, что хотят. Я сам видел верующих в городе с непокрытой головой. Это позор! Началось с такого допущения, а теперь на собрании против тебя поднимают голос! Третьи наущают детей и молодежь! А четвертые выходят

замуж за иноплеменных, за русских!- Эмиль загибал пальцы на руке и теперь торжествующе поднял вверх кулак.

- Брат Эмиль, перестаньте!- взмолился Олег.- Вы же хорошо знаете, кто в общине колобродит и доставляет мне постоянные трудности. Кстати, эта женщина всегда примерно покрывала голову и своих дочерей приводила даже в школу с платочками на головах. Вы хорошо знаете Писание и можете привести немало примеров, когда лицемерные законники вредили Церкви Иисуса, знаете братьев, которые свободно живут с Господом нашим в душе и служат примером доброты и братолюбия.

Олег поднялся, не желая продолжать неприятный разговор и помедлил, ожидая, как поступит старший брат. Эмиль тяжело вздохнул:

- Эх, молодые! Вы не знаете, что такое настоящий прусский порядок!

Олег внутренне усмехнулся: Эмиль Геллер о прусских порядках тоже мог знать лишь понаслышке. Но старику он ничего не сказал и вежливо попрощался с ним.

... Тихон, напротив, не стремился встречаться с Олегом. Прошло уже четыре недели после памятного собрания, а беседа у них так и не состоялась. Тем временем в строительном управлении вновь направили Олега в дом подполковника КГБ : краска уже просохла и можно было клеить обои.

Старый разведчик предложил свою помощь : у него еще достаточно сил для такого занятия. По привычке офицер ежедневно делал зарядку, летом на Иртыше занимался парусным спортом, а зимой бегал на лыжах. Его первая жена давно умерла, он

женился вторично. Супруга была значительно моложе и подполковник считал делом чести быть в хорошей физической форме. Все считали эту супружескую пару идеальной. Муж был жизнерадостен, остроумен. Жена преподавала в университете и уже это придавало ей престиж интеллигентной дамы. Была же она из крестьянской семьи и хорошо знала домашний труд, любила готовить и хозяйничать. И сейчас она не преминула воспользоваться случаем и похвалиться перед мужчинами своими кулинарными способностями.

Мужчины дружно работали в доме. Сначала сняли старые обои, подготовили поверхность стен... Размешивая в ведерке клей, подполковник сказал:

- Я не ожидал, что вы так легко отделаетесь от литовки... Она была сотрудницей очень высокой квалификации, помогала привлекательная внешность - немногие мужчины устояли перед ее обаянием.

Олегу разговор не понравился, но он не удержался и спросил:

- Почему - была?

Собеседник нахмурился и отложил большую деревянную ложку:

- Вы слышали о случае - женщина выбросилась из окна? Это она...

Олег не настаивал на рассказе, он был наслышан о предельной секретности в КГБ, но офицер продолжил:

- Теперь уже можно сказать, что она в этом городе была залетной птицей высокого полета. На ее счету немало сложных, ответственных и успешно завершенных операций. Но она работала с Олегом Пеньковским и после его разоблачения литовку временно убрали на периферию. Кстати, не составляет

секрета, что вблизи нашего города проводятся серьезные ядерные исследования и западные агенты здесь не редкость. Просто не могу понять, почему она взялась за такое несложное дело как полулегальная баптистская община... И как вам удалось так быстро ее раскусить... Мгновенный провал! Но не единственный... Вскоре она нашла дома записку от старого друга с предупреждением, что против нее начато служебное расследование. И она вышла на балкон в последний раз. Пятый этаж, знаете ли...И конец расследованиям...

- Может она просто спала с этим Олегом! - подала голос из кухни хозяйка.

- Не исключаю,- помолчав, ответил муж. - У нас тоже живые люди работают и случаются разные истории. Хотя и реже... Но какую-то версию могла сострять и западная разведка, чтобы ей насолить... Она же поторопилась - нервы не выдержали! Как можно такое совершить!

- Наверно, все же была какая-то история с Пеньковским? - заметила жена. Подполковник промолчал. Олегу было тревожно. Станный разговор, непонятная откровенность опытного разведчика. Ему еще не приходилось иметь дело с КГБ, даже как свидетеля его не допрашивали. В голове возникали предупреждения братьев о коварстве служб госбезопасности... Собеседник заметил его смущение:

- Не бойтесь меня,- сказал он.- Несложно догадаться, что люди моей специальности практически не выходят на пенсию. Разве что для них ищут работу полегче... Но слезкой в своей стране я не занимаюсь и считаю ее противоестественной, ненужной. Внешнюю разведку я люблю: это была

моя работа и моя страсть, я увлекался этим делом, верил в его необходимость для моей страны. Лишь для этого соглашался идти в мечеть или кирку. Но свою паству в этих забытых Богом странах я наставлял искренне и многим помог.

Тут настала пора наносить клей на бумажные полосы и разговор прекратился. Хозяин, побряхтывая, наклонился над обоями, а Олег легко поднимал их за край к потолку и лента за лентой укладывал в гладкий слой с нежным, светлым рисунком. Разговор продолжился за обедом. Хозяйка заговорила о самой большой нужде верующих:

- Несправедливо, позорно, необъяснимо, что в нашей стране фактически запрещена Библия! Если у государства нет на это средств, пусть разрешит людям заказывать книгу в типографиях за свой счет. На границе отбирают Библию как идеологически опасную литературу! Просто позор!

- Не просто позор,- поддержал ее муж,- а постыдная демонстрация нашей слабости в идеологической работе. Запретить проще всего... За границей вначале со словарем, а позже и без него я пытался читать Библию на греческом языке, читал ее и на европейских, которые знаю... Хорошо понимаю Александра Герцена, который писал, то Евангелие читает с наслаждением. Ведь все мы наталкиваемся на необъяснимые препятствия, когда пытаемся осознать многие понятия, явления, случаи... Придумываем невероятные гипотезы... А Библия говорит просто: не полагайтесь, люди, на свой интеллект, ваш разум идет от Бога, познайте же основу и причину вашей жизни! Наши аппаратчики, идеологи-материалисты, проморгали тот момент, когда ученые сказали:

увлекательные миры открываются сейчас не в эксперименте, а в медитации.

Олег слушал эти разговоры с растущей напряженностью. Рассуждения хозяев граничили с обычной материалистической ересью, но он не боялся этого, так как легко отличал, как говорит Библия, зерно от плевел. Испытание было в ином: зачем все эти беседы, явно рассчитанные на него? Честны ли его собеседники в своих высказываниях? Не играют ли заранее оговоренную роль? Но зачем? Что кроется за этим? Не хотят ли его завербовать? Но почему нет ни малейшего намёка? Возможно, им нужно лишь, чтобы он заговорил? Они хотят послушать, что он думает, проверить на нем какие-то свои предположения как на подопытном кролике? Почему именно его посылают к этому офицеру? Ведь такой ремонт может выполнить любой маляр? Или это случайность? Ответа не было. Олег недоумевал.

Вечером подполковник пошел проводить Олега с работы, чтобы и самому немного подышать, как он сказал. Когда они изрядно отошли, он вдруг остановился:

- Хочу вам посоветовать: не связывайтесь с известной вам Лидией, если хотите и впредь быть пастором и мир иметь в общине. У нее, конечно, комплекс, но очень опасный. И она будет инспирировать против вас самые невероятные интриги, даже если вы согласитесь ей подыгрывать и станете послушным. Как говорят, начнете плясать под ее дудку. Опасаюсь, что эта игра вам не по плечу.

Олег удивился:

- Откуда у вас такая осведомленность о наших делах?

Пожилой человек снисходительно усмехнулся:

- Есть некоторые контакты. Послушайтесь моего совета: открыто не проговоречьте Лидии, это опасно. В общине ее считают самой набожной, у нее Совете тоже есть как бы единомышленники, можно сказать, друзья. Они, не столь деликатны и вряд ли вам удастся справиться с ними. Будьте же осторожны, а я желаю вам успеха!

И офицер повернул к дому, прежде чем Олег успел сказать ему: «Спасибо!»

... В тот же вечер Олег пришел к Тихону. Лидия поздоровалась с ним так приветливо, как будто между ними и не было размолвки на собрании общины. Олег смотрел на жену Тихона с грустью, но иногда ловил себя на том, что восхищается ею. Он начал раздумывать над своим отношением к Лидии и пришел к выводу, что ему нравится ее властность, решительность. По сравнению с тихими, боязливymi баптистками их общины Лидия была волевой, привлекательной. Попасть в ее сети было, возможно, приятно, потому что будущее было просто непредсказуемым. Да и кто сказал, что только мужчина может обладать сильной волей? Разве Господь одних лишь мужчин привлекает к себе?

Тихон уже ждал Олега для беседы и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвлечься от мыслей о Лидии.

- Я знаю, Тихон,- сказал Олег,- что обидел тебя и Лидию на собрании общины. Не мое дело, наверно, говорить о характере брата или сестры. Но разве можно было промолчать, когда над кем-то нависла беда?

-Надо мной беда не нависала,- прервал его Тихон.-

Мы с женой стараемся во всем подчиняться воле Господа. Моя жена полна желания следовать за мной и подчиняться так, как мы оба подчиняемся Господу!

-Это меня радует, - ответил Олег.- Но мне хотелось бы, чтобы ты понял, почему я при всех посоветовал твоей жене прежде всего посвятить себя детям, а уж потом переходить к какой-либо иной деятельности...

Олег не услышал ответа и прервал затянувшуюся паузу новым вопросом:

- Хорошо, Тихон. Я принимаю твои доводы. У меня - предложение: давай совершать пасторскую службу вместе!

Тихон кивнул и Олег продолжил:

- Но при условии, что я буду твоим ассистентом, то-есть вторым лицом.

Тихон был явно поражен услышанным. Он ждал нотаций, наставлений, упреков, но только не такой уступки. Не сразу он ответил Олегу:

- Я согласен!

- Вот и договорились!- облегченно выдохнул Олег.

На собрании это предложение одобрили. Вскоре стало явным некоторое разделение обязанностей: Тихон занимался богослужebными собраниями, а Олег теперь мог посвятить больше времени деятельности молодежи, сети детских воскресных кружков /к сожалению, всё еще конспиративных/, даже побывать в подпольном издательстве «Христианин».

* * *

Близилось время важных решений. Вскоре состоялись два конгресса

- Евангельских христиан-баптистов, на которых

19 апреля 1969 года

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Природа просыпалась... Еще снег лежал в оврагах, еще леса были темными после зимнего сна и хмуро просвечивались на сотни метров по обе стороны железнодорожного полотна. Олег ехал на запад с молодым братом и откровенно наслаждался покоем дальней дороги, пахучим чаем в прозрачных стаканах, позвякивающих в узорчатых подстаканниках, похожих на серебряные, тихой беседой. В Новосибирске в купе к ним присоединился старший пресвитер, который был старшим не только по должности, но и по возрасту. Олег знал, что в 1962 году пресвитер был инициатором исключения из баптистских общин многих «оппозиционеров», но теперь настали новые времена и он не был склонен возвращаться к прошлому. Но прошлое само напомнило о себе. Старший пресвитер поздоровался с Олегом и его спутником, а потом спросил как же зовут молодого брата. И тут молодой человек неожиданно заявил:

- А я вас знаю! Да и вы меня тоже, только забыли!

В его голосе звучал юношеский вызов и это не ускользнуло от пожилого человека. Но он воспринял некоторую резкость смиренно:

- Ну-ка, ну-ка, рассказывайте!

И молодой человек рассказал, как однажды, двенадцатилетним мальчишкой, пришел на собрание в молитвенный дом и собрался послушать проповедь, но его заметил от кафедры гость общины и, поднявшись, велел вывести парнишку из зала, потому

что по советским законам подростки и молодые люди до совершеннолетия не могут посещать Богослужения.

- И я ушел,- сказал молодой человек.- Я ушел не просто с собрания. Я ушел вначале к пионерам, а вскоре в комсомол, откуда меня не прогоняли. А у меня родители - верующие. Можете себе представить, что они пережили, заплучив в дом безбожника. Хорошо еще, что не воинствующего.

- Да, это были сложные времена,- вздохнул пресвитер.- Я понимаю, вы говорите обо мне. Очень сожалею. Но тогда КГБ был сильнее меня. Да и сейчас еще силы наши неравны. И как же сложилась ваша судьба?

- В нашем классе была верующая девочка. Мальчишки дразнили ее, бывало применяли и силу - толкали, обижали... Смеялись над ее верой. Но она, в отличие от сверстниц, была невероятно терпимой. Не бегала с жалобами, не отвечала резким словом. Это на меня произвело впечатление и я стал к девочке присматриваться. Она тоже уловила мое внимание и однажды предложила пойти вместе послушать урок Библии. Я согласился. Возможно, в то время меня привлекала не столько Библия, сколько девочка и определенная таинственность происходящего... Но так уже получилось, что слова Евангелия произвели на меня большое впечатление, я ощутил себя грешным и с тех пор посвятил свою жизнь Иисусу, вышел из комсомола и стал посещать незарегистрированную, то-есть запрещенную общину баптистов. Когда-то ваше запрещение доставило мне и моим родителям немало огорчений, но я все же нашел свой путь!

Старший пресвитер поднялся и произнес:

- Я очень сожалею о своем проступке.

Он сказал это тоном провинившегося школьника, но со всей серьезностью умудренного жизненным опытом человека. Олег был потрясен услышанным и, жалея пресвитера, посоветовал:

- Вы могли бы сказать об этом сожалении в своей общине и тогда Господь поможет вам быстрее залечить рану от прошлой ошибки!

Старший пресвитер взглянул на него и смиренно опустил голову: в голосе Олега было столько сочувствия, что пожилой человек немедленно отказался от мысли, что пастор произнес эти слова с иронией.

- Я готов поступить по вашему слову,- сказал пресвитер,- но смею заметить, что в те времена власти диктовали нам многое, а христианин должен повиноваться, а не искать конфронтации.

- Я тоже так считаю,- согласился Олег.- Даже политические изменения достигаются не столько давлением, сколько убеждением. В нашем деле этой цели служит Евангелизация. Если бы наши правители обратились к Христу или хотя бы отказались от преследований христиан, жизнь во многом стала бы лучше. Но и христиане могли бы проявлять больше смирения, самоотверженно терпеть лишения, даже преследования и тогда правители, удивленные такой любовью, заинтересовались бы ее источником и тоже пришли бы к Иисусу Христу, прильнули бы к этому источнику любви и жизни.

- Красиво, но наивно, брат мой,- заметил старший пресвитер,- но вы могли бы продолжить. Мне интересны взгляды нашей молодежи...

- Не нужны митинги и демонстрации,- продолжил Олег.- Наша община - чудо мира, она возникла как результат пришествия Господа в наш мир, она - инструмент Бога, который позволит изменить весь мир. Цель Бога -примирить мир с самим собой, а нам Он доверил Слово - ключ к такому примирению. Этот ключ мы должны передать тем, кто по своему неведению противостоит примирению, а также христианам, которые еще не проснулись душой.

Олег вдруг вспомнил как его знакомый, подполковник из КГБ, сказал ему:

- Вы фанатичны с этой программой. Она ни вас, никого более не спасет!

Его молодая жена возразила:

- Мне кажется, идеализм нашего гостя очень привлекателен. Ведь он не ради заработка трудится, а лишь для того,чтобы порадовать и прославить своего Бога, понравиться Ему. К хорошему заработку он относится как к эквиваленту примерного труда. Мы хотели бы иметь побольше таких рабочих!

Олег подумал, что она во многом права: стремление быть перед Богом примерным обеспечивало его семье благосостояние. Но ему была чужда и неприятна жадность людей, которые стремились «урвать», заработать как можно больше любой ценой, иногда нечестно. Такие люди встречались и среди верующих. Олег жалел, что никого из них до сих пор не исключили из общины. Конечно, стяжательство, оправдываемое многочисленностью семьи, не такой уж тяжкий грех, но и оно должно осуждаться в общине. А то ведь иные проступки так подробно обсуждаются, что появляется подозрение: уж не смакуют ли братья подробности того или

иного нарушения морали, а заработок любой ценой едва ли не в ранг добродетели возносят.

Олег не одобрял демонстрации пятисот баптистов у здания ЦК КПСС в Москве. Она состоялась в мае 1966 года. Верующие требовали встречи с Генеральным секретарем ЦК партии, пытаясь объяснить лидеру коммунистов, в чем он не прав. Какая наивность! Разве такая беседа могла повлиять на взгляды и поведение Леонида Брежнева, выросшего в партии и впитавшей всю ее тактику управления, состоящую в подавлении инакомыслия, обмане общественного мнения за рубежом и тенденциозной информации населения своей страны. Многие участники такой беседы по тем или иным поводам вскоре оказались бы в заключении, остальные пережили бы всяческие притеснения на воле.

Беседа в купе сама по себе прекратилась, старший пресвитер задремал, а молодой брат углубился в книгу, Олег же встал и прошелся вначале по вагону, а потом пошел дальше. Вскоре его позвали и он с удивлением увидел в одном из купе своего знакомого, офицера, с которым они так недавно вместе клеили обои.

- Куда это вы собрались, батенька?- спросил подполковник.

- Далеко, в Эстонию,- охотно ответил Олег.- А вы?

- Как всегда, в Москву-столицу! Я сейчас дальше белокаменной не езжу.

Подполковник пригласил Олега присесть и угостил чаем из термоса.

Говорили вначале о погоде и настроении, потом немного о политических событиях в мире. Олег,

отважившись, спросил о том, что его давно мучило:

-Когда-то вы мне рассказывали о заключенных и вспомнили старого католика-патера. Помните? Потом мне о нем говорили братья из нашей общины, вернувшиеся из заключения. Меня удивило, что приговор у него был какой-то бессрочный, а ведь он всего навсего католический священник. За что же его?

Собеседник Олега отвернулся к окну и надолго умолк. Олегу уже начало казаться, что он просто не расслышал вопроса, но старый разведчик вдруг снова повернулся к нему:

-Так и быть, я вам расскажу, но вы уж сохраните тайну исповеди. Не вам напоминать, что это такое. Речь идет о государственной тайне... Помните, я упоминал, что в годы войны выполнял важное задание в Северной Африке? Обстоятельства задания были таковы, что мне следовало изображать католического миссионера. Как раз в эту страну готовилась группа проповедников и разведчики установили, что один из них похож на меня: возраст, рост, комплекция... Его украли и вывезли в Москву. Кажется, были безуспешные попытки склонить его к сотрудничеству с нами ... Патера не ликвидировали. Когда я начал свою «миссионерскую» деятельность в этой стране / к счастью, отцы до приезда сюда друг друга не знали, да и работали в разных местах/, мне дали понять, что Ватикан интересуется не только информация из духовной сферы, но и другие сведения, характеризующие состояние дел в этой части света, поэтому я стал двойным агентом. Но случилось непредвиденное: похищенный патер сумел сообщить о себе на Запад. Сигнал тревоги не опоздал и мне

удалось выбраться на Родину. Когда все опасности и тревоги оказались позади, я почувствовал необходимость познакомиться с человеком, пострадавшим поневоле при моем участии. Я начал ходатайствовать об облегчении его участи. Но священник решил, что вновь затевается что-то нехорошее и наотрез отказался выходить на свободу. Когда я ушел из разведки на отдых и поселился в вашем городе, я попросил перевести патера поближе и мы стали встречаться. В лагере он для многих был загадочной личностью. Своего рода «железная маска»... Начальники в лагере думали, что наши беседы вызваны общей работой, что этот странный человек выполняет какое-то особое задание, поэтому с ним обращались хорошо, старались не перегружать работой, а я регулярно приносил столько продуктов, сколько он заказывал. Он же для себя оставлял самую малость, всё отдавал заключенным. Так родилась легенда о таинственных возможностях патера добывать продукты. Он и людей из вашей общины подкармливал... Патер умер. Сердце... Жаль, хороший был человек, вы вправе меня упрекнуть, но его судьба зависела не от меня. Скорее наоборот...

Олег ничего не сказал. Помолчали, потом старый разведчик, вспомнив, добавил:

- А вы знаете, что старый иезуит умел исцелять затяжные болезни. У меня была запущенная, страшная язва желудка и он, конечно, об этом узнал. Я ему не поверил, когда он сказал, что будет молиться о моем исцелении. Но боли прекратились, а вскоре врач констатировал, что язва затянулась. Вот так... А ваших людей тоже охватила волна чудесных исцелений?

Олег ответил отрицательно, но сразу же решил, что на откровенность надо отвечать тем же и рассказал о последних событиях в общине. А они были таковы: Лидия была очень довольна тому, что ее Тихон стал пресвитером и перестала приставать к Олегу с прежними претензиями. Но теперь ею овладела уверенность в своих сверхъестественных способностях.

- Просто ее коснулась волна американских лечебных служений,- сказал подполковник.- Если я не ошибаюсь, одним из первых был Робертс . А в России этому движению способствовало усиление репрессий против верующих. Одни в это верили, другие хотели продемонстрировать силу Бога, показать Его вмешательство в будничную жизнь, Его присутствие... Вот и началось - чем больше сажают, тем больше чудесных исцелений. Об этих чудесах много писали в газетах...

- Возможно, так и было, я не знаю,- согласился Олег,- но Лидия собирала вырезки из газет, сортировала их, анализировала. Она всё ждала, что и в нашей общине что-то такое случится и тогда о Тихоне заговорят с особой уважительностью. Но ничего не случилось. «В Павлодаре, оживленно рассказывала Лидия ,- пресвитер коснулся больного платком и от раковой опухоли не осталось и следа». А ко мне стали приходить верующие на исповедь. К Тихону тоже... Они прослышали, что в человека вселяется демон и склоняет его к прелюбодеянию, другим прегрешениям, но сам человек этого не осознает. Они пытались убедиться, что с ними ничего плохого не происходит. Их пугало, что на женщин или мужчин они смотрят с симпатией и просили

помочь им замуровать лазейку, в которую проникает дьявол. Меня радовало, что благодаря исповеди мои братья и сестры избавляются от чувства вины, которой на самом деле не было, но в целом такие обращения меня огорчали.

- Вы что же, не верите, что Бог может исцелять? - оживился собеседник.

- О нет, - Олег даже смугился. - Случаи исцелений по воле Господа нам известны и несомненны. Другое меня печалит: людей привел ко мне не страх перед Богом, а страх перед дьяволом. Люди боялись стать одержимыми...

- Психически неполноценными? - уточнил подполковник.

- Нет, это другое... Психическое заболевание и одержимость - разные состояния. Но дело не в этом. Беда в том, что разные исцеления, мнимые или истинные, вызывали шумиху, были сенсацией. А нужно ли это? Никто не пришел к Христу таким путем. В этом не было веры. А вот когда после крещения и молитвы старейшин люди выздоравливали, в этом была их вера. Люди уверовали и Господь даровал им силу самим преодолеть свой недуг. Я об этом пытался поговорить с Лидией...

- Ну и что?

- Обиделась! И стала заставлять Тихона усиленно поститься и молиться, чтобы приобрести таинственную силу целителя. Он был послушным мужем и старался как мог, но безрезультатно. Тогда он пришел ко мне с просьбой освободить его от пасторского служения. Я ему пытался объяснить простую истину: Господь распределяет милости по своему благоволению и его посты вряд ли помогут, а быть ли ему пастором,

решает община. Но община не захотела его отпускать, да и Лидия хотела того же. Странное противостояние продолжилось: Лидия внушала мужу, что он должен исцелять людей чудесной силой, а он твердил ей, что Господь отказывает ему в такой силе. С тем я и уехал - они до сих пор думают каждый по своему.

Поезд приближался к узловой станции и Олег вернулся к своим спутникам, опасаясь, что их встревожит его отсутствие. Он ехал в Таллинн. Освальд Терк - известный эстонский богослов и проповедник, и Арпад Ардер, местный пресвитер, пригласили его для беседы о положении баптистской церкви в Советском Союзе. Всесоюзный совет и Совет церквей ЕХБ стремились заполучить Терка каждый на свою сторону, а он хорошо видел сильные и слабые стороны обоих направлений и не спешил примыкать к какому-либо из них. Всесоюзный совет согласился напечатать в «Братском вестнике» несколько его статей, хотя и в сокращенном виде. Терк искал союзников среди молодых служителей церкви и часто приглашал их даже из отдаленных городов.

Таллинн в этот раз Олегу не понравился. Он и раньше бывал в эстонской столице и всегда радовался умению ее жителей сохранить национальный дух города. Как и все советские республики, обретшие независимость после падения царизма и потом вновь силой оружия возвращенные в «единый могучий Советский Союз», Эстония понесла большие потери в сфере духовной и национальной культур, но сохранила язык, обычаи и какую-то обособленность, раздражавшую Москву, но и придававшую этой

республике облик западной страны, куда московские сановники возили своих жен за покупками и впечатлениями. Олег не сразу понял, что ему не понравилось, а потом сообразил: в Таллинне стало слишком много русских. Вслед за сановниками сюда потянулись чиновники рангом пониже, люди сомнительной репутации, спекулянты. Особенно много было военных. Город заметно проиграл в своем уюте и напоминал Олегу железнодорожный вокзал в областном городе средней руки.

Терк и Ардер приняли Олега Сименса как брата и его сомнения несколько развеялись : пусть на улицах прибавилось толпы, но эстонцы все же остались сами собой - непоколебимые в вере и готовые отстаивать свое право на отдельное государство, собственную жизнь на любом уровне.

- Я с радостью воспринял намерения Совета церковью ЕХБ добраться до устаревших догматических принципов жизни евангельских общин. Давно пора многое пересмотреть в обычаях и правилах, сделать общину более демократичной, доступной, снять с нее налёт сектанства, замкнутости, который не только отпугивает молодежь, но и дает возможность атеистам клеветать на баптистскую церковь, приписывать ей разные вымышленные грехи. Мы приветствовали требования инициативной группы освободить общины от мелочного государственного контроля, не препятствовать им в распространении Евангелия. Но что же получилось? Начались повсеместные нападки на своих братьев по вере всего лишь за их готовность искать какие-то компромиссы с правящей элитой. Возможно, эти компромиссы были не всегда понятны... Но ведь с кем мы имеем дело? Кто эти правители?

В Эстонии такой поиск компромисса стал основным путем в стремлении сохранить наш народ, нашу веру. И в этом мы не видим особой беды: наступит день, когда все, привнесенное суровой действительностью, развеется как дым. Лишь бы не проиграть в главном, не потерять веру... После ракола нападки наших братьев из инициативного крыла были не всегда корректны и объективны. Нередко казалось, что их направляет невидимая рука недоброжелателей церкви. Все внимание руководителей незарегистрированных общин сместилось от миссионерской деятельности в этой стране к жесткой критике руководства зарегистрированной части нашей церкви. Это нам причинило боль. Такие непродуманные нападки порождали недоверие, ненависть и бумерангом возвращались в незарегистрированные общины,- сказал Терк.

Арпад Ардер продолжил его страстную речь:

- Такая тактика была далека от христианских основ. Молодежь в незарегистрированных общинах почувствовала вкус политической борьбы и пожелала лавров героев. А герои, как известно с давних времен, не любят критики, они непогрешимы. Вот и наши молодые братья развели партизанщину и стали проводить демонстрации и митинги, часто неприличествующие христианам и легко используемые против церкви. Очень быстро и рано пришло к этим людям духовное совершеннолетие, они не успели его выстрадать, осознать. И что же? Они перестали уважать своих духовных наставников, сочли их консерваторами, перестали слушать советы старейшин. Это противоречит слову Господа. Дети в вере должны тянуться к мужам веры, то-есть к служителям, а не

к владыкам детей. У нас возникли серьезные опасения: обе ветви баптистской церкви находятся на опасном пути к саморазрушению. В этом деле нужно подправить братьев, добиться единства и согласия!

Олег слушал эстонских братьев с удовлетворением: их взгляды совпадали с его представлениями и он был рад, что приехал в Таллинн, хотя и было трудно договориться на работе, найти деньги... Встреча приободрила его, принесла уверенность в том, что в ряде случаев он был прав, а главное, был прав в основных представлениях о путях дальнейшей работы. Терк сказал:

- Завтра приедут еще два интересных собеседника и я хотел бы просить вас встретиться с ними. А пока - поживите в Таллинне, я надеюсь, что вам понравится наш город, Тоомпеа, Вана Тоомас, улицы и площади... Братья позаботятся о том, чтобы вам было удобно.

... Интересными собеседниками оказались члены Совета церквей ЕХБ

Валентин Иванович Баранов и Степан Степанович Ропшин. Они тоже выступали за примирение с Всесоюзным советом и разработали для этого документ, в котором было всего три пункта. После обсуждения на местах, Баранов собирался представить свое предложение Совету церквей как позицию определенного большинства. Теперь он возвращался в Москву и предложил Олегу ехать вместе.

Поездка была приятна для обоих. Они долго и откровенно беседовали и утвердились в убеждении, что необходимо побыстрее восстановить мир и согласие.

Вернувшись в родной город, Олег прежде всего

встретился с Тихоном и подробно рассказал ему о своей поездке. Как и следовало ожидать, Тихон поддержал идею примирения баптистских общин, вызвался начать переговоры о встрече братских советов. Вскоре оба совета собрались. Тихону льстило, что встреча состоялась в его доме, в той зале, которая служила местом собраний незарегистрированных баптистов. Встреча была удачной. В зарегистрированной общине тоже пострадали из-за случившегося раскола и охотно поддержали мысль об объединении усилий во имя дальнейшего благовествования, особенно в молодежной среде.

На этой встрече оба братских совета составили и подписали памятную записку, которая, в сущности, была программой дальнейшей деятельности. Но обе общины должны были обсудить и утвердить ее на своих собраниях. В документе было четыре пункта: обе общины признают себя взаимно равноценными, не противостоят одна другой и не ведут какой-либо деятельности по дискредитации равноправной общины, а все исключенные из общин за неприятие «Нового положения» 1961 года восстанавливаются в церкви, тогда как сам документ Всесоюзного совета признается противоречащим Евангельскому учению. Пресвитеры незарегистрированных общин устанавливают время Богослужений и других встреч таким образом, чтобы они не препятствовали таким же мероприятиям в зарегистрированной общине, то-есть попросту не совпадали. Теперь верующие могли беспрепятственно посещать собрания в обеих общинах. Так же и проповедники обеих общин могли выступать перед верующими в каждой из них. Цель этих действий -

дальнейшее воссоединение баптистов и объединение их в единой церкви.

Когда документ был подписан, все встали и в комнате прозвучала молитва покаяния.

Все разошлись и Тихон поспешил к жене, ожидавшей конца встречи. Он с восторгом рассказал ей, что сделан первый шаг к восстановлению единства. Но Лидия не разделила радости мужа:

- Если ты и впрямь считаешь ваше сочинение имеющим силу для верующих, то мы с детьми исключаем тебя из нашей домашней общины. Мы отрицаем тебя как отца, супруга, слугу Господа нашего Иисуса Христа!

Тихон был ошеломлен и попытался что-то возразить, но Лидия не хотела и слушать его. Она лишь повысила голос:

- Мы едва начинаем борьбу за наши права, а ты уже испугался и так ловко попался на посулы агентов Брежнева и его идеологов! Ты просто боишься вновь попасть в тюрьму! А ведь сейчас началось возрождение сталинщины и новые массы узников отправятся строить химические комбинаты, плотины и магистрали! Среди них самыми старательными будут баптисты! И в такой момент ты вместо сопротивления идешь на примирение с марионеточными общинами, купленными правящей партией обещанием пощадить их лишь благодаря регистрации в государственном органе, не имеющем ничего общего с церковью?! Без отделения от них мы никогда не добьемся свободы вероисповедования, громогласно провозглашаемой и фактически не существующей. Если ты пойдешь на такой стговор, мы будем презирать тебя за отступничество и трусость. Так что выбирай!

Тихон приуныл...

- Ты ведь наш пастор, а позволяешь верховодить молодому Олегу, который неизвестно где бродит и приносит разные идеи, нам чуждые... Я напишу, пусть придет кто-нибудь из Совета церквей и нас помирят.

Лидия сдержала обещание и вскоре состоялось собрание общины, на котором присутствовал гость из сибирского города. Тихон в этот раз заявил, что намеченное сотрудничество с зарегистрированной общиной, хотя в целом и желательно, но может обернуться тем, что они возьмут верх и важное дело проиграет. Сказал свое слово и старый Алексей Петров:

- Я хорошо знаю Барина и Ропшина, они всегда самовольничали. Вот и теперь они выскочили со своими предложениями, хотя их никто не уполномочивал к этому. И не случайно Совет воздержался от одобрения их планов! А мы тут, в глубинке, не разобравшись, бросились заседать, планировать... Я думаю, что нам не следует одобрять совместное решение братских советов.

Собрание поддержало Тихона и Петрова, решило повременить с какими-либо новациями. Лидия ликовала, Олег был разочарован. Ведь Барин сам говорил, что ему и Ропшину поручили заняться проблемой примирения, выяснить отношения верующих к Всесоюзному совету, а теперь Алексей Петров представил Терка и Ардера как сторонников Всесоюзного совета. Они же утверждали, что кригически относятся к московскому духовному центру. Олег понимал, что в общинах создается образ врага, но ничего не мог поделать - пока что у него было меньше союзников, чем сомневающихся или открыто

противостоящих примирению.

Тем не менее Алексей Петров ночевал у Олега и Галина в полной мере проявила свое хлебосольство. Член Совета был наблюдателен, знал и о поездке Олега /не случайно он принял именно его приглашение остановиться на ночлег/, поэтому после вечернего чая сам начал беседу:

- Я вижу, брат Олег, что тебе не по душе внутриобщинные разногласия. Да и по складу характера ты с трудом справляешься с ними. Всех хочется помирить, не так ли? Я тоже сторонник мира и согласия. Но всегда ли мир становится панацеей? Если бы не было противостояния у христиан Коринфа и Галатии, то мы никогда не получили бы основополагающих Посланий апостола Павла. Есть вопросы, на которые так или иначе можно дать библейски обоснованный ответ. Так что конфронтация в христианской среде не всегда является небиблейской.

- Но я устал от постоянного противостояния,- искренне признался Олег.

- И я это понимаю,- согласился брат Алексей.- Тебе нужно найти такое поле деятельности, где польза была бы максимальной, а споров поменьше. Я хочу предложить тебе полезное, нужное дело. Мы начали большую, сложную и опасную работу по созданию своих полиграфических центров. Подробнее о них ты вскоре узнаешь... Но поначалу надо перейти в зарегистрированную общину, там нужен пастор и тебя охотно изберут. А уж будучи пастором, ты сможешь в полную силу начать работу по созданию типографии для нашего региона. Именно о тебе КГБ не подумает, что ты занят чем-то недозванным. Ты сам ведь с трудом достал себе Библию

и понимаешь, что именно ее нам более всего не хватает, чтобы прийти к людям со Словом Господним не только в виде устной проповеди /толковых проповедников тоже раз-два и обчелся!/? По этому вопросу твоя точка зрения нам известна! А выполнить эту задачу в зарегистрированной общине легче, потому что она легальна и в меньшей степени контролируется разными «стукачами». Что скажешь, брат?

Олег был смущен неожиданным предложением и попросил дать ему время на раздумья, чтобы не сделать ошибки. Петров охотно согласился и они пожелали друг другу спокойной ночи. Утром он ничего не сказал гостю. Олег об услышанном думал еще не день и не два, и даже не одну неделю. Решение он принял много позже.

* * *

У меня были принципиальные разногласия с Олегом в эти нелегкие годы усиления коммунистического давления на церковь. Я считал, что в этом государстве, где ложь возведена в ранг правовой нормы, не может быть иной церкви, кроме нелегальной, ведь и православие с первых лет после установления коммунистического режима создало катакомбную церковь наряду с легальной, сотрудничающей с властями. Община Иисуса, церковь Иисуса в стане большевизма должна быть единой, но подпольной и потому - свободной. Олег же говорил мне: «Христианский мир, который уходит из общественной жизни в подполье, не достоин своего предназначения. Христианство должно быть открытым и доступным даже перед лицом преследователя. Наше общество действительно поражено тяжелой болезнью, дезориентировано, но помочь ему можно только

массовой проповедью учения Христа, а в подпольных кружках она невозможна, люди к нам не придут. Им предостаточно репрессий прошлых лет».

Мы не нашли общего языка и по вопросу примирения общин. Понимая необходимость его, баптисты, по моему мнению, никогда не достигнут соглашения. Причина этого прозаична и непреодолима: она состоит в русском характере. Русские предельно гостеприимны и хлебосольны, милосердны и добры, но только если их не разделяют разные точки зрения. Тогда на первый план выдвигается стремление преодолеть противника, самоутвердиться, доказать свое. Исторические корни этого явления очень глубоки, но сама действительность подтверждает их живучесть. Примером может служить кровавая гражданская война после падения самодержавия, не менее кровавая сталинская диктатура, ловко использовавшая извечное стремление возвыситься за счет поверженного при воцарении над всеми самого могущественного и беспощадного. Как баптисты, они понимали необходимость примирения и объединения сил, как русские - не были к этому готовы.

До сих пор я, Виктор Поплавник, лишь комментировал переданную мне рукопись Олега Сименса, а теперь пришло время рассказать о себе, чтобы не оставаться, если не загадочным умником, то не менее таинственным «голосом за кадром». Читатель уже знает, что я состоял в одной общине с Олегом и Тихоном, вместе с последним был арестован и осужден к пяти годам лишения свободы, но даже в годы заключения всегда был хорошо информирован о жизни общины и мог иметь

обсонованное суждение о происходящем. Тогда я еще не знал, что меня ожидает второй арест, вытекающий из первого, хотя своим поведением после освобождения из лагеря я не дал никакого повода к вторичному осуждению. Но КГБ имело свои соображения и свои права.

Мои родители жили в Украине и здесь встретили катившуюся с севера волну революции с ее кровавыми эксцессами. Мой дедушка в Новоград-Волыньском начальствовал в учебном заведении, которое обучало отнюдь не воинов, а лишь агрономов. Предвидя худшие времена, дедушка увез семью в село и стал крестьянствовать на клочке земли в силу своих агрономических познаний. Видно, не зря именно ему было поручено учить молодых парней, потому что и сам он вскоре на волне НЭПа /так называемой новой экономической политики Ленина/ достиг несомненных успехов в хозяйствовании и мы превратились в зажиточную семью.

Но время нам не благоприятствовало. Коммунистическая партия после смерти своего вождя и создателя быстренько избавилась от его экономических иллюзий и повела наступление на зажиточного крестьянина, открыто объявив о предстоящем уничтожении его как классового врага. Дедушка был проникательным человеком и, предвидя беду, своевременно отправил своих шестерых детей в бескрайние азиатские степи, наказав им трудиться и взывать к Господу. Сам он остался при своем хозяйстве с верной женой, нашей бабушкой, и встретил шквал «раскулачивания», в вихре которого было уничтожено больше, чем передано на благо трудового народа. Старики уцелели, но вместе с сотнями им

подобных оказались где-то в уральских просторах.

Мой отец женился и вскоре в нашей семье, кроме меня, появились еще два брата. Мы могли бы жить безбедно, если бы мой отец не затосковал о бабушке, то-есть своем отце, не стал горевать о его судьбе и ринулся искать его на Урале. Это привлекло к нему внимание и отца арестовали. Мама уцелела и долго искала след мужа. После многолетних поисков ей удалось заполучить бумажку, из которой она поняла, что отца даже не судили, он просто пропал в дебрях сталинских тюрем, лагерей истроек. Исчез человек, пропал без вести, местонахождение неизвестно. И это случилось в стране, где никто не уезжал без ведома милиции, где постоянно проверяли документы и ликвидировали бездомных бродяг.

В годы хрущевской оттепели, когда стали вслух говорить о ГУЛАГе, в предместье Ташкента, маленький Куйлюк, где мы жили, доползли слухи, что близ Челябинска, где был арестован отец, существовали рудники по добыче редких металлов. Мать всегда отличали бесстрашие и любовь к правде. Она была учительницей истории, верила, что рано или поздно история будет написана без искажений и не очень ясно осознавала, что преподавать этот предмет она могла лишь в захолустном Куйлюке, а не в ташкентской школе. Она ведь была женой человека с сомнительной политической репутацией, а история считалась марксистско-ленинским предметом.

В окрестностях Челябинска люди рассказали ей о Лысой горе, где работали политические заключенные. К тому времени многих из них освободили, некоторых же упрятали подальше. На

месте лагеря остались унылые бараки, а кое-где лишь каменные ихоснования. Бывший лагерь был небезопасным местом для экскурсий, но в Челябинске мать нашла единомышленников и они ежедневно обследовали брошенную зону страданий, пока не обнаружили массовое захоронение и даже начали его раскапывать. В могиле лежали сотни останков, сваленных кое-как, с неизменными пулевыми отверстиями в черепах. Тогда все это было еще в диковинку и мать потеряла сознание. Ее спутники привели женщину в чувство, поиски прекратили, но всё увиденное записали в тетрадь и удостоверили своими подписями. С этой тетрадки мама сделала три копии и наказала каждому из нас, ее детей, хранить этот документ до того дня, когда человечество будет судить коммунистов за преступления против своего народа. К сожалению, увиденное на Урале привело мать к отрицанию Бога. Она заявила, что не верит... Как Он мог простить такое убийство!

Дальнейшая жизнь матери была довольно странной. Она выглядела не по годам привлекательной - стройная фигура, голубые глаза. Не удивительно, что на нее обращали внимание мужчины. Среди них был и некий Калугин, как оказалось позже, офицер КГБ. Однажды по случаю дня рождения матери Калугин пришел к нам. С собой он принес изрядный пакет с продуктами высокого качества: стол, как пишут в книгах, ломился от яств! Выпили... Мама тоже не отказалась и после рюмочки расчувствовалась, рассказала гостю о своей судьбе, о поисках в Челябинске. Ее рассказ привел Калугина в замешательство. У него явно испортилось настроение и он начал пить рюмку за рюмкой. Водки в

бутылке оставалось совсем мало, когда Калугин решил вернуться к прежней теме. Точнее, это мать у него спросила:

- Что ты пьешь так много? Не повредит?

Калугин посмотрел на нее трезвым взглядом:

- Такие поиски могут тебе дорого стоить! За это некоторые заплатили жизнью и я не хотел бы такого риска для тебя! Это ведь государственная тайна! Это страшная тайна красного террора! Вы начали копать в Челябинске, другие полезут в могилы возле Минска - в Куропатах... А еще Быковня под Киевом, а еще Катынь под Смоленском, а еще... Долго можно перечислять места массовых казней... Зачем это тебе? Но если уж побывала в Челябинске, спрячь свои записи и пусть лежат. Не надо рассказывать. Придет время и люди об этом узнают, но еще рано, еще живы стрелявшие!

Наш гость вскоре попрощался и ушел, а мы остались пораженные, озадаченные, смущенные... На маме особенно тяжело отразились слова Калугина и даже его последнее пожелание не смогло смягчить зловещего предупреждения. Но мама была из особой породы людей, всегда верящих в правду, всегда ищущих ее. И она начала свою маленькую борьбу за справедливость. Она написала в Москву, Никите Сергеевичу Хрущеву, который первым заявил о злодеяниях Сталина и его клики. Она послала ему фотографию могилы под Челябинском, в школе сделала доклад о репрессиях.

Прошло всего лишь несколько дней и случилось большое несчастье. По пути домой мама зашла в местный продовольственный магазин, купила хлеб и вышла. Когда она переходила улицу, из-за поворота

вырвался автомобиль, развивая скорость, сбил маму и умчался. Люди бросились к потерпевшей, кто-то вызвал скорую помощь. Но было уже слишком поздно...

Для нас смерть мамы была страшным ударом. Она согревала всех нас своим жизнелюбием... То и дело мы слышали ее веселый голос: «Дети, кто поможет мне вытереть посуду?» Потом из палисадника: «Дети, какие красивые цветы у нас расцвели! Откройте глаза, не проходите мимо!» От двери дома: «Ах проказники! Вы опять меня изобразили!» Дело в том, что старший среди нас Петр имел дар рисования и когда случалось хорошее настроение, охотно брал в руки бумагу и карандаш. Чаще всего у него получались довольно милые шаржи, которые он и прикреплял в виде приветствия у входной двери. После гибели мамы изображение ее на бумаге стало его манией и Петр в течение дня создавал множество маминых портретов. Потом он стал изображать ее на выстроганных дощечках, мама все более напоминала православные лики, а затем все закончилось тем, что Петра забрали в лечебницу.

Мы уже не надеялись на возвращение брата, но его выпустили. Больше он не рисовал маму.

Однажды мы шли по улице и услышали во дворе хоровое пение. Из любопытства мы заглянули во двор и увидели, что дверь в доме открыта, внутри много людей и все согласно поют мелодичную песню: «Приди, приди! О грешник, к Иисусу приди!» Мы не выдержали и пробрались сквозь толпу внутрь дома. Когда хор допел свою песню, один из старших мужчин спросил, кого мы ищем? Неожиданно Петр ответил :

- Иисуса!

Мужчина недоверчиво осмотрел нас, а мы выглядели весьма прилично, потому что наша внешность всегда была основной заботой внезапно ушедшей из жизни мамы. Мужчина спросил:

- Сознаете ли вы, что перед лицом Господа являетесь большими грешниками? Готовы ли вы это признать и покаяться в своих грехах? Готовы ли вы дать слово в дальнейшем жить достойно и во всем следовать тем правилам, которым нас научат в этой общине?

Возможно, я повременил бы с ответом, но Петр с такой горячностью и надеждой дал утвердительный ответ, что нам оставалось только кивнуть в подтверждение. Так мы стали баптистами и со временем прошли обряд крещения в местной речке.

Сотрудники государственной безопасности вскоре навестили нас и спросили, не оставила ли мама каких-либо записей или фотографий. Мы помнили слова Калугина и понимали, что его предупреждение могло иметь непосредственную связь с ужасным автомобилем, поэтому позаботились о том, чтобы наши заветные тетради дома не хранились. Непрошенные гости провели обыск, но ничего не нашли. Позже нас несколько раз вызывали в управление КГБ и даже однажды задержали на сутки в камере, но в конце концов от нас отстали.

Прошли годы и теперь уже все знают о массовых казнях и ме-стах захоронений жертв. Во многих городах выявлены местные могилы казненных, на них поставлены памятники. Но еще очень много неизвестных могил, еще много неизвестных имен...

13 июня 1971 года

ПРОЗРЕНИЕ

В этот июньский день Олег Сименс принял решение о переходе в зарегистрированную общину с тем, чтобы заняться устройством типографии. Его приняли хорошо: в конце концов он здесь не был новичком. Но поначалу Олег посещал собрания в обеих общинах, потому что не мог сразу порвать связи с людьми, столь близкими ему по совместных испытаниях в прошедшие годы. Олег был одним из организаторов незарегистрированной общины, при нем в нее входили и выходили братья и сестры, он хорошо знал их тревоги и нужды, знал слабости и грехи. Не оставлял ли он их на произвол судьбы?

Олег страдал душой и жаловался Галине:

- Просто сердце разрывается!

Галина утешала его тихими словами:

- Это еще не беда, братья и сестры остаются с нашим Господом и он будет наставлять их. Этот барьер мы преодолеем.

Но барьер для Олега был высоковат. Он пришел к выводу, что баптисты во всем мире довольно легко соглашаются с действиями властей. Послание к римлянам они трактуют очень буквально, а ведь со времени его написания сменились целые исторические эпохи! Власть имущие тоже стали иными и добывают свое место иными путями. Тогда подчинение силе стоящего у кормила власти воспринималось как служение Богу, который поощряет добро и наказывает зло. Но ведь нынешние руководители отвергли Бога и погрязли в крови собственного народа! Вот и в Германии церковь

подчинилась нацистскому режиму и даже после его разгрома не покаялась в этой поддержке! Олегу казалось, что пребывание в незарегистрированной и не признанной государством общине делает его свободным от необходимости слепо подчиняться властям. А теперь он лишается своей духовной свободы и переходит в общину, которая не знает этой границы, которая, возможно, готова к раболепию перед властью во имя сохранения иллюзорных свобод.

- Помоги мне, Господи! - молился Олег.

После молитвы он продолжал размышлять и убеждал себя, что перед ним открывается попрание деятельности во имя примирения. Ведь он и раньше никогда не одобрял размежевания с зарегистрированной общиной. А теперь он попытается помочь властям занять более терпимую позицию по отношению ко всем христианам. Пусть некоторые во Всесоюзном совете льстят советскому руководству, но ведь это слабость человеческая и она не должна препятствовать всей церкви нести народу благовествование. Просто мы должны научиться влиять на политику с христианской позиции.

И когда Олег согласился на переход в зарегистрированную общину, то втайне уже надеялся, что сможет содействовать изменению ситуации и в руководящем звене Всесоюзного совета. Его дети попрежнему посещали воскресную школу в общине Тихона.

В зарегистрированной общине возвращение Олега восприняли как следствие выполнения договоренности о сотрудничестве. Возвращению откровенно порадовались: он ведь хотел мира, он хотел примирения, чего же лучше? Вскоре Олега выбрали

пастором. Никто не знал, что он не хотел примирения любой ценой. Для большинства верующих принципы нового пастора были высокой материей. Они искренне радовались, что избавились от прежнего руководителя, который был всего лишь куклой в руках государственных чиновников. А пастор Олег Сименс - это все знали - мог выступить и против государства в защиту родной церкви!

Мало кто задумывался и о том, что в условиях советской действительности каждый стремится заполучить хоть какой-нибудь мало-мальски возвышенный пост, потому что в этой стране лучше быть бригадиром, чем землекопом, контролером, а не водителем, комбайнером, а не подручным... Олег тоже пришел в новую общину руководителем, а это изменяло его положение хотя бы в этом небольшом собрании людей.

... Вскоре Олега пригласили на ужин к знакомому офицеру КГБ, вернувшемуся из путешествия в столицу. Супруги приняли гостя радушно, высказали сожаление, что он один, без супруги. Но в ходе ужина Олег понял, что сожаление было пустой формальностью, потому что речь шла о весьма важных и конкретных делах. Как раз хозяйка подала чай...

- Олег, - сказал хозяин, помешивая ложечкой в стакане, - я рад, что вы приняли предложение по созданию типографии!

Сименс вновь изумился: откуда такая осведомленность о весьма тайном деле? После беседы в поезде Олег решил, что подполковнику доверять нельзя: история католического патера показалась ему чистойшей выдумкой, рассказанной с единственной

целью удивить собеседника. Все эти намеки на сближение с христианским миром?.. Офицер КГБ не может не верить в коммунистические идеалы! Да и сам разведчик однажды заявил, что марксизм-ленинизм воплощает лучшие гуманистические достижения человечества и вся беда в том, что их извратили сильные мира сего. Но офицер высказал тогда надежду, что еще доживет до реформирования догматической, заскорузлой системы. Хозяйка вдруг сказала:

- А знаете, ведь можно использовать нашу дачу!

Олег даже похолодел: « Как! И она обо всем знает? Ничего себе, конспирация! На кухне кагебиста обсуждают тайные планы баптистов! Ловушка?»

- Я уже все обдумал,- поддержал жену подполковник.- Мы уже сделали заявку на некоторую перестройку дачи с целью приспособления ее к проживанию зимой. Нужны надежные помощники, которые после перестройки не будут болтать о том, что они делали на даче!

- Зачем вы вмешиваетесь!- только и сумел сказать Олег.- Это же вас вовсе не касается!

- Я не настаиваю,- сказал подполковник.- У вас есть свои люди, которым вы доверяете. Подумайте, посоветуйтесь, а потом скажете...

Больше в этот вечер к типографии не возвращались.

Взволнованный происшествием Олег разыскал Андрохина, с которым в последнее время обсуждал все вопросы своего перехода и дальнейшие действия по развитию полиграфического центра. Этот человек представлял Всесоюзный совет. Андрохин с сомнением выслушал Олега, но потом вдруг сказал:

- Я думаю, что мы должны воспользоваться этим предложением. Поступай так, как тебе посоветует хозяин дачи. А я позабочусь о выделении для этой работы хороших мастеров.

Неделю спустя начальник строительной организации сообщил Олегу, что ему вновь придется поработать для знакомого заказчика, но в этот раз на его загородной даче. На следующее утро Олега уже ждали шесть дюжих молодцов, готовых выполнить любую команду. Олег смутился: до сих пор он работал преимущественно как рядовой исполнитель, а тут вдруг становится едва ли не мастером. Но когда пришедшие развернули снятые на кальку планы перестройки, Олег удивился рациональности намеченного проекта. Его подготовил опытный специалист! Как удачно использованы подвальные помещения, есть и запасный выход прямо к берегу Иртыша, по которому можно приходить и уходить незаметно при наблюдении за дачей с улицы. Да, это был весьма конкретный вклад в евангелизацию местного населения!

Олег трудился увлеченно, но его не оставляло чувство досады и настороженности - Олегу казалось, что он попал в какую-то неприятную историю. Пастор сам себя убеждал, что они делают очень важную работу: возможно, удастся создать издательство, альтернативное издательству «Христианин» незарегистрированной части церкви ЕХБ. Создать свои издательские службы пытались и другие протестантские конфессии, но им не удалось печатать свои книги. Организатор «Христианина» Геннадий Крючков очень строго отбирал сотрудников издательства и создал хорошо организованный коллектив, работающий четко, толково и без промахов.

Олег же думал о том, что мало знает и Андрохина, и свою бригаду, которая, как оказалось, в большинстве состояла из будущих работников издательского центра. Что же замышлял подполковник? Олег не забыл, что тот очень своевременно выдал ему опасного агента КГБ и своими беседами приучил к постоянной бдительности, позволившей пастору еще несколько раз избежать явных неприятностей. Почему КГБ его самого до сих пор не трогало? Ведь за провалом секретного сотрудника должны были последовать какие-то репрессии против виновника, а Олега, кажется, и не замечали. Хорошо это или плохо?

Олег помнил как в Киргизии прямо на улице был избит Николай Сизов. Он был старшим пресвитером зарегистрированных общин ЕХБ. Сизова в бессознательном состоянии затащили на железнодорожное полотно и положили на рельсы. Но он своевременно пришел в себя и чудом избежал гибели. Когда об этом узнали в Совете церквей ЕХБ, именно Алексей Петров настаивал на предании этого случая огласке, но сам Сизов воспротивился и лишь немногие знали об этом происшествии. Все понимали, что покушение на Сизова организовали сотрудники КГБ, потому что он надоел им постоянными публичными обличениями. Но поговаривали и о том, что Сизова недолюбливали в руководстве баптистской церкви после того, как он выступил против принятия советских баптистов в Совет Всемирной церкви.

Конечно, Олегу было тревожно от мысли о том, что и с ним могло случиться что-нибудь подобное. Но ведь не случилось же ! Почему? Наивно даже предполагать, что он, пастор, мог оказаться вне

поля зрения служб госбезопасности. Как раз те, кто пытался избавиться от недремлющего ока, первыми попадали под колеса и в другие беды. В дни тягостных раздумий Олег и не предполагал, что Господу было угодно приготовить ему ясный ответ на его вопросы.

Когда до Олега донесся слух о автомобильном происшествии в центре города, он не мог знать, что речь идет о хозяевах дачи. Рабочие из бригады рассказывали, что какой-то пенсионер-отставник врезался на перекрестке в трамвай. Трамваю-то ничего, а машина разбилась и ее пассажиров забрала скорая помощь. Вечером Галина сообщила мужу, что пострадали как раз его хорошие знакомые, особенно хозяин машины. Не сразу Олег попал в палату к подполковнику. Вначале он вообще был плох и посетителей не пускали. Первой к нему пришла жена, которой стало полегче и она, оставаясь в больнице под наблюдением, могла навещать мужа и даже взять на себя обязанности сиделки. Старый разведчик сказал Олегу:

- Кости целы, а вот головой изрядно стукнулся. Сотрясение мозга... И как это меня угораздило! Заехал за женой в университет, двинулись домой по направлению к площади Ленина, пересекал трамвайные рельсы... И вдруг как загрохотало, заскрежетало!..

- Василий, может тебе лучше помолчать, - заметила жена.

- Нет, сегодня мне уже лучше, хочу поговорить с гостем, пока здоровье позволяет. Мне на рельсах пришлось пережить нечто удивительное! Прежде чем я потерял сознание, какой-то кинолентой промчалась в памяти вся моя жизнь! И почему-то не самые лучшие ее страницы! Не знаю, вслух или нет, но я

воскликнул: «О Господи, будь милостив ко мне, грешному!» Олег, вы же понимаете, что при моей прошлой работе на моей совести есть и чужие жизни, и чужие судьбы! Я уже вам рассказывал о старом католике. Но тут меня вдруг очень испугало осознание того, что я играл с Богом, когда изображал священника! Это же была насмешка, это было, как у вас говорят, богохульство. Ранее я демонстративно отрицал Бога, но была ли моя демонстрация искренней? Ведь где-то в тайниках души жило предчувствие тайны. И когда в роли миссионера я столкнулся с потребностями человеческих душ в духовной пище, то и сам не мог не вкусить ее. Ранее мне приходилось иметь дело с христианами и я знал истинную цену многим из них. Такого лицемерия я не желал для себя. Но там, в той стране, было иначе. Там во мне самом совершались перемены, а другие были вроде бы ни при чем... Я приехал к месту своей службы с ироническим отношением к католической церкви. Меня угнетало обилие грешников, которые охотно каялись и хвастались этим, а потом вновь грешили. Они воспринимали Библию как непогрешимую норму, а все остальное отвергали, не проявляя к нему интереса. Но почему? Ведь критический анализ не поколеблет веру, а лишь укрепит ее! С такими мыслями я изображал священника, пока дело не дошло до причастия или как вы, протестанты, говорите - Вечери Господней. Для меня, атеиста, казалось бы - мистерия... Но что-то волновало, что-то оживало в душе и я всё больше начинал сомневаться в правоте своей атеистической иронии. Об этом гораздо точнее и много раньше меня сказал в Послании к галатам

апостол Павел: «И уже не я живу, но живет во мне Христос». Я не знаю, Олег, поймете ли вы меня. Мне кажется, баптисты придают большое значение рациональному и упускают из виду эмоциональное, я сказал бы, страстное желание души соприкоснуться с Богом. Не только рассудком, но и сердцем... Такой крик души рождался во мне и вот сейчас он вдруг пронзил мое сознание острым пониманием простой истины: без Бога я не могу умереть ! Это случилось в то мгновение, когда я уже терял сознание и увидел свою жизнь как в калейдоскопе... Потом я очнулся и получил подарок: время для раздумий. У меня была возможность вернуться к своему прежнему неверию, но оно в последние годы уже не было столь нерушимым, а в грохоте катастрофы родилось что-то новое. Господи, сжался надо мной! - это я закричал, я, прошедший, казалось, огонь, и воду, и медные трубы!

Олег положил руку на плечо раненого. Его жена тихонько плакала у изголовья. Подполковник продолжил:

- Я думаю, что сумею прожить остаток дней своих христианином. Конечно, я готов покаяться, даже публично... Я не назову фамилий, речь пойдет только обо мне. Я знаю, как к этому отнесутся... Но вопрос очень серьезный. Никто не станет отрицать, что я как бы вновь родился. Но я знаю, что родился также духовно. Я не изменю своего мнения о некоторых христианах. Но не буду осуждать их - у них есть Судья, а моя критика лишь навредить может...

Олег ощущал прилив тепла и счастья. Вот перед ним страждущий человек, нашедший себя в Боге. Теперь его сердце отдохнет в поклонении Господу.

Олег, вначале возмущившийся в душе при осуждении его собеседником баптистов, укорял себя за вспышку внутреннего гнева и готов был расцеловать говорившего.

- Благодарю вас,- сказал Олег.

- Но это еще не все,- сказал больной.- Мы посоветовались с женой и решили продать дачу!

Олег потерял дар речи:

- Как же? А проект?

Подполковник умело скрыл иронию за отеческой наставительностью:

- Друг мой, неужели вы не поняли, что с вами ведут двойную игру? Мне просто приказали предоставить вам дачу для выполнения вашего задания, а потом уже другие люди смогут контролировать программу и содержание ваших изданий, через вас выйдут на тех, кто законспирирован...

- Как же вы могли? Я вам поверил! - Олег был обижен до слез.

- Дорогой мой,- продолжил подполковник.- Вот вы уже начали жалеть себя, а нужно трезво, без эмоций, оценивать обстановку и делать выводы. Вы же взрослый человек, руководитель, пастырь... Что вы обо мне воображали? Разведчик остается разведчиком на всю жизнь, контрразведчик тоже...

Даже оставив действительную службу, наши люди находятся в строю и выполняют указания начальников. Непослушание обычно обходится дорого. Одни преданы делу и таких много, других устраивает неплохая оплата и обеспечение в старости... У меня тоже пенсия, на которую можно прожить. И тем не менее мы нашли хорошего покупателя и продаем дачу. Она нам просто не нужна. Думаю, что мы отсюда уедем куда-нибудь

на Кавказ и я постараюсь убедить своих начальников, что не гожусь для активной работы. Особенно после случившегося... Вы только ничего не говорите своей бригаде, пусть спокойно работают.

Только что пережитую радость по поводу чудесного обращения этого человека как рукой сняло. Олега охватило глубокое разочарование и досада от того, что его так легко обманули и использовали в своих целях. Он встал и направился к двери, но подполковник вдруг сказал:

- Разве мы не помолимся вместе?

Молиться вместе с человеком, который так коварно обвел его вокруг пальца? У Олега не было в этот момент ни малейшего желания обращаться к Господу, ему было стыдно, горько и обидно. Больной сказал:

- Тогда помолюсь я. Господи, успокой служителей своих и прими нашу благодарность за то, что подарил мне избавление и мир в душе!

Тут уж Олегу стало стыдно за себя, за то, что он хотел осудить человека, открывшегося перед ним с такими тайнами, которые открывать было опасно. И он присоединился к подполковнику:

- Господи Иисусе, я нахожусь сейчас в большом смятении и не нахожу слов. Небеса радуются, когда грешник начинает новую жизнь. Я очень хочу разделить эту радость. Благодарю Тебя и прошу наставить меня в этой сложной жизни!

Теперь уже Олег мог уйти и даже был обязан сделать это, потому что больной устал и его жена пыталась подсказать Олегу, что мужу надо отдохнуть. Олег отправился в городской парк на знакомую скамейку, чтобы обдумать услышанное. Его смущала

и злила необходимость вести себя так, как будто ничего не случилось. К такому притворству он не привык. Злило и собственное бессилие.

- У тебя, брат, случилась беда? Уж не русская ли жена привела тебя в такое состояние? - услышал Олег знакомый голос и увидел Геллера, который усаживался рядом.

- Не нужна ли тебе исповедь, брат? - спросил старик. Интуитивно он почувствовал, что нежелателен, но не ушел. Брат Эмиль очень хотел бы заполучить молодого пастора под свое покровительство и надеялся, что такой случай предоставился.

- Брат Эмиль, - сказал Олег. - Я, конечно, знаю, что любить ближнего надо таким, каким его создал Господь. И я стараюсь поступать именно так и по отношению к брату, и по отношению ко всем остальным. Но, поверьте, у меня нет ни малейшего желания приспособливаться к манере жизни, к воззрениям других людей. Я буду искать наставления в молитве, в Слове Господнем. Уж вы простите.

- Ничего, ничего, брат Олег, я все понимаю, тоже был молодым, - сказал Эмиль Геллер и остался сидеть. Но Олег уже погрузился в свои мысли.

Возможно, думал он, нашей общине и нужны такие многоопытные люди, как новообратившийся брат Василий. У него ведь есть и определенные богословские познания, правда приобретенные для сомнительной цели, но теперь он пересмотрит свои взгляды и знания обратит во имя спасения души. У него и Олегу есть чему поучиться. В целом же надо обратиться к духовной жизни общины, а то из-за этой дачи он стал уделять меньше внимания братьям и сестрам по вере.

Но как же мог он так опростоволоситься? Так глупо попасться в ловушку КГБ? И сегодня что-то уж очень легко он поверил подполковнику. Ну, хорошо, тот ранен. Но разве не мог он ловко использовать свой опыт и вновь разыграть наивного Олега? Где же истина? Где правда? Только Христос - правда, а люди все грешники и лжецы, подумал Олег и решил, что будет ждать дальнейших событий и молчать.

* * *

Мой жизненный опыт, трагический опыт моей семьи подсказывали мне, что не следует особенно доверять отношениям Олега с подполковником. Но сам Олег так искренне рассказывал мне свою историю, что у меня не было повода для сомнений и в этой книге я оставляю ее в таком виде, как сам от него услышал. Честность Олега заставила меня позже усомниться в своих собственных подозрениях. Тем более, что косвенные подтверждения правдивости этой истории я услышал от весьма уважаемого члена Совета церковью ЕХБ. Правда, мое предложение опубликовать этот рассказ повергло его в ужас. Но это уже к Олегу не относится.

Конечно, досадно, что Олег увлекся перестройкой дачи и существенно запустил духовное общение с верующими. Не думаю, что пастор должен все время тратить на духовные беседы, но и пренебрегать ими нельзя. В этом деле полезен опыт больших общин в Соединенных Штатах Америки, которые имеют несколько пасторов и каждый занят своими обязанностями. Один ведет благовествование с кафедры, другой посещает семьи, третий работает в воскресной школе с детьми и молодежью. Олег

поддерживал такое распределение обязанностей, но не спешил его внедрять, потому что пасторов в общине больше не было, а привлечением самих верующих он опасался нарушить какие-нибудь установки государства. Нужно было учитывать также особенности характеров своих подопечных. Не только в природе шел постоянный естественный отбор, но и верующие пребывали в некотором соперничестве: многие из них стремились занять в общине более заметное место благодаря тем или иным личным качествам. Насколько было бы лучше, если бы они дополняли друг друга, действуя в гармонии и согласии, радовались совместно достигнутому успеху.

Однако дела шли не так уж и плохо. В общине был весьма способный проповедник и Олег замечал как после его выступления душевно обновлялись люди. Причем проповедник достигал этого отменой традиционной исповеди, которая многих смущала, ибо не у каждого были грехи, о которых стоило бы говорить, а повторять канонический перечень обычных прегрешений тоже было излишне. Вместо исповеди проповедник проводил своеобразную беседу-наставление, в ходе которой вместе с верующими разбирал самые разные происшествия из их жизни. Слушатели как бы сверяли собственное поведение с мнением общины и это помогало им впредь принимать правильные решения.

Был также в общине искусный толкователь Библии. Его слушали с интересом и, наверное, глубже понимали Священное Писание, но эти проповеди не имели столь явного влияния на повседневную жизнь братьев и сестер. К тому же брат был тучен и многие подозревали, что он излишне предается

кулинарным наслаждениям, а это ведь в глазах большинства было грешно. Я знаю, что и сам Олег относился к этому брату с некоторой предвзятостью, а на это пастор просто не имеет права.

Видимо, Олег Сименс был неправ, когда оставлял небольшие разногласия на волю случая, ведь пастор скорее не пастырь даже, который гонит свое стадо в одном направлении и наказывает заблудших, а как бы психотерапевт, призванный слушать, понимать, анализировать и незаметно влиять на тех, кто ищет выход, но не всегда находит его без подсказки. Правда, в советской общине часто пастор не получает жалованья, Олег ведь тоже был простым маляром и это многое извиняет. И все таки нельзя было жить по принципу : хотите ссориться - ссорьтесь...

13 ноября 1971 года

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Олегу очень хотелось после работы навестить жену старого разведчика, но он не решался, хотя и знал, что она не так сильно пострадала в аварии. И все же, побродив четверть часа в больничном парке, он поднялся в ее палату. Больная было не одна - у постели сидела очаровательная женщина в голубом костюме и блузке в цветочках. Олег остановился, приятно удивленный - он хорошо знал эту женщину, но никогда не видел ее такой нарядной - в их строительном управлении она занимала весьма ответственный пост, но обычно щеголяла в резиновых сапогах, комбинезоне и темной блузке. Олег получал задания у прораба или начальника участка, поэтому с Маргаритой Ляшко - так звали красавицу - виделся редко и не был в числе ее приятелей. Рабочие называли ее «железная леди», наверно из-за того, что она была уже третий раз замужем. И от каждого мужа у нее было по ребенку.

Маргарита на мгновение ответила на изумление Олега благодарной женской улыбкой, но сразу же озабоченность погасила ее порыв. Больная в постели беспомощным взглядом умоляла о поддержке и участии. Огромные кошачьи глаза Маргариты сразу потемнели и Олег прочитал в них неуверенность, которая была непривычной для этой сильной, целеустремленной, жизнерадостной женщины. Олег поздоровался с больной и с гостьей.

- Это моя сестра Маргарита,- сказала больная.
- Да?- растерянно произнес Олег.
- Разве он способен замечать женщин? -

Маргарита вновь вернулась к привычному тону.- Олег Сименс всегда в работе. Кроме нее, его интересуют лишь семья и община. Не так ли?

-Так вы знакомы?- удивилась больная.

- В самом деле, я очень занят,- смущенно сказал Олег.- И разве обязательно знать родню своих сотрудников?

- Не обязательно! - выручила его Маргарита.- К тому же, я ношу фамилию первого мужа, попробуй разберись! Да и не было повода посвящать вас в наши семейные тайны,- тут она лукаво подмигнула сестре.

- Дорогой пастор,- сказала больная,- в этом мире довольно много неожиданностей. Вы недавно пережили весьма неприятный день, обнаружив, что попали в ловушку. Мы с Маргаритой не ожидали обращения моего мужа в веру Христову. А знаете ли вы, что я пришла к Богу намного раньше мужа? Вы знаете, что я преподаю в вузе марксистско-ленинскую философию и вам мое сообщение может показаться невероятным. Но это так!

-Мой первый муж был верующим,- продолжила Маргарита,- а я атеисткой. Представьте себе, пресвитер предложил ему добиться моего обращения, а муж сказал, что нельзя заставить верить. И его исключили из общины. Вскоре он заболел воспалением легких и организм с болезнью не справился... В дни черного горя нашлись святоши, который утверждали, что он наказан за грехи. Мой второй муж погиб из-за нелепого случая, с третьим я разошлась. Я вышла за него, потому что он был похож на моего первого мужа. Но оказалось, что сходство было лишь внешним...

- Тогда вы стояли очень близко к Богу, благодаря вашему мужу,- заметил Олег.

- Никогда не заживет моя рана, никогда я не забуду как он страдал, когда его оттолкнули свои же...Умирая, он говорил мне о правде Евангелия и спасительной любви к Богу. Но я была обижена на верующих и его слова не произвели на меня должного впечатления. А ведь они были его завещанием!

- Как вы отнеслись к тому, что ваша сестра и ее муж решили обратиться к церкви? - спросил Олег.

- Право, не знаю,- ответила Маргарита. И от того, что ее волновала

новость, она сбилась на привычный игривый тон.- Он уже был когда-то священником, почему бы не стать прихожанином?

Больная сделала протестующий жест рукой и Маргарита умолкла.

- Как вы себя чувствуете? - задал Олег вопрос, с которого надо бы было начать разговор. Ответила Маргарита:

- Да сестру через день-два выпишут, а вот у ее мужа - инфаркт! К нему не пускают!

Олег был обескуражен новостью и не знал как поступить. Слова утешения казались ему банальными и он прибегнул к привычному способу встречать беду. Он сказал:

- Давайте помолимся об облегчении его участи!

В палате звучали слова молитвы, в которой не было мольбы, а лишь уверенность в том, что Господь не оставит детей своих и все свершится по воле Его. С больничной койки тоже звучал слабый голос молящейся женщины.

После молитвы Маргарита сказала:

- Если вы не против, я приду к вам на молитвенное собрание!

... В воскресенье Олег увидел Маргариту Ляшко среди верующих и подошел к ней.

- Муж сестры в тяжелом состоянии,- сказала она. Олег пообещал сегодня же зайти к ней, а сам пошел к кафедре открывать Богослужение.

Я должен заметить, что пастор в общине советских баптистов занимает иное положение, чем на Западе. Мне кажется, что в странах Запада община не испытывала такого благоговения перед пастором, как у нас. В Советском Союзе всегда было в общине несколько проповедников, а из-за репрессий они постоянно менялись.

Случалось, что и женщины проповедовали, когда все мужчины оказывались в заключении. Ведь община немислима без пастыря! И каких бы хлопот и огорчений не стоили пастырю его овечки, он был их заботливым наставником и судьей. За это его уважали, беспрекословно выполняли все указания, часто даже не вникая в их смысл. Пастор, пресвитер определял ход собрания, руководил причастием и крещением. Было принято во всем повиноваться пастору и если кто-нибудь имел иное чем он мнение, то мог по единому его слову оказаться вне общины. В лучшем случае пастор посоветовал бы такому бунтарю перейти в другую общину.

Демократия возможна в обществе, но не в общине! « Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым»- наставляет нас апостол Петр / 2-е Петра 1:21/.

Случалось, отдельные верующие утверждали, что они наставляются Святым Духом и поэтому не нуждаются в пастырях. Но это - заблуждение, потому что Господь сам назначал в общинах пастырей. О том, какими им надлежит быть, написал апостол Петр: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду» / 1-е Петра 5:2,3/. Можно ли сомневаться в истинности этих наставлений?

Я не встречал пастыря, который полностью соответствовал бы требованиям, изложенным в письмах святых апостолов. Но эти письма всегда служили мне руководством к действию. Святой апостол Павел в Послании к Титу напоминал, что «епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен» /К Титу 1:7/. Должен признаться, что мне приходилось бороться с вспыльчивостью при общении с некоторыми верующими и до сих пор мне полностью избавиться от этого недостатка не удалось, поэтому я в оправдание себе думаю, что верующие знают, как моя горячность мгновенно сменяется спокойствием и доброжелательностью. Я не считаю себя правым и говорю об этом лишь для того, чтобы показать, как важно для пастора знать свои слабости и первым начинать их преодоление.

Проповедь Олега о влиянии Святого Духа в мире была в это воскресенье особенно впечатляющей. В тот день отмечался праздник жатвы, но на вечернем

собрании, а с утра наставления пастора были весьма уместны. Олег в своей проповеди выделил четыре основных тезиса, объяснил их и проиллюстрировал строками Библии. Пастор говорил о том, что Дух Божий зовет, предостерегает и избличает людей в их грехах, особенно же в неверии. Он способствует раскаянию и исправлению. Он вовлекает нас в работу по благовествованию и помогает нам стать перед лицом Господа нашего Иисуса Христа. Олег рассказал о вечной силе нашего небесного Творца на основе трудов, созданных по слову Его. Размышляя, каждый может постичь заповеди Господа и следовать им. Чтобы мы поступили именно так, Бог превратил в человека Своего Сына и преподал нам урок искупления посредством Креста. Страдания Господа вытекают из Его святого гнева, вызванного грехом неверия, а также из любви к людям. Эта любовь остановила гнев, направленный против людей, и обрекла на страдания Его любимого Сына. Парадоксальность такого поступка объяснилась воскрешением Распятого.

- И тебя, и меня,- говорил Олег,- любовь Бога пощадила, уберегла от Его святого гнева. Кто открываётся воскресшему Христу, принимает прощение и подчиняется Его воле, тот уже здесь и сегодня попадает в царствие Христа.

Проповедь нашла горячий отклик в сердцах верующих. Многие встали и у кафедры слушали пастора, стараясь не пропустить ни одного слова. У многих на глазах были слезы. В тот день плакала и Маргарита Ляшко. Олег после служения попросил Виктора Поплавника провести с ней беседу, потому что сам из-за давнего знакомства с ее сестрой не

решался на разговор, опасаясь, что это знакомство, а также работа в одной организации могут смутить женщину.

Издали Олег видел, что Маргарита утирала щедрые слезы и был рад этому, потому что слезы всегда были признаком искреннего раскаяния, переоценки своей жизни. Он не мог знать, что Виктор был очень удивлен сложной жизнью своей собеседницы, ее несколькими замужествами. А Маргарита откровенно рассказывала о своих увлечениях, прежних поступках, порожденных суеверием. С третьим мужем Маргарита еще официально не развелась, он жил с другой, просил о разводе, но Маргарита не торопилась давать согласие на расторжение брака. Возраст ее близился уже к сорока годам и пугало предстоящее одиночество.

- Но как же заставить его вернуться к вам? - усомнился в ее намерениях Поплавник. - Я понял, что вы уверовали и станете христианкой. А в Библии говорится: неверную часть отдели!

Маргарита задумалась и помолчала, а потом поблагодарила - было видно, что она приняла решение.

... Олег Сименс вернулся домой во второй половине дня. Галина еще готовила обед и он присел в столовой дома, построенного собственными руками. Вся семья была в сборе, но Олег смотрел на детей озабоченно. Одна из его дочерей стала пионеркой, пришла домой в красном галстуке и остальные дети сразу же начали дразнить ее. Отец был огорчен таким поворотом дел, но решил не вмешиваться, потому что опасался конфликта в школе, который мог отрицательно сказаться на девочке. Дома Олег никогда не наказывал детей физически /от мамы

они нередко получали шлепки/, а пыгался вместе с ними проанализировать их поведение и найти верное решение. Беседовал он и с дочерью-пионеркой. Оказалось, что она не хотела отставать от подруг, а о сущности детской коммунистической организации имела весьма отдаленное представление.

- Если я буду носить красный галстук, то разве он помешает мне думать о Христе? - удивилась девочка.

Олег улыбнулся ее наивности. Ее и приняли в пионеры для того, чтобы похвастать своим достижением: дочь пастора отказалась от веры в Бога! Но дочери об этом он не сказал, а объяснил ей, что марксистско-ленинская идеология отрицает Бога, ведет с церковью жестокую борьбу, многие храмы разрушены, верующие и их пастыри убиты или брошены в тюрьмы.

- Конечно, если они нарушали законы, их посадили. А ты же не нарушаешь и к тебе никто не цепляется, - возразила дочь.

- Я стараюсь выполнять законы. Но если бы ты знала, чего только я не послушался от тех, кто уполномочен государством контролировать их выполнение? «Если вы не будете делать то или то, мы закроем ваш молитвенный дом!» - это я слышу очень часто. Меня не трогают лишь потому, что наша община зарегистрирована и им невыгодно притеснять ее, чтобы показать верующим из других, незарегистрированных общин, что надо идти на союз с правительством.

- А я хочу поехать с девочками в пионерский лагерь! - заявила дочь.

- Так вот в чем дело! - улыбнулся Олег. - Мне грустно от того, что ты избрала принцип: цель

оправдывает средства. Мне кажется, что это не совсем честно...

Девочка молчала.

- Я не навязываю тебе свое решение,- сказал отец.- Но верю, что ты подумаешь о моих словах и поймешь, что нельзя создавать для себя какие-то преимущества, погрешив совестью. Господь наш этого не одобряет. Ты уже выросла и сможешь сама принять правильное решение...

Про себя Олег подумал, что детские лагеря отдыха они тоже могли бы организовать не хуже пионерских. Но кто же разрешит баптистам такое!

После обеда Олег отправился в больницу. Жена офицера горько плакала в коридоре, у столика дежурной медсестры.

- Врач говорит, что надежды мало,- подняла она заплаканное лицо к Олегу.- Очень обширный инфаркт миокарда...

- Это тяжелое испытание для вас, молодой христианки,- ответил Олег.- Но вы должны утешиться тем, что ваш муж уйдет из земной жизни спасенным. Ведь то, что он сказал мне, было сказано серьезно?

- Конечно,- подтвердила она.- Он со всей ответственностью говорил о своей вере в Христа!

Олег попросил у врача разрешения подежурить у постели больного.

- Только никаких бесед!- предостерег врач.

Подполковник лежал с закрытыми глазами, на его лице были видны следы длительной болезни и та особая отрешенность, которая появляется у людей, измученных физическим страданием. Олег понял, что ему следует остаться в палате до утра. Домашних он предупредил о такой возможности, а на работе, во-

первых, ему должны отгул за сверхурочную работу, а во-вторых, Ляшко догадается, где его искать. Его мысли перешли на политический розыгрыш, который ему учинили. Олегу было горько, что он попался в такую ловушку, что к этому причастен этот умирающий старик... Прекратить нечестную игру? Но последствия могут быть вообще непредсказуемы. Каждый раз, говоря с верующими о том, как трудно узнать другого человека, он слышал, что Дух Божий знает все о людях. Он знает сердце человека и дал нам силу познать сердца других людей, воспринять их мысли и чувства. Исходя из этого Олег как духовный наставник должен был первым познать мысли людей из своего окружения. А что же получилось на самом деле?

Больной дышал тихо, спокойно. «Если бы мы могли все знать о человеке,- думал Олег,- то стали бы равны Богу! Но разве мы изначально не стремимся к такому познанию своих родителей, супругов, детей, окружающих?» Олег хотел поверить этому страдающему человеку, но его одолевали сомнения. Кто он, чтобы выносить приговор? Не сидит ли он сейчас у постели неверующего? Не попросит ли этот человек в последнюю минуту земной жизни помочь ему в спасении души? Олег терпеливо ждал.

В палату пришла супруга больного и села по другую сторону постели, взяв руку умирающего в ладони. Наверно, она тоже надеялась, что муж не уйдет, не простившись с нею. Аппарат искусственного дыхания делал свое дело. В палате тишина, полумрак...

Ожидание не было бесплодным... После полуночи больной пошевелился, открыл глаза и сделал усилие, пытаясь заговорить. Жена склонилась к его лицу.

Шепот был слаб, но четко слышен:

- Я причинил боль Олегу, пусть он простит меня. Пусть хранит тебя Господь, любимая...

Вскоре тело больного безжизненно расслабилось. Врачи уже не пытались помочь - консилиум признал его безнадежным. Овдовевшая женщина больше не плакала: об этом ее заранее попросил умерший. Пришли санитары с высокой тележкой. Одно ее колесико скрипело. В палате оставаться не было смысла, трамвай уже не ходили, автомобиль супругов был разбит и Олег понял, что нужно проводить женщину до ее дома.

Город спал, забыв о тревогах будней. Его жителей уже давно беспокоили ядерные испытания, проводившиеся поблизости. Время от времени содрогалась земля, звенела в шкафах посуда и падали на пол стаканы со столов. По ночам на горизонте краснело зарево. Где-то там вырастали над пустынной землей грибовидные облака, вызывавшие вначале всеобщее любопытство, а потом - тревогу ... Не будет ли войны ? Тогда мало еще говорили о вредном влиянии ядерных взрывов на здоровье и окружающую среду. Однажды врач в местной газете опубликовал письмо, в котором утверждал, что в городе онкологических заболеваний больше, чем в среднем по стране, но из этой публикации получился большой скандал, кого-то там сняли с работы, в газете напечатали опровержение, а лекторы и докладчики партийных комитетов еще долго рассказывали в красных уголках цехов и по месту жительства о достижениях советской ядерной науки, полетах в космос и создании такого мощного оружия, что теперь нам никакой заокеанский агрессор не страшен.

Об испытаниях атомной бомбы все говорили, но шепотом. И никто не ставил в зависимость от далеких взрывов увеличение числа самоубийств, депрессию и разные психические заболевания, участвовавшие в городе. Все жили ожиданием светлого будущего, которое по решению съезда партии должно было вот-вот наступить.

Казалось, все оказались в огромной психиатрической лечебнице, персонал которой изо дня в день внушает своим голодным пациентам, что им живется много лучше, чем кому бы то ни было, самое необходимое у них есть, а уж остальное - излишества, ведущие к растрелению и гибели.

Олег шел по ночным улицам рядом с молчащей женщиной и думал, что истинное исцеление в этой лечебнице приходит лишь к тем, кто обращается к Христу. Верующие руководствовались Библией и благодаря ей обретали личную свободу, постигали закономерности развития мироздания по слову Божию и могли обязать себя по этому же слову беречь свою землю, беречь окружающий мир. О каких бомбах могла идти речь, если одной из десяти заповедей была: НЕ УБИЙ!

Цивилизация существует, об этом Олег часто говорил в проповедях, лишь по милости Божией и нельзя злоупотреблять этой милостью, чтобы не обратить ее в осуждение наших излишеств. Олег знал, что этот тезис его проповедей не оставят без внимания. Коммунисты заявят, что он сеет отчуждение от всеобщего строительства светлого бесклассового общества изобилия, достатка. Но разве мы не строим это общество уже десятки лет? И что же изменилось? Когда их строительное управление строит дом,

появляются стены, потолки, крыша. Поначалу в доме уютно, много мусора, но сами рабочие начинают все приводить в порядок и добиваются успеха. Почему же в нашем большом доме нет ни порядка, ни стремления его навести? Почему мы живем по принципу: пусть будет как было, лишь бы не было войны! Разве нажива не стала стимулом для большинства этих людей? Коммунисты проповедают отрицание богатства, а сами повсеместно стремятся к обогащению. Они создали для власть имущих, то есть для себя, отдельные магазины и больницы, они строят для себя особенно благоустроенные дома и разъезжают в новеньких автомобилях, они придумали строгую систему фильтрации для тех, кто хочет побывать за границей - выездная комиссия обкома партии ни за что не выпустит верующего за рубеж нашей страны. Остальным достаются лишь крохи с барского стола. Как Лазарю. Но верующие знают, какое блаженство встретил Лазарь и не ропщут...

«Меня сочтут возмутителем спокойствия, - думал Олег, - и не поможет то, что наша община зарегистрирована. Но я был и останусь христианином в том окружении, которое ниспослано жизнью, в данной культуре. Мой путь к освобождению ведет также через осуждение коммунизма».

Они шли уже больше часа по ночному городу. Спутница Олега только однажды нарушила молчание.

- Мне следовало быть готовой к тому, что муж уйдет раньше меня, - сказала она. - И все же это так неожиданно!

У подъезда они остановились.

- Я вам скажу по секрету, - заговорила вдова, - дом и дача проданы.

Новый владелец - наш приятель и будет содействовать работам на даче. Прошу только никому не рассказывать ни о чем, пока я отсюда не уеду.

Олег обещал молчать, пожелал своей спутнице мира и силы, пообещал придти на похорон и попрощался. Дома он прилег вздремнуть, но сон не шел и Олег поехал на дачу. Едва бригадир услышал, что заказчик умер, как испарился. За ним собрались и остальные рабочие. Дело было закончено.

На следующий день после обеда Олег выбрался проведать вдову. Дверь открыл коренастый мужчина, подозрительно посмотрел поверх очков на Олега и спросил:

- Вам чего?

Услышав, что Олег хочет поговорить с овдовевшей хозяйкой дома, мужчина бросил:

- Нет здесь никакой вдовы!

- Подождите! Как это ? Может и подполковник /он назвал его фамилию/ здесь не жил?

- Вот именно! Не жил!- раздраженно заявил мужчина.- Проваливайте, а то я позвоню в милицию!

Ошеломленный Олег стоял перед захлопнувшейся дверью. Он даже отошел и посмотрел на табличку: улица Гоголя,49. Да, все верно, этот дом он недавно выкрасил от цоколя до конька! Что это все значит?

С тяжелым сердцем Олег пошел в больницу, надеясь там найти свою ночную спутницу. Спросил об этом в столе справок, но женщина ничего не знала о вдове.

- Наверно, она сейчас рядом с покойным?- предположил Олег и вновь назвал фамилию умершего. Но медсестра сдвинула плечами:

- У меня такой не значится!

Олег просто вырвал журнал из рук женщины:

- Дайте мне самому посмотреть!

Но в списке не было нужной ему фамилии.

- А вы не знаете, куда забрали умершего?- спросил Олег.

- Нет,- был ответ,- я впервые слышу эту фамилию!

Олег в недоумении пошел через больничный садик к домику, в котором разместилось патологоанатомическое отделение, попросту - морг.

В домике равнодушный служитель в несвежем халате читал потрепанную книгу и не обратил внимания на Олега. В холодном помещении на полках лежало несколько трупов, еще один покоился на каталке. Олег быстро осмотрел умерших, но старого разведчика среди них не было. Тут в комнату ворвался встревоженный служитель:

- Кого вы ищете? И вообще...

Олег объяснил, но ответ был неутешителен.

- Я ничего об этом не знаю,- сказал любитель чтения.- Обратитесь к лечащему врачу. Это на втором этаже, комната семнадцать! А здесь нельзя посторонним!

Вскоре Олег со своим недоумением добрался до главного врача. Тот тоже недоумевающе смотрел на растерянного молодого человека, без стука пришедшего в кабинет:

- Что-то я вас не пойму,- сказал он.- Возможно, это в железнодорожной больнице? У нас такого нет! Да и фамилии такой я не помню! Так что потрудитесь оставить кабинет.

«Вот в чем дело?- у Олега появилась искра надежды.- Ночью умершего забрали в

железнодорожную больницу и здесь о нем толком никто не знает».

Но и в железнодорожной больнице, и в институтской клинике покойного не было. Тогда Олег позвонил Маргарите Ляшко.

- Я сама озадачена: со вчерашнего дня ищу сестру, чтобы договориться о похороне, а ее нигде нет. Как сквозь землю провалилась! Как и вы, искала по больницам, но никто такой фамилии и не слышал! А в одном месте мне даже посоветовали обратиться к психиатру! Приходите ко мне, посоветуемся! Надо же что-то делать!

Маргарита сидела за столом в слезах. Дети ее о чем-то бурно спорили, но при появлении Олега ушли в другую комнату.

- У меня есть знакомый в управлении КГБ,- сказала Маргарита.- Я ему сейчас позвоню, а вы тихонько посидите.

Звонила она через дежурного, обстоятельно рассказав ему, кто она такая и кого разыскивает. Дежурный соединил Маргариту с майором Полонским.

- Добрый день, я ищу свою сестру,- начала Маргарита.- Как это? Но мы же с вами знакомы, вы бывали на Гоголя,49, я же помню как мы там беседовали, шутили... Ах, перестаньте же!..

- Он положил трубку,- растерянно сказала Маргарита Олегу.- Как будто мы не знакомы... Так официален! Руки целовал!

- Нам остается лишь помолиться,- предложил Олег.- Господь подскажет истинный путь, все образуется.

Произнеся слова молитвы, пастор попрощался с Маргаритой и поспешил домой. Там его ждали гости.

Галина привыкла к тому, что пасторские обязанности иногда вынуждали мужа задерживаться, нередко он приходил в непривычное время, но сегодня она была очень встревожена, потому что уже более часа в кухне сидели двое мужчин, сказавших, что им нужно видеть по срочному делу Олега Сименса. Едва Олег вошел, как они встали и сказали, что работают в КГБ и он должен поехать с ними в управление, чтобы ответить на несколько вопросов. Олег попрощался с Галиной и пошел к черной «волге», стоявшей у соседского дома. Водитель, перегнувшись через спинку сидения, открыл заднюю дверку. Мужчины сели по обе стороны от Олега и машина тронулась... Впереди, рядом с водителем, сидел майор Полонский, но Олег не был с ним знаком.

Соседи с любопытством глазели как «забирают» пастора баптистов. Его знали не только соседи. Газеты не раз называли фамилию Сименса в разоблачительных статьях о том, как местные сектанты под руководством Сименса туманят коммунистическое сознание молодежи. Не были тайной в городе воскресные школы, занятия хора, обмен духовной литературой между двумя общинами - легальной и незарегистрированной. Сотрудники КГБ тоже постоянно интересовались этими делами баптистов, но их попытки внедрить своих людей в общины потерпели неудачу. Можно было установить, кто ведет занятия в воскресной школе, но оставались тайной каналы, по которым поступала духовная литература, письма с наставлениями по дальнейшей работе. Оставалась слабая надежда на добровольных доносчиков, а пока газеты особенно смаковали подробности праздника крещения или погребения,

искажая и привирая, лишь бы показать баптистов в темных красках.

Машина мчалась к Суворовскому райисполкому. Все молчали. Покойный жил в Суворовском районе города и Олег понимал, что их маршрут не случаен.

В райисполкоме было пустынно, но в отделе жилищно-коммунального хозяйства сидела озабоченная сотрудница исполкома. Майор представился :

- Полонский. Будьте добры, возникло мнение, что в вашем районе проживал по улице Гоголя некий человек /он назвал фамилию умершего/. Покажите нам домовые книги или другие документы по этому вопросу.

Женщина вышла, прибывшие уселись. Олег тоже сел на стул. Вскоре сотрудница вернулась с толстой книгой:

- Вот здесь у нас вся улица Гоголя, но такого, как вы говорите, нет. Да и не были прописаны в нашем районе такие люди, я посмотрела. Написать вам справку?

Майор Полонский взял справочку и они вышли. В машине он сказал :

- Едем дальше!

Теперь машина направилась к психиатрической лечебнице и Олег встревожился: не хотят ли его вновь заманить в западню? Знает ли об этом Маргарита?

Они пришли в кабинет врача Бабаева и майор сказал Олегу:

- Хочу вас предупредить, что ничего вам здесь не угрожает. В ваших же интересах мы хотим засвидетельствовать, что ваше состояние здоровья не вызывает никаких сомнений, потому что ваши

отдельные заявления в последние дни нас встревожили... Так что будьте благоразумны... Давление, реакция на окружение и так далее. Не заставляйте нас применять силу.

Бабаев предложил Олегу сделать несколько контрольных движений, а потом приступил к обстоятельной беседе.

- Не ли у вас ощущения, что вы живете в каком-то потустороннем мире?

- Как это?- удивился Олег.

- Ну как бы вам объяснить,- врач пожевал губами.- Апостол Павел утверждает, что был перенесен на третье небо. А вы что-нибудь подобное переживали?

- О чем это вы? Я живу на нашей земле с женой и детьми, никуда не переносился.

- Не было ли у вас как у Павла такого ощущения, что он живет в Эфесе, а духом своим пребывает в Коринфе?

- Да как же я мог такое вообразить, когда ни в Коринфе, ни в Эфесе отродясь не бывал,- Олег даже рассмеялся от такого вопроса.

- Молитесь ли вы на разных языках?

- Да, на русском и немецком.

- А пребывали ли в экстазе?

- Нет, доктор, не приходилось.

- А вот скажите, вы прикладывали руку к больному и верили, что исцеляете его?

- По просьбе больного мы молимся всей общиной о его выздоровлении и уменьшении страданий. Но не более того.

- А вот ангелы... Ангелов вы видели?

Олег вздохнул:

- Доктор, Библия говорит, что ангелы суть покорные духи, посланцы Бога, относящиеся к невидимому миру и земными глазами их увидеть нельзя.

Бабаев озадаченно посмотрел на майора и продолжил вопрос:

- Расскажите, как у вас обстоят дела с сексуальностью?

- Что вы имеете ввиду?

- Ну, не было ли влечения к мужчинам? Или там - на стороне?

- Я - человек женатый, семейный,- ответил Олег.

- Да неужто вас никогда не увлекла ни одна женщина, кроме вашей жены?- услышал вдруг Олег женский голос. Он повернулся и обнаружил, что в комнате появилась ассистентка Бабаева. До чего за спектакль они разыгрывают?

- Я восхищаюсь совершенными людьми независимо от их пола,- любезно ответил Олег.- Каждого из нас Господь создал так своеобразно, что вместе мы создаем нечто цельное и удивительное, а каждый в отдельности тоже по своему неповторим. Я восхищаюсь творением Господа. А восхищаться специально женщиной? Почему бы и нет? Но вы имели ввиду совсем другое.

- Верите ли вы, что человеком могут овладеть демоны?-недовольно перебил его Бабаев.

- В Библии говорится об этом. Но мне пока ни один не встретился.

- Как вы думаете, могут ли давно умершие люди являться живым, так как Иисусу и апостолам на горе явились Моисей и Илья?

- Священное Писание повествует об этом, хотя со мной такого не случилось.

- Ваше Священное Писание утверждает, что львы и волки будут есть сено и солому. Неужели и в это вы верите?

- Это говорится лишь о волках в том смысле, что они оставят ягнят в покое. «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их», - так предсказал Исайя. Это предсказание на будущее. Но если я увижу в зоопарке льва, жующего солому, то обязательно сообщу вам. - Олег считал излишним говорить с врачом о Царстве Божием - его все равно здесь не поймут.

- Вы не ответили на мой вопрос, - вдруг придрался к нему Бабаев.

- Что вы хотите услышать? Я верю, что все обещанное Господом исполнится. Бабаев вдруг сменил тему:

- Ваши спутники рассказали мне, что у вас появилась бредовая идея о некоем подполковнике и его супруге. Якобы они проживали в нашем городе. Но вы сами убедились в том, что такие люди никогда не были здесь прописаны. На каком основании вы утверждаете такое?

- А вы спросили об этом по месту работы жены этого офицера? - задал контрвопрос Олег.

- Это не мое дело, - неприязненно ответил Бабаев. - Для таких поисков есть у нас милиция, отделы кадров. Даже КГБ... А мне достаточно справки жилищного отдела. Вы считаете иначе и даже рассказываете, что навещали этих людей в больнице, беседовали

с ними. И часты у вас такие галлюцинации?

- Да какие галлюцинации, доктор? Со мной работает родная сестра женщины, о которой идет речь. Она вам все расскажет о сестре и ее муже.

- Хорошо, я с ней тоже побеседую,- пообещал Бабаев и, обратившись к майору Полонскому, заключил. - Налицо явное нарушение восприятия действительности. Мне такие случаи известны. Больной имеет бредовые представления по многим вопросам. Тяжелый эндогенный, то-есть функциональный психоз. Причины? Возможно нарушение обмена веществ головного мозга, неблагоприятное окружение или же слияние этих факторов. Но в целом всё еще поправимо. Пару недель в нашем стационаре и необходимая коррекция вернет нам полноценного работника.

Надо же! Олег прижал руку к груди, а второй достал из кармана пакетик с таблетками валидола.

- Вот видите, - не без торжества сказал Бабаев.- Так реагирует большинство больных. У человека здоровое сердце, но ему кажется, что он страдает от какой-то воображаемой недостаточности.

Олег закрыл глаза: в груди давило, ему показалось, что он сейчас потеряет сознание. Что сказать этим людям, как защититься? Он чувствовал, что каждое его слово обернется против него. Как жестоки и коварны эти люди! Олег и в своей общине не раз встречался с тем, что верующие использовали в своих интересах его доброту и снисходительность. Но то были свои, а в больнице ему противостояли майор КГБ и врач, явно зависящий от этой службы. Олегу вспомнились вопросы, которые ему задавали старшие братья при посвящении в пасторы: «Готов

ли ты во имя Христа стать посмешищем для людского мира и выдержать их насмешки, издевательства, перенести пытки, голод и жажду, предстать перед собравшимися на площади обнаженным, быть изгоем и душевно больным, но выстоять и не отречься от нашей веры?» Олег тогда ответил утвердительно, но вот сейчас оказалось, что не просто выдержать такое испытание.

Когда Олег создавал на ново свою общину, ему пришлось встретиться с непониманием многих. Пастора обвиняли в том, что он чрезмерно открыт к миру, недуховен... А все из-за того, что он бывал в православной церкви, встречался с верующими евреями, водил молодых братьев в картинную галерею. Олег мог участвовать в беседах о музыке, истории, психологии и философии. Он много читал и хотя в жизни довольствовался скромной профессией, но по запасу энциклопедических знаний не уступал многим выпускникам университетов. В общине это многим не нравилось, потому что здесь традиционно считали, что читать надо лишь Библию, а все остальное - искушение и грех. И вот сейчас диагноз Бабаева мог упрятать Олега надолго в «психушку». Он знал, что за решеткой могли держать человека до конца его жизни, а сам конец был бы значительно ускорен.

Олег на исповедях встречался с проявлениями болезней, которые очень напоминали шизофренические или маниакально-депрессивные состояния.

Депрессии, хронический алкоголизм, повышенные дозы кортизона вызывали тяжелые последствия. Ему самому пытались приписать наследственно обусловленные изменения, когда он отказался служить в армии. Ему пытались приписать наследственный

психоз, но выручила случайность. С ним долго и обстоятельно беседовал военный медик высокого ранга - парня надо было отдавать, если не в «психушку», то под суд - и оценив его эрудицию, просто пожалел упрямца: Олега неожиданно освободили от военной службы.

Но сейчас ситуация была критической. После услышанного от Бабаева он не имел шансов на спасение. Да и майор Полонский возит его по городу не из праздного любопытства, не для того, чтобы помочь ему. Что делать?

И вдруг Олег вспомнил, что в бумажнике у него лежит небольшая фотография супругов, которых якобы не было. Олег полез в карман и обнаружил, что при нем есть еще один снимок, на котором он был запечатлен с хозяином дачи на Иртыше. Сзади был виден остров с домиком-дачей. Олег протянул обе фотографии Бабаеву:

- Обратите внимание: это не мираж, а именно те люди, которых по вашему никогда не было в нашем городе! Здесь мы вместе на Иртыше ...

Бабаев прищурил глаза, разглядывая снимок, а потом молча протянул его майору Полонскому. Сопровождавшие Олега мужчины из КГБ тоже не без любопытства взглянули на снимок через плечо своего начальника. Полонский велел им выйти из комнаты вместе с задержанным.

Довольно долго Олег ждал решения своей участи. Ожидание затягивалось и он терял надежду отделаться испугом. Что-то они затевают... Уж лучше бы посадили в лагерь, тогда была бы надежда, что Галина со старшим пресвитером начнут ходатайствовать о его освобождении. А из психиатрической лечебницы, знал

Олег, выхода нет. Здесь навеки пропадали без следа не только за веру, но и за политические убеждения. Пожалуй, диссидентов здесь было больше, чем верующих...

Наконец появился майор Полонский и велел Олегу идти за ним к машине. Они опять сели в черный лимузин. Олег напряженно следил за дорогой, пытаясь угадать следующую остановку. Вот с улицы Дзержинского они свернули на Ломоносова, поехали влево на проспект Суворова... Теперь можно ехать по улице Пушкина к тюрьме, а можно свернуть и в его переулок. Еще никогда проспект Суворова не казался Олегу таким длинным - сердце стучало от волнения как барабан. «Никогда глубже, чем в руке Бога» - подумал он и у светофора начал молиться, закрыв глаза. Водитель на остановке смотрел на него в зеркало, но Олег не заметил любопытствующего взгляда. Машина тронулась и вскоре остановилась.

- Выходите! - раздался голос майора.

Олег не верил своим глазам: они стояли в нескольких шагах от его дома. Что теперь? Обыск?

- Идите же! - подсказал ему один из молчаливых сопровождающих. Олег сделал усилие над собой, успокоился и вежливо попрощался. Ему ответили. Он сделал эти несколько шагов, переживая чувство благодарности к Богу.

15 января 1972 года

МАРГАРИТА НА СВАДЬБЕ МУЖА

Вскоре после необычайных событий Олег узнал, что и Маргарита Ляшко подверглась обследованию в лечебнице. С ответственной должности в строительном управлении ее немедленно уволили, но она не отчаялась, дозволенный законом месяц просидела дома, а потом нашла место геодезиста в какой-то строительной конторе. Приняли ее по протекции бывшего мужа, а также потому что не было желающих мотаться с теодолитом по стройплощадкам за каких-то восемьдесят рублей в месяц.

Бывший муж Борис работал в горкоме партии, имел вес и мог замолвить словечко за Маргариту, но при одном условии: она все же должна согласиться на развод. Маргарита немного покапризничала и согласилась, потому что уже и сама хотела покончить с затянувшейся историей неудачного замужества. Борис мог бы развестись и без ее согласия после обращения бывшей жены в христианство - брак по идеологическим соображениям не имел будущего! Но Борис не хотел пользоваться этим приемом хотя бы потому, что в свое время любил Маргариту и сейчас был дружески к ней расположен, просто уважал красивую, энергичную, деловитую женщину.

Уладив вопрос своего гражданского состояния, Борис не стал медлить с женитьбой и вскоре пригласил Маргариту на свадьбу. Возможно, это был всего лишь жест вежливости, но Маргарита охотно согласилась и пообещала прийти с детьми. Борис одобрил ее намерение - нечего детям сидеть дома

без мамы! Понимая некоторую пикантность положения бывшей жены на свадьбе мужа, он считал, что дети послужат поводом для быстрого ухода.

Гости были преимущественно именитые - городская элита, партийные работники, руководители коллективов, офицеры в штатском, несколько заслуженных артистов и даже местный писатель, много лет сочиняющий с благословения властей книгу об участии жителей города в Великой Отечественной войне. Появление Маргариты, да еще с детьми, поначалу многих шокировало, особенно высокопоставленных жен. Маргарита была чудо как хороша и солидные мужчины не имели ничего против ее участия в торжестве, тем более что КГБ процесс не возбудил и красавица отделалась легким испугом, то-есть общение с ней было безопасным для служебной репутации. Но бывшая свекровь довольно внятно пробормотала: «Какая наглость - не только сама явилась, да еще свой выводок привела! Кого интересуется ее прошлое?» Мог бы возникнуть скандал, но невеста умело разрядила напряжение:

- Какой милый у вас мальш! - воскликнула она, прижимая мальчика к груди. - Надеюсь, что и мне достанется такое чудо!

Все рассмеялись рискованной остроте, высказанной с очаровательной наивностью. Борис деланно смутился и подмигнул невесте, а Алена - так ее звали - уже обнимала Маргариту:

- Как я рада вашему приходу! - воскликнула она для всех, а потом сказала, приглушив голос: - Я очень тебе благодарна за то, что ты освободила Бориса. Вас ведь уже ничего не связывало. Особенно после того, как ты ушла к баптистам... Он ведь и

слышать не хочет о религии. К тому же, его тревожило, что два твоих мужа умерли при тебе...

Маргарита оценила тонкий укол и ответила с такой же доброжелательностью:

- Он не верит в Христа, но зато очень суеверен, а суеверие - как болезнь от которой не излечит и психиатр,- и она подмигнула Борису. Тот взял свою новую жену под руку и примиряюще произнес:

- Не будем здесь играть домашний спектакль, нас ждут другие гости!

- А меня?.. - раздался вдруг голос его маленького сына.- Разве ты к нам больше никогда не придешь?

Борис пообещал:

- Конечно,приду! А еще лучше, если ты будешь навещать меня и Алену! Мы обязательно с тобой договоримся, а сейчас давай праздновать - сладости на столе!

По знаку жениха два аккордеониста заиграли марш, служивший сигналом к началу пиршества. Все устремились к столам, оценивая сервировку и предвкушая наслаждение - на блюдах было собрано все, чем мог порадовать ответработников закрытый буфет-магазин, расположившийся в подвальном помещении партийного комитета. Стояли также заморские вина, югославский виньяк и кубинский ром, а по центру - польская водка, поставляемая специально на случай приезда иностранных гостей. Среди холодных закусок царствовали краснохвостые раки, тоже привезенные по заказу жениха для угождения местным любителям деликатесов. Был и тамада, хорошо знающий как пощекотать тщеславие каждого гостя.

Еще за столом Маргарита прошла взглядом

по лицам и обнаружила среди гостей и Полонского, и Бабаева... Это ее неожиданно развеселило. За столом сидела и белокурая секретарша из приемной Бориса. « Без проделок он не может,- усмехнулась Маргарита.- Уж не у меня ли он этому научился?»

Между тем дети Маргариты не теряли времени зря и тащили в свои тарелки всё, к чему только могли дотянуться.

- Не жадничайте,- тихонько предостерегла их мать.- Надо оставить и для остальных гостей хоть немного жаркого, а самим подумать о предстоящем десерте - еще ведь сладкое будет!

- Ты себе этого не позволяй! - вдруг заявил старший.

- Я не поняла...

- Не позволяй себе нас опекать за столом, где все сидят - мы не хуже.

Маргарита погрозила ему пальцем, а сама вновь усмехнулась: остальные и впрямь были не хуже и тащили деликатесы с блюд в свои тарелки, как будто соревнуясь в обжорстве. А дети проявляют самостоятельность - это хорошо! Ведь за малым делом стало - чуть не упекли ее в дурдом. Тогда и детям досталось бы от жизни... Пусть хоть чувством собственного достоинства будут богаты!

Вскоре стол опустел, готовилась смена сервировки и гости под музыку аккордеонов потянулись в соседнюю комнату, приготовленную для танцев. К Маргарите неожиданно подошел Бабаев:

- Если не ошибаюсь, Ляшко?- спросил он.- Разрешите?

- Пожалуйста! - согласилась она на танец. И сразу же добавила: - Что-то вы сегодня, профессор,

рассеяны. Или у вас принято забывать свои жертвы?

Бабаев пропустил колкость мимо ушей и примирительно заметил:

- Если бы вы сказали, что были супругой такого замечательного человека как наш сегодняшний жених, я думаю, мы нашли бы общий язык с первой минуты!

- Если бы я не руководствовалась в жизни христианскими правилами

терпимости и любви к ближнему, то сказала бы вам, как вы мне неприятны... Но что я могу сказать вам теперь?

Бабаев сделал вид, что не принимает сказанного всерьез:

- Скажите мне, что вы меня любите так же сильно, как Бог возлюбил мир. Ведь так говорится в Библии? Я помню - это Евангелие от Иоанна, глава третья, стих 16-й, не так ли? Придете домой, проверьте!

Музыка закончилась и танцующая пара вернулась на свое место. Старший сын Маргариты покосился на Бабаева и сказал:

- Если бы маму забрали в «психушку», мы бы с вами разделались!

- Не смей так говорить! - возмутилась Маргарита. Тогда дети поднялись:

- Мы уходим!

Старший сын на полпути к выходу сказал:

- Ты, мама, о нас не тревожься, мы сами найдем дорогу домой.

Борис заметил, что его юные гости уходят, и поспешил к ним, держа Алену за руку:

- Куда же вы? Что-нибудь случилось?

И младший сын, дитя Бориса, сказал отцу:

- Этот дядя воняет как подвальная крыса!

Борис не рассердился, даже рассмеялся и поднял малыша на руках:

- Я вижу, яблоко от яблоньки недалеко падает! Не спешите, я попрошу отвезти вас домой. Вам все равно уже пора... А мама пусть еще останется с нами. Ладно?

Младший брат Бориса - Сергей - как раз успокаивал маму, возмущившуюся «выходкой» Маргариты.

- Я знаю, знаю,- говорил он,- ты всегда была против невестки. Но если

Борис предложил ей остаться, она должна остаться. В конце концов, сегодня он хозяин бала. Прости, я скоро вернусь...

И Сергей забрал детей, чтобы отвезти их домой. Предвидя по опыту такие случаи, он сегодня не особенно прикладывался к рюмке... А гости тем временем не скучали у стола. Одних увлекли воспоминания, других - привычный флирт. Майор Полонский тоже был в своей тарелке и как раз пытался откупорить вторую бутылку водки. Сняв колпачок, он поднял бутылку над головой и воскликнул:

- Эликсир храбрости! Кто со мной?!

Наклонив бутылку, он попытался наполнить неосушенный фужер и пролил содержимое на паркет. Сосед приподнял ноги и закричал:

- Не так расточительно, майор! Не лейте в полный стакан!!!

Полонский пробормотал:

- Вот проклятье: полный до края, а не говорит! Ну-ка вперед, в горло!

В следующее мгновение он грохнулся наземь, потому что танцующая пара поскользнулась на пролитой им жидкости и упала, сбив его. Гости громко смеялись над тремя неудачниками, помогая им встать. Праздник был в разгаре!

Маргарита еще совсем недавно считала бы вечер очень удачным и резвилась бы от души, но теперь она все происходящее сверяла с установками Библии и считала, что понимает отрицание алкоголя евангелистами. Разве же не интереснее допытывать Бабаева забавными вопросами? Вскоре вернулся Сергей и на ухо сообщил Маргарите, что ее дети в безопасности. Она сразу почувствовала себя лучше и поискала взглядом Бабаева в толпе подвыпивших гостей. Он был на месте и готов к дискуссии. Профессор относился к школе, различающей интеллектуальные и физические психологические проявления. Маргарита подошла к нему. Оба быстро преодолели некоторое смущение, вызванное недавней сценой. Маргарита спросила:

- Так как же примирить телепатию и материализм?

Профессор обрадовался подсказке:

- О, это очень интересно! Несомненно существует восприятие душевных процессов в других людях без участия органов чувств, так называемая телепатия, многие имеют представление о пространственно удаленных событиях, предсказывают будущее... А еще физические феномены - телекинез и психокинез... Есть над чем подумать! Вы представляете себе как можно передвигать предметы, оказывать другое воздействие на физический мир с помощью непонятных,

сверхестественных сил? Какие возможности для внешней разведки!

Маргарита не подала виду, что знала от общих знакомых о попытках

Бабаева заинтересовать Главное разведывательное управление возможностью телепатического проникновения в «кухню» ЦРУ. Конечно, его интересовало не столько развитие науки, сколько щедрое вознаграждение на всю оставшуюся жизнь. Но и звание лауреата Государственной премии не помешало бы.

- И все же вы не ответили!- настаивала Маргарита.- Я спросила о соотношении этих явлений с материализмом. Ведь товарищ Бабаев не только сам изучает, но и преподает студентам коомунистические доктрины, ставшие монопольными после Великого Октября!

Бабаев несколько оторопел и подозрительно посмотрел на Маргариту. Но она благодушно улыбалась и он решил, что его собеседница по-женски наивна и несколько прямолинейна. Просто ей очень хотелось услышать от известного психиатра нечто новенькое, чтобы потом похвалиться беседой с ним в кругу друзей. Он начал рассказывать:

- У меня часто бывают видения и я тогда знаю, чем заняты другие люди. И если я думаю о будущем какого-либо человека, то часто перед моим

мысленным взором проходят его будущие переживания. Это ведь тоже относится к области парапсихологии.

- Итак, вы считаете, что между землей и небом существует некая связь и даже готовы отрицать все школьные премудрости на темы материализма...

Доктор, вы незаурядный человек... Как же случилось, что вы засадили в «психушку» другого незаурядного человека, православного аскета Павлова лишь за то, что он в нашем городе осмелился сказать о закате советской империи? Возможно, он увидел то, что другим пока недоступно? Даже поэт сказал: ничто не вечно под Луной!

- Как вы нашу лечебницу называете... Психушка... Жаргон, извините... А с Павловым все гораздо проще: никакого ясновидения не было у него и не будет! Просто фанатик, которого ловко использует кто-то для антисоветской пропаганды. Наши специалисты хорошо владеют методикой, позволяющей отличать болезнь и экстраординарные восприятия. А что касается заката: не мы ли запускаем космические корабли, не мы ли имеем сильную армию, не мы ли добились такого единства партии и народа, что теперь нашему обществу посильны любые задачи. Конечно, это раздражает недругов и они ищут в нашей среде таких как Павлов. Их называют агентами влияния. Но мы увлеклись теоретическими рассуждениями, а свадьба идет своим чередом. Не вернуться ли нам к столу?

И Бабаев, не ожидая согласия спутницы, направился к майору Полонскому, который уже вновь открывал бутылку, радостно улыбаясь выпивке.

Маргарита поежилась от самодовольства и банальности Бабаева и подумала, что ей пора уже прощаться. Она поискала глазами молодоженов. Борис занимал большую квартиру, соответствующую его рангу руководителя. Но мебель была лишь в спальне, а остальные комнаты освободили для свадьбы. В гостиной стояли накрытые столы, в центре было

немного места для поздравления и танцев. Значительно просторнее было в третьей комнате и аккордеонисты тоже устроились там. Молодожены беседовали с группой гостей и Маргарита направилась к ним.

- Я вижу, ты собралась домой?- угадал ее намерения Борис.

- Да, уже пора. В ближайшие дни сюда привезут из магазина мой свадебный подарок.

- Даже так? - удивленно поднял брови Борис. Алена не утерпела:

- И что же это?

- Я знаю, что вы любите музицировать. Теперь вы сможете играть в четыре руки!

- Пианино? Королевский подарок! - еще больше удивился Борис. А его жена бросилась на шею Маргарите, вызвав изумление гостей в дальнем конце танцевальной комнаты.

- Это не все,- сказала Маргарита.- Этот пакет откройте, пожалуйста,завтра утром, когда сядете за стол.

Борис был смущен и обескуражен:

- Не ожидал такого отношения. Хотя надеялся, что мы останемся друзьями. Рядом с тобой я просто пигмей...

- Мы останемся друзьями, нам нечего делить... Но это будет настоящая дружба, без каких-либо воспоминаний о прошлом... Не так ли?

Борис смущенно развел руками:

- Конечно, дорогая. Так и будет. У нас уже нет трезвых мужчин и я сейчас вызову для тебя такси. Позвони нам, когда приедешь, чтобы мы знали,как ты добралась... Привет ребятам ! Им приготовят сладкий гостинец.

Маргарита ушла, немного досадуя на себя за то, что так ничего и не узнала о сестре. Но Полонский был недоступен в тумане алкоголя, Борис на ее намек ответил, что с сестрой все в порядке... Вот и все! Оставалось лишь ждать.

20 декабря 1980 года **В ВАКУУМЕ ЗАСТОЙНОГО** **ВРЕМЕНИ**

В воскресенье Галина, жена пастора Олега Сименса, после богослужения собрала нескольких женщин, чтобы поговорить о проведении так называемого женского часа, то-есть специальной проповеди для женщин. Кто должен ее провести? Не поручить ли сестрам подготовить свои маленькие сообщения - рефераты? Тут к Галине подошла женщина, подала ей узелок и ускользнула. Галина была несколько смущена непонятым подношением и положила узел в угол, а потом унесла в сарай, чтобы рассмотреть без свидетелей содержимое пакета.

В свертке лежали старая офицерская ушанка, погоны и гимнастерка...Галина поискала и нашла записку, объясняющую подарок. В ней значилось:

«Я рано лишилась отца. Он отдал жизнь за коммунистические идеалы, за счастье простых людей. Это всё, что от него осталось. А вот наш пастор говорит об идеалах, а сам не довольствуется платой за свою работу в общине, а посылает несовершеннолетнюю дочь работать, чтобы иметь побольше денег. В общине об этом никто не знает - нас просто обманывают !».

Когда Олег вернулся домой, то заметил, что дверь в сарай закрыта неплотно. Он заглянул внутрь и увидел Галину, плачущую над листком бумаги. С ней рядом стояла дочь Елена, пытаясь успокоить мать. Олег отослал Елену в дом, а сам взял у жены записку. Прочитал, сел рядом, прижал Галину к себе

и погладил по голове. Ну что сказать ей? Позади нелегкий путь. В 28 лет он стал пастором и вот уже 18 лет добросовестно служил людям. За это служение он долго не получал никакого вознаграждения. Поездки по делам церкви он оплачивал из семейного бюджета и никогда не говорил об этом братскому совету. А семья росла и на ее содержание приходилось зарабатывать не только основной работой, но и сверхурочными приработками. Так было и при ремонте дома по улице Гоголя... При этом Олег сам себе установил правило - 15 процентов всех доходов жертвовать на дела общины. За городом у них был клочок земли, дававший семье овощи, а в сарае - кролики. По состоянию здоровья Олег мог пройти освидетельствование и получить инвалидность, но он хорошо понимал, что пенсии инвалида им просто не хватит.

А тут еще одна беда надвинулась. Свой дом Сименсы построили сами из кирпича-сырца. Они изготовили 20-килограммовые блоки из глины, соломы и конского навоза, подсушили их и сложили стены. За годы жизни в этом доме кирпичи просохли и дом был теплым, уютным. Жить бы и радоваться. Но горисполком сообщил, что в этом месте планируется возведение высотного жилого здания и дом будет снесен с выплатой компенсации. Сумма же возмещения была настолько малой, что ее даже на строительные материалы для нового дома не хватило бы. Как же строить? Олег имел немало забот с расширением молитвенного дома. Проект его был разработан братским советом и получил одобрение властей. Этому способствовали в свое время связи Маргариты Ляшко. Но вот с деньгами было худо. Поступления

уменьшились после того, как пастор не согласился с предложением лучше зарабатывающих членов братского совета установить для них льготы при голосовании. Как быть?

Как и было договорено, Олег не терял связей с незарегистрированными баптистами. Они обучали руководителей воскресных школ и молодежных кружков, вели работу с детьми. Два раза в год верующие из обеих общин собирались, чтобы обменяться стихами, молитвами. Особенно радовала Олега хорошо налаженная работа с детьми, а их ведь было в двух общинах около шестисот! В тайных библейских классах детей знакомили со Священным

Писанием. Отдельные молодые люди, занимаясь с детьми, отваживались высказывать критические суждения о пионерской и комсомольской организациях, об октябрятах. Это было опасно, потому что дети могли проболтаться в школе или среди ровесников и тогда такому «учителю» грозило лишение свободы лет на пять и не меньше.

Олег и сам проводил занятия с подростками. Среди них была и его дочь - «пионерка». Пастор цитировал труды коммунистических классиков, которые утверждали, что христианская религия есть ложь, насаждаемая в среде рабочих эксплуататорами, чтобы легче было обманывать своих работников. Где же в Библии восхваляются крупные помещики и другие «работодатели»? - спрашивал пастор. Ведь Иисус Христос сам сказал, что богатому будет трудно попасть в рай. «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»/Мт 6:21/. Богатство ведет человека к отчуждению Бога. Яков, брат Господа, писал о том, что богатые пренебрегают своей возможностью

помочь бедным и даже используют свое богатство для подкупа судей. Поэтому он призывал богатых покаяться!

Как же мог идеолог большевизма Владимир Ленин утверждать, что христианство защищает богатых? Ведь на самом деле все наоборот! Господь хочет, говорил Олег, чтобы люди узнали правду и спаслись! Господь говорит не о бедах, а о счастье для все людей - и богатых, и бедных. А Ленин проповедовал ненависть и борьбу - кровавую и бескровную, военную и хозяйственную, административную и педагогическую, жестокую борьбу против инакомыслящих, а также против всех, кто не вписывался в его концепцию пролетариата, прежде всего против интеллигенции. К «силам старого строя» он относил также и тех, кто верил в Иисуса Христа и призывал к беспощадной расправе со священнослужителями и всеми верующими. Жестокие страдания обрушились на иерархов церкви, на весь народ. По наущению властей дети восстали против верующих родителей! И это большевики называли строительством коммунизма, воспитанием нового человека. Новый человек рос жестоким варваром, не имеющим ничего святого в душе, разрушающим ценности, созданные поколениями предков. Он терял способность творчески трудиться, созидать в мире и любви. Его толкали к новым территориальным завоеваниям, объясняя их необходимостью защиты от капиталистического окружения. Это не было освобождением! Это была бессмысленная борьба, потому что только Бог освобождает от жажды к обогащению любой ценой, освобождает и от материалистических иллюзий.

Олег знал, что его проповеди рискованны и

могут навлечь репрессии, но не мог больше молчать, не мог соглашаться с тем, что молодых людей ведут в дебри неверия, варварства, учат ненависти и жестокости. Он говорил об опасности демонических связей, рассказывал о деятельности местных оккультных врачевателей и проповедников, среди которых был, говорил Олег, один лично известный ему профессор- психиатр. Пастор словом своим пробуждал людей, хотя был против дела, то-есть не одобрял демонстраций, пикетов и других проявлений гражданского неповиновения, к которым прибегали христиане и в Москве, и в других городах страны. Он не подписывал петиций к властям с просьбами об освобождении верующих.

С приходом Олега Сименса в зарегистрированную общину на ее собраниях появилось не только дуновение свежей мысли, но и немало нового в

Богослужении. Он стремился сделать его праздником для всех присутствующих в Доме молитв. Такой торжественности, праздничности, по его мнению, не отвечал обычай совместной громкой молитвы. «Возможно, Господь и услышит такую молитву,- говорил пастор,- но мы даже не можем подтвердить ее своим согласием, не можем сказать - АМИНЬ ! - потому что просто не слышим друг друга в общем бормотании. Пусть по знаку пастора один произносит слова молитвы, а братья и сестры тихо пред Господом подхватывают сказанное и завершают своим «аминь». Молодежи такой порядок понравился, среди старших было некоторое неудовольствие, но в целом стали именно так и поступать. Олег заметил, что при такой молитве к ним стало приходиться всё больше новых людей, потому что им стали понятнее служения,

а прежнее хоровое моление некоторых смущало, казалось неуместным.

С легкой руки Олега в Доме молитвы зазвучала тихая, приятная музыка и сами верующие, особенно из молодых, охотно исполняли ее. Но и люди постарше не чурались музицирования, а один из братьев приобрел где-то на юге диковинный для многих инструмент - цитру, сам научился играть и охотно в церкви устраивал небольшие концерты. Из молодых музыкантов сложился ансамбль, из поющих - хор, а позже появилось и детское хоровое пение. Сами верующие писали для хора песни, сочиняли музыку. Один из братьев готовил маленькие сценки, представлявшие победу Слова Божьего над произволом атеизма. Их исполняли молодые братья и сестры.

Новшеством стали также рассказы верующих о личном опыте обращения и общения с Господом. Их слушали с большим волнением и сочувствием. Для многих именно такие рассказы-исповеди стали решающим аргументом в их обращении к Богу.

Именно в те дни состоялась встреча майора Полонского с уполномоченным местного Совета депутатов трудящихся по делам церкви. Все таки дождался уполномоченный жалобы из общины! Не выдержали старики, восстали против новшеств своего пастора. Они жаловались властям на то, что пастор Сименс, судя по всему, стремится оторвать их общину от Всесоюзного совета и перейти в лагерь незарегистрированных баптистов. Они писали, что пастор нарушает традиции баптизма! Пастор благоволил лишь к молодежи и при ее участии превратил богослужения в какой-то христианский театр. Они просили призвать пастора Олега Сименса к порядку.

- Как бы там ни было, а верующие именно у коммунистов ищут порядка! Это ли не свидетельство силы нашего строя?- подметил майор.

- Пусть так,- согласился с ним уполномоченный,- но как мне быть с пастором? Пока что он ничего такого не сотворил, чтобы мы его снимали а в общине у него много сторонников...

- А вы не торопитесь,- успокоил его майор Полонский.- Овечки сами со своим пастором расправятся. Они просто съедят его! Это наша тактика. Сейчас уже невыгодно убирать его в лечебницу - узнают на Западе, поднимут шум. Теракты тоже огошили в архив. А вот неудовольствие собратьев - великая сила. Пусть верующие дерутся - мы понаблюдаем, подождем... Вы же знаете Петухова?

Уполномоченный знал Петухова, предшественника Сименса на посту руководителя общины. Ему уже было за 75 и старик особенно негодовал по поводу новаций своего преемника.

- Надо эти негодования сделать общим достоянием. Нечего Петухову дома высказываться, перед женой выставляться. Пусть всем скажет, пусть разоблачит пастора. Но один пусть не суется, можно испортить дело. Надо чтобы старика сразу же поддержали другие, даже небольшая группа.

... И Петухов сказал. Он не стал выступать на собрании, а после служения попросил дьяконов общины остаться в церкви. Среди исполнявших эту обязанность были и женщины. Они как по команде посмотрели на своего пастора, но Олег лишь махнул рукой, попрощался с присутствующими и ушел. Оставшиеся с лобопытством ждали, что же собирается им сказать бывший пастор. Он вышел к кафедре,

поставил себе стул, торжественно уселся и начал:

- У меня сердце останавливается, когда я наблюдаю за службой Олега. Он упразднил все молитвы и теперь разыгрывает вместо служения спектакль! Поэтому я хочу посоветоваться с вами о нашем пасторе.

- А с ним вы уже говорили?- спросила одна из женщин.

- Поверьте, это не имеет смысла,- возразил ей Петухов.- Он неисправим. Единственный путь - отстранить Сименса от службы. Пусть возвращается к своим нелегалам!

- Почему бы вам не поговорить об этом со старейшинами,- не унималась женщина.

- С ними я уже говорил,- безнадежно махнул рукой Петухов.- Они все готовы пресмыкаться перед пастором. Мол, община растет, молодым интересно.

- Брат, с меня достаточно,- заявила вдруг одна из дьяконисс.- Когда грешник исповедуется, ангелы на небесах радуются. У нас каждую неделю всё новые люди обращаются к Господу, а мы вместо того, чтобы радоваться, будем затевать заговоры против пастора - орудия Бога? Извините, я уйду домой.

И она решительно направилась к выходу. За ней потянулись остальные. В молитвенном доме остался лишь Петухов. Он опустился на колени и горько заплакал. Старик искренне верил в то, что говорил дьякониссам, а ранее братскому совету. Он опирался также на мнение уполномоченного по делам церкви. Традиции составляли основной закон его жизни и Петухов считал, что с нарушением их рухнет

церковь. Он долго молился и ушел домой потрясенный непониманием его тревоги.

В понедельник со стариком случился сердечный приступ и его не стало. На столе нашли недописанное письмо: «Сорок лет служил я общине, нашему Господу,- писал Петухов.- Поэтому мне дано правдиво оценить все те дела, о которых знают в общине. Речь идет о так называемой стратегии роста... Пастор Сименс отошел от основ Священного писания, он покоряет людей, но не Словом Божьим, а инсценированной...» Тут письмо обрывалось.

Хоронили старика всей общиной, как водится. Говоря прощальную речь, пастор не утаил, что у него были разногласия с умершим предшественником.

- Но жить можно на свете только на основе прощения Господнего, а мы друг другу уже все простили,- сказал он.

На самом деле Олег очень расстроился из-за случившегося и сейчас ощущал столь глубокую печаль, что молча спрашивал у покойного: «Почему только ты меня не признавал?» Важнейшим качеством Олега было его миролюбие. Он никогда не таил обиды на ближнего, ждал от людей только хорошего и от этого часто страдал. Все знали, что Олег немедленно прощал любого обидчика и был готов полностью ему верить.

Не стало Петухова, но в общине были и другие противники новшеств, поэтому Олегу и далее приходилось выслушивать упреки. Его называли еретиком с гуманистическими наклонностями. Раздраженный придирками, Олег все чаще становился саркастичным, а это не способствовало гармонии его собственного духа. Случались и другие разногласия.

Так, Олег и слышать не хотел о наследственном грехе и когда с ним начинали об этом говорить, он возражал:

- Если наследственный грех передается от отца к детям, то не проще ли нам отказаться от отцовства, не иметь детей и грех в мире исчезнет?

Учение о наследственности греха, считал Олег, предопределило несомненную ущербность христиан в их интимной жизни. Ведь мужчина рассматривался как носитель такого греха и его следовало всячески избегать. «Какая небиблейская и недостойная человека догма,- удивлялся Олег.- Теперь я в каждом должен видеть рассадник первородного греха? Но ведь не только мужчины, а буквально все люди нуждаются в спасении».

Пастор Сименс безоговорочно прощал всех кающихся. А вскоре после покаяния каждому новичку находил место в общине, соответствующее его возможностям. Такая позиция тоже не всем нравилась. Некоторые считали, что полная открытость может повредить и общине, и пастору.

В это время произошло событие, всколыхнувшее всех. Тихон и его сторонники заявили о своем желании войти в зарегистрированную общину. Олег сразу же сообразил, что за этим намерением кроются планы жены Тихона, у которой он был безвольным исполнителем. Лидия умело через Тихона высказывала свои намерения и часто добивалась их реализации, оставаясь в тени. Многие считали, что лучше бы самой Лидии становиться во главе общины - это было бы честно перед людьми и Богом. Очень многие мужья не в состоянии сами составить мнение по тому или иному вопросу, поэтому они опираются на мнение жен.

«Женщина в общине должна молчать» - это односторонне утвердившееся правило дискриминировало женщин. Их считали как бы детьми, несовершеннолетними, которым надо всё объяснять, а с мнением их соглашаться, но не принимать его всерьез. В таком положении женщины стали искать выход своей инициативе. Одни использовали мужей для реализации своих замыслов, другие вообще прибегали к скрытым, партизанским маневрам, настраивая общину соответственно своим намерениям. На самом же деле первопричиной была откровенно неверная трактовка положения женщины: подчинение ее мужу должно было означать не полное лишение собственной воли, а лишь передачу ему инициативы в действиях, основанных на обоюдном принятом решении.

Как и следовало ожидать, зарегистрированная община охотно приняла Тихона в свой круг, он вскоре был избран в братский совет. Не сразу, но он всё же рассказал Олегу об одном адвентисте-реформаторе и его сыне, имевшим определенное влияние на его семью.

Знакомство было случайным и не предполагало продолжения связи. Но так уж повелось, что Лидия привыкла сравнивать мужчин с Тихоном и если сравнение выпадало не в его пользу /а такое случалось часто/, она находила такого человека великолепным и стремилась к тесному общению с ним. Она начинала вновь и вновь стыдиться Тихона, не давала ему открыть рот в беседе... А тут еще разница в возрасте была против Тихона.

Одним словом, Лидия по субботам начала ходить к адвентистам, увлеченно слушая выступления

молодого проповедника. Она считала, что по знанию Библии он превзошел всех в баптистской общине.

Олег и остальные баптисты знали о влечении Лидии к сильным мужчинам, даже если эта сила проявлялась лишь в эрудиции. Когда-то в 60-е годы она под таким влиянием ушла в так называемую «троицкую» общину, чтобы принять «лучшее учение». Кто знает, как бы сложилась ее судьба, если бы в этой общине не появилась женщина, которая на основе своего видения призывала всех раздать свое имущество, оставить работу и всем идти на высокую гору с целью встречи Иисуса Христа.

Лидия сразу протрезвела. Во-первых, ей страшно не понравилось, что инициативу в общине перехватила женщина, сразу возвысившаяся благодаря своему видению. Во-вторых, она пожалела своих маленьких детей, которым было непосильно столь рискованное мероприятие. Лидия не стала никого переубеждать, а просто вернулась к родным ей баптистам. Тихон опасался, что новое увлечение жены может увести ее к адвентистам...

Олег с сожалением и тревогой отмечал, что появление Лидии и Тихона в его общине возрождает прежнее смятение. Однажды Тихон после

Богослужения попросил у Олега разрешения обратиться к общине.

- И что ты хотел бы сообщить нам? - поинтересовался пастор.

- Вопрос очень серьезный. Не буду скрывать, что меня беспокоит ваше заблуждение: вы рискуете попасть в геену огненную из-за постоянного нарушения заповеди о дне праздном. Не смогут унаследовать вечную жизнь те, кто не соблюдает день субботний.

- Брат Тихон, не смущай братьев и сестер своими предположениями,- ответил ему Олег и открыл Послание к Римлянам.- Читаю тебе пятый стих четырнадцатой главы: «Иной отличает день ото дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума». Стоит ли ставить вопрос спасения в зависимость от субботнего дня? Мы, христиане соблюдаем воскресение.

Тихон не стал настаивать, но не удовлетворился ответом. В другой раз он пришел в братский совет с вопросом:

- Где у человека находится душа?

Все были обескуражены этим неожиданным вопросом, но попытались ответить.

- Если считать душой весь комплекс наших жизнеощущений, то такое место определить нельзя, потому что речь идет о всей личности.

- Душа и тело неразрывны,- заметил второй.

- Да-да, об этом сказано в Книге Царств, глава 19, стих 5-й,- поддержал его третий и открыл Библию: - «Он подвергал опасности душу свою, чтобы поразить филистимлянина».

- Надо различать душу и тело, но рассматривать их в единстве,- было и такое мнение. - Человеческий дух есть управление мышлением и выбором решения, душа - это сила, поддерживающая жизнь и чувства, а тело - место земной жизни души. Эта троица образует единое целое.

- Вы все заблуждаетесь,- заявил Тихон.- Душа человека находится в его крови, ибо сказано в Книге Моисея: «... кровь есть душа; не ешь души вместе с мясом». Душа перестает жить в человеке, когда останавливается кровобращение.

Олег был вынужден вмешаться в спор, который мог стать бесконечным. Он похвалил Тихона за попытку осмысленно читать Библию и предложил отложить спор, потому что братскому совету предстоит решать важные практические вопросы. Вообще-то он видел: братьям не столь важно, где именно находится душа, они просто не знали как избавиться от назойливого Тихона.

Пастор Сименс верил, что благотворное влияние общины коснется Тихона и его жены, изменит их к лучшему. Он не замечал, что среди верующих растет влияние этой супружеской пары. Всё чаще к нему подходили братья и сестры с невинными вопросами о значении субботы и необходимости соблюдения ее как праздника, расспрашивали об иудейских законах чистоты, установленных Моисеем, советовались, можно ли есть свинину. И когда Лидия пригласила к себе группу молодежи, Олег тоже не придавал этому особого значения: в этой группе были и ее собственные дети. Он и не подозревал, что на самом деле в доме Лидии с молодыми баптистами встречается адвентистский проповедник и настраивает их против пастора. Вскоре молодые верующие стали открыто роптать и упрекать Олега в том, что он якобы скрывает от них важные библейские истины. Раздавались голоса, что общине нужен иной пастор.

И терпению Олега пришел конец. На заседании братского совета он сказал, что за годы его служения община утроилась, а теперь вновь начинается раскол и скоро братья начнут друг другу отказывать в любви и прощении. Он предложил удалить Тихона и его жену из общины.

Братский совет с ним не согласился. Олегу

посоветовали вначале провести так называемые библейские часы, то-есть чтения, на которых выяснить все спорные вопросы, в частности о соблюдении субботы, чистоты и обрезании мужчин. Олег согласился, хотя по последнему пункту дискутировать не собирался, потому что помнил изречение апостола Павла: «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» /Гал. 5:6/. Что спорить об очевидном?

Пастор организовал библейскую неделю, в ходе которой ответил на все вопросы, касавшиеся, в основном, догматов адвентистской церкви. После этого состоялось общее собрание, на котором была осуждена деятельность Тихона и Лидии. Возмутителей спокойствия решили исключить из общины.

- Я призываю к терпимости ко всем верующим, в том числе и из других конфессий. К семье Тихона я тоже всегда был терпим и не раз убеждал себя в том, что им еще раз можно поверить. Но они вновь попали под чужое влияние, которое не помогает нам, а лишь разрушает наше единство. И для нас, и для адвентистов губельны богословские, догматические споры, потому что церкви наши еще слабы, а государство только ждет разногласий, чтобы добиться дальнейшего ослабления. Вместо того, чтобы идти в народ и сеять благовест среди заблудших в неверии, отдельные христиане пытаются склонить на свою сторону таких же уверовавших в Христа! Это вносит лишь путаницу, сумятицу, отрывает людей от искренней молитвы!

Олег чувствовал себя обманутым и разочарованным. Его община вместо того, чтобы укрепляться в молитве и нести миссионерские труды,

занялась выяснением вопросов, не представляющих в условиях советской действительности никакой ценности. Их маленький кораблик мог развалиться в волнах житейского моря под напором церковных разногласий. Чтобы такого не случилось, было решено посвятить неделю ежевечерней молитве об обновлении общины, исцелении ее духа.

Хотя большинство верующих поддержало пастора и приняло решение об исключении Тихона и Лидии, но сами они этому воспротивились и еще долго приходили на богослужения. При этом они пытались предостеречь остальных, что не будет спасения тем, кто не придерживается правила чтить субботу.

В общине уже никто не принимал исключенных всерьез и Олег заметил, что это обстоятельство угнетало супругов. У них не было прежнего ликования, его сменили мрачные взгляды, меланхолия. И Олегу было искренне жаль старых приятелей. Но теперь уже вся община не принимала их. Отвернулись от веры и дети Тихона и Лидии. Это так сильно повлияло на женщину, что она начала страдать от своей неполноценности, серьезно заболела и вскоре умерла. Тихон жил один, потом вновь женился и уехал на Дальний Восток. Вместе с новой женой он стал активным организатором общины адвентистов и потерял связь с общиной Олега Сименса.

Размышляя о случившемся, Олег пришел к выводу, что общину миновала большая беда. Тихон и Лидия были значительно опаснее, чем ему казалось вначале и могли завести верующих в такие дебри суеверия, что не все братья и сестры сумели бы выбраться из них на светлые тропы христианства. Но пережитое стало для общины очищением, теперь

его паства поняла, что не всякая болтовня безобидна и строже относилась к восприятию Евангелия, к основному слову и делу баптистского движения.

Община значительно выросла и числом, поэтому руководство решило назначить Олега Сименса на штатную службу. Олег воспротивился было такому решению, но ему напомнили, что в Первом послании к коринфянам /9:9/ апостол Павел говорит: «Ибо в Моисеевом законе написано: «не заграждай рта у вола молотящего». О волах ли печется Бог?» Конечно, Господь заботился и о своих служителях, как заботилась о них вся церковь. Но Олег лишь интуитивно чувствовал, какие сложности принесет ему новое положение в общине.

Работая маляром, он и так еле сводил концы с концами, а теперь скромный оклад поставил его семью в затруднительное положение. Не было времени на дополнительные приработки, да и не приличествовали они пастору, получающему жалованье в церкви. Поэтому Олег на собрании общины попытался вернуть прежний порядок. Он сказал, что в Послании к коринфянам апостол Павел отказался от вознаграждения: «Ибо, если делаю это добровольно, то буду иметь награду, а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение. За что же мне тогда награда?» /9:17,18/.

- Хотя вы и несете расходы по моему содержанию, но каждый знает, что мой господин - Бог,- сказал Олег братскому совету.

С ним не согласились. Руководство предполагало, что Олег вскоре займет место во Всесоюзном совете или по крайней мере в совете республики. А братский совет был доволен тем, что их пастор теперь будет

иметь больше времени на посещения семей, обучение молодых проповедников, общение с покаявшимися людьми. Раньше пастор часто поручал подготовку собраний другим членам совета, потому что четыре Богослужения в неделю требовали основательной работы. Ему помогали старейшины и дьяконы. Они же и сказали теперь, что у Олега появилось достаточно свободного времени на эту ответственную работу. Конечно, ему не отказывали в помощи, но это было слабым утешением. Ведь каждый из верующих был прав, когда говорил, что испытания трудностями укрепляют человека.

У Олега появилось постоянное чувство вины: «Не мало ли я делаю для общины? Она ведь мне платит деньги?» С первыми лучами солнца он был уже на ногах и шел спать глубокой ночью. Желание вернуться к малярной кисти не оставляло его, но Олег помнил предостережения братьев о том, что будничные заботы не должны отвращать пастора от его призвания и терпел.

Вместе с тем плата Олега составляла половину его прежнего заработка и ему было все труднее прокормить семью из десяти человек. Именно тогда его старшая дочь Лена вышла на работу в проектно-конструкторском бюро и стала немного прирабатывать к тощему окладу отца. Именно тогда в общине стали раздаваться голоса о том, что пастор заставил работать юную дочь и ее заработок следовало бы вычестить из его платы. Олег пытался добросовестным служением укрепить свой авторитет, но только молодые верующие понимали и поддерживали его. Единственным ответом Олега на выпады недоброжелателей была его проповедь о

том, что давать всегда благословеннее, чем брать.

Галине тоже было нелегко пережить изменения в их судьбе и придирки в общине. Она часто плакала. Олег вытирал ее слезы и обычно говорил, что нужно улыбаться, радоваться жизни, растить детей и благодарить Бога, потому что он служитель Его, а это не каждому выпадает. В жизни бывают испытания покруче, говорил Олег, а наши - маленькие. Не нужно огорчать детей и особенно Лену, которая так старается помогать семье.

И как бы плохо не было у пастора на сердце, он был всегда кротким. Лишь однажды он наедине сказал резкое слово брату, который оскорбительно относился к своей жене. На его горе этот мужчина был из числа тех воинствующих ханжей, которые всегда видят соринку в чужом глазу, но не замечают бревна в собственном. Этаким сторожевой пес морали, позволяющий себе многое... Теперь к секретным агентам КГБ, которые несомненно наблюдали за пастором, прибавились добровольные помощники, науськанные злопамятным недругом. Целая группа доброхотов присматривалась и прислушивалась к Сименсу на каждом шагу и обо всем сообщала организатору слежки. Жить стало еще труднее.

На помощь пришла Маргарита Ляшко. Узнав о бедах Олега, она явилась на братский совет и в резких выражениях призвала его членов прекратить преследование своего пастора. Организаторы травли отреагировали немедленно и распустили слух, что у Олега есть интимная связь с Маргаритой. Но братский совет внял ее доводам и назначил комиссию для расследования конфликта. Ее вывод был однозначен: все утверждения недругов пастора - клевета.

Так называемым «благочестивым» посоветовали оставить Олега в покое. Они запротестовали: «Бог поставил нас быть стражами в общине, говорили они. Он благословил нас следить за соответствием между словом и делами пастора и старейшин».

Именно тогда случилась вся эта история с пакетом, переданным женщиной Галине. Олег успокоил жену, а сам долго размышлял о новом проявлении неприязни. Возможно, он слишком терпим, лоялен? Старейшины осуждают его за то, что он не произносит проповедей против употребления спиртного и курения табака. Сами они обрушивались на курильщиков, пьяниц, развратников. Но ведь таковых практически не было в общине! Разве что тайные грешники, предоставленные суду высокому. Вместе с тем у братьев и сестер было немало возможностей самосовершенствования и Олег призывал их постоянно обдумывать свои поступки, согласуя их со Словом Божиим, преобразовываться в подобие Сына Господнего. А ведь именно это была сверхзадачей, объединяющей и более мелкие человеческие грехи и слабости. Но ее старейшины как раз и не воспринимали, нацеливаясь лишь на так называемые мелочи жизни.

Олег заранее простил женщину, принесшую вещи отца. Он предвидел, что она просто не знает, сколько ему платят в общине, как живет его семья, почему пошла на работу Леночка, которой лучше бы продолжить учебу. Но и рассказывать ей об этих хлопотах не следовало, потому что она решит, что пастор недоволен платой общины. Его семья не только не жаловалась, но еще и ухитрилась быть хлебосольной. По местным обычаям гостю подавали

все самое лучшее, что было в доме. Это правило соблюдали Галина и ее дети. А гостей в доме пастора бывало много: люди приходили по делу, а то и просто услышать голос своего духовного наставника. Каждого встречали угощением, хотя лишь изредка кто-то из посетителей догадывался принести что-нибудь вкусненькое для младших. Наверно, они считали, что в доме пастора все должно быть без дополнительных усилий. Нередко угощением были постные щи и чай, но и оно требовало непредвиденных расходов.

Как-то после вечерней службы Олег спросил у Маргариты, нельзя ли ему с Галиной зайти к ней домой. Маргарита осветилась радостью:

- Конечно! И как же я сама не догадалась вас пригласить?

За вечерним чаем / а он оказался у Маргариты особенно душистым / пастор рассказал о происшествии с письмом и пакетом.

- Я тоже думала о положении вашей семьи, - сказала Маргарита. - У меня прочное положение в конторе и я могла бы устроить тебя «подснежником».

Олегу был знаком этот термин из делового обихода. Так называли людей, которые занимали штатные должности, но занимались или своими делами, или работой, не соответствующей их штатным обязанностям.

Пастор ужаснулся такому предложению, но Маргарита оставалась при своем мнении.

- Ты просто отстаешь от жизни, - сказала она. - Все так делают, а уж мой бывший муж в особенности. Иногда так устраивают людей, не стоящих этого, но чаще всего так спасают от нищеты писателей,

художников, других людей, которым руководящая партия не оставляет места под солнцем. Твои сомнения мне понятны, но и у меня есть неотразимые аргументы. Советское государство сдирает последнюю рубашку с труженика, чтобы наращивать запасы оружия. Наши люди прозябают в нищете, тогда как партийная бюрократия живет в довольстве и даже роскоши. Если Борис содержит в штатах нескольких заводов целую футбольную команду, то неужели заводской коллектив не прокормит одного пастора? Знаю, знаю, если «благочестивые» недруги твои узнают о моем покровительстве, тебе не сдобровать... Но они не узнают. Я научилась делать такие дела. И тебе незачем знать подробности.

Галина слушала Маргариту, как говорится, разинув рот и Олег видел, что ей понравилось предложение приятельницы. Но он отказался:

- Об этом не может быть и речи, Маргарита, - сказал Олег. - Узнают или не узнают - не в этом дело. Я должен жить так, чтобы самому не мучиться сомнениями и в глаза других смотреть спокойно. Благодарю тебя за поддержку и сочувствие.

- Послушай-ка, Олег, - прервала его Маргарита. - Ты волен поступать как считаешь нужным. Но нельзя мириться с тем, как к тебе относятся эти люди! Тебя можно смело назвать безупречным и тем не менее в общине постоянно звучат голоса против тебя. Зависть, ревность, не знаю... Но тебе мешает и то, что ты у всех на виду, открытый и незащищенный. Их требования к своему пастору неоправданно огромны. Сами-то они так ли уж святы? Ни один из нас не сможет соответствовать этим требованиям. Они просто дословно берут третью главу послания

апостола Павла к Тимофею и каждый твой шаг сверяют с его условиями. Но ведь Павел высказывал пожелания, а сам Тимофей вряд ли был верен каждому из них! Олег, наши суровые братья похлеще КГБ, который все таки не так уж вездесущ как они...

Олег снисходительно улыбнулся:

- Милая сестра Маргарита, я рад, что молодая христианка преуспевает в чтении Библии. Но должен сказать, что, как новичок в общине, ты острее воспринимаешь людей и жестче их судишь. В целом же они проще и добрее, чем тебе кажется. Просто они выросли в стране, которая приучила нас не верить друг другу и в каждом видеть «стукача» из КГБ. Такая подозрительность переносится и на взаимоотношения в общине. Казалось бы, мы далеки от партийных людей, их организаций. Но коммунисты так завладели всеми средствами влияния на массы, что и верующие подвержены их методам управления. А какие же эти методы? Они многое прощают своим вождям, прощают грехи поменьше рабочему люду, потому что без рабочих у них не будет партии. А вот функционеров средней руки держат в постоянном страхе и даже иногда изгоняют из партии, чтобы настрашать других. Наши люди тоже этому научились и охотно начинают преследовать своего пастора, считая что этим улучшают жизнь общины. А надо бы начинать каждому с себя!

- Да, именно это я постоянно слышу от моего пастора,- улыбнулась

Маргарита.- Каждый из нас призван воплотить в себе Иисуса Христа, а собственное Я спрятать поглубже или вообще выбросить. Процесс роста как у малыша, но там приходится лишь менять пеленки,

а с людьми взрослыми сложнее. Тем не менее многие в общине готовы на всю жизнь остаться маленькими деть ми - ворчливыми, крикливыми, требовательными, а вы с Галиной до конца дней своих будете лишь менять им пеленки и подавать бутылочки с теплым молочком...

Они помолчали. Вдруг Маргарита воскликнула:

- У меня есть решение! Олег должен попросить отпуск на три месяца. На три летних месяца! Борис знает на Алтае людей, ведущих стройку, у них можно так хорошо заработать, что вам хватит на зиму. Перестройку молитвенного дома поручим нашей строительной комиссии. После такого вояжа при ваших расходах ты мог бы не брать в общине ни копейки!

- Да что же это такое может строить наш горком партии на Алтае?- удивился Олег.

- Ах, не знаю,- отмахнулась от наивного вопроса Маргарита.- Я не интересовалась... Но ты ничем не рискуешь. Если там и творится что-то такое, то ведь маляр ответственности не несет. Пусть у Бориса болит голова! Пусть твоя совесть не мучается... А я замолвлю словечко, чтобы работа соответствовала твоему здоровью.

- Не надо ничего...,- начал было Олег, но Галина остановила его:

- Мы подумаем, Маргарита, твое предложение заманчиво. Мне очень тяжело брать деньги в общине. И дети против. Им кажется, что они отбирают кусок у других детей. А как твои проживают?

- Одной, конечно, трудно. Борис помогает, но нерегулярно, особенно с тех пор как они стали ждать малыша... Он сюда приходит...

- И, наверно, пристаёт к тебе?- встревожился Олег.

- Да нет,- махнула рукой Маргарита.- Недавно приходил навестить сына и был под хмельком. Стало было намекать, но я его прогнала. Бабник неукротимый... У них много таких! Я и Алене сказала, но она ответила, что лучше со мной, чем с другими. Вот так! Я же хочу покоя, хочу жить с детьми и для детей, а если будет свободная минута, то отдам ее больным, немощным... Мои мне уже помогают. Борис начал расспрашивать у сына, ходит ли он в воскресную школу. Тот ответил утвердительно. Тогда Борис спрашивает, а где, мол, проходят занятия. Мальчик говорит: не твоё дело! Я ему заметила, что нельзя так говорить с отцом. А он мне отвечает: «Знаю, чего он добивается. Он хочет арестовать нашего учителя!» «Разве я похож на человека, который арестовывает учителей», - разыграл обиженного Борис. А сын ему отвечает: «Коммунисты то и дело всех арестовывают - учителей, врачей, священников». Надо сказать, что Борис не рассердился. Мы с ним вышли в кухню и там даже посмеялись. Он сказал, что у малыша такая прямолинейность - от отца, а я обиженно заметила, что и от мамы кое-что ему досталось. Борис рыцарски заявил, что перед такой верностью принципам, а скорее упрямством, он пасует и охотно отказывается от претензий на наследственность. Я назвала его подлецом и мы опять рассмеялись. Как видите, отношения у нас дружеские и довольно-таки непринуждённые.

Именно в такую дружбу Маргариты с отцом ее младшего сына не хотели поверить блюстители морали в общине. Маргарите случилось однажды поужинать

с Борисом в ресторане и это вызвало волну возмущения: у баптистов вообще не принято ходить в рестораны, а уж с чужим мужем и подавно. Ясно, мол, что дел темное... Но Маргарита отнеслась к молве спокойно:

- Ресторан - всего лишь место для приема пищи, - сказала она. - А молву можно терпеть, пока в ней нет правды. Было бы плохо, если бы молва стала такой правдой! Но это уж моя забота!

- Слова людей нередко убивают точнее пули, - заметил Олег. - В этом я вижу нечто демоническое. Опасаясь чужого осуждения, мы поступаем не так, как сами считаем, что это хорошо, а стремимся понравиться другим. Господь подсказывает нам, что следует взять мышление под контроль и научиться думать о других так, чтобы приносить им радость и исцеление. Бог ведь думает о нашем счастье, а не о беде.

Вскоре после беседы с Маргаритой Олег принес братскому совету свою просьбу-заявление о трехмесячном отпуске. Он не скрывал, что намерен отправиться на заработки, чтобы поддержать семью и не быть обузой для общины. Если бы удалось сэкономить на его зарплате, то эти деньги можно было бы истратить на строительные дела. Олег никого и ни в чем не обвинял, его просьба не встретила возражений. Однако старейшины решили, что вопрос следует рассмотреть на общем собрании.

Пастор хорошо помнил библейский совет - быть хитрыми как змеи и кроткими как голуби. Но ему не приходилось хитрить: он был открыт перед общиной и лишь особые любители заглядывать в чужую кухню могли предположить, что Олег в чем-то неискренен.

Их предположения не имели основания. И община согласилась отпустить Олега на три месяца с тем, чтобы последующие девять месяцев он содержал семью на заработанные деньги.

* * *

Мне приходилось слышать, что Олег в проповедях критиковал коммунистическую идеологию и это вызвало осудительные голоса - ему говорили, что он политизирует библейское слово. Я думаю, что Олег не был силен в богословии, часто стремился рассматривать вопрос с одной и другой стороны, всё взвешивать. Вряд ли это было нужно и целесообразно...

Неудовольствие верующих вызвало и высказывание Олега о том, что в этом мире не должно быть бедных, обделенных. Все должны быть равны... «А как же трактовать рассказанную Матвеем притчу о талантах - она ведь поощряет людей умножать свое состояние» - спрашивали в общине. И мне кажется, что в утверждении Олега о всеобщем имущественном равенстве сказалось влияние коммунистов.

А вот в дни преследования Олега отдельными членами общины я ему сочувствовал. Можно ли благодушно улыбаться, когда гремит гром и сверкают молнии? Почему пастор не смеет изгнать наветчиков из дома молитвы? Почему он должен идти на различные уступки верующих лишь потому, что они оплачивают его служение? Он ведь их пастырь, а не наемный слуга? Один пожилой проповедник советовал мне: «Если не хочешь растревожить осиное гнездо, поменьше говори о своих трудностях». Такова, мол, баптистская традиция. Не могу согласиться с такой

традицией и прямо высказываю свое несогласие с криткой, которую считаю несправедливой. Но Олег был человеком другого склада.

Когда у него случился конфликт с верующим, организовавшим наблюдение за жизнью и деятельностью пастора, я поспешил к Олегу.

- Как можешь ты терпеть такого фарисея в своей общине? - спросил я в гневе. А в ответ увидел лишь улыбку пастора:

- Разве ты не читал о сорной траве? - спросил я у него несколько мягче.

- Читал, конечно, - ответил Олег. - Там сказано, что надо оставить сорную траву расти до жатвы, чтобы вместе с ней не выдернуть из земли и пшеницу. Пусть же растут до Божьего суда, а я перетерплю их гонения.

Чьи гонения? Ведь против него восстали ханжи и фарисеи?

- «Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником. или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе», - возразил я.

- Первое послание апостола Павла коринфянам, глава пятая, стих одиннадцатый, - подхватил Олег. - Но я не могу обстоятельства, в которых жила община Павла, перенести на наших людей! Мы уже говорили о платках - не стоит принуждать наших женщин везде и всюду ходить с покрытой головой. Изменились времена и нравы. Так же и откровенных лихоимцев, идолослужителей в нашей общине нет, а в остальном опять же не я им судья, а Господь наш. Конечно, требования моральной чистоты, верности в браке,

воздержания для нас незыблемы. но и терпимость наша - не последнее дело. Давай же будем терпеть и набожных, но излишне преданных устаревшим традициям братьев и сестер. Не стоит называть их сторожевыми псами... Лучше давай подумаем о концепции дальнейшего роста нашей общины ...

Надо заметить, что эти конфликты и недоразумения случились во времена так называемого застоя общественно-политической жизни, когда страной пытались управлять престарелые консерваторы, а на самом деле везде процветали упадок нравов и разочарование.

12 сентября 1982 года

ПЕРЕМЕНЫ

Олег уехал не сразу. Он тщательно подготовил всё необходимое для того, чтобы не остановились строительные работы на молитвенном доме. Один из братьев взял на себя руководство строительной комиссией и оказался хорошим руководителем - он оставил свою основную работу и целиком посвятил себя стройке, не получая в общине вознаграждения. Олег очень радовался умению Григория / так звали зодчего / наладить работы, добиться необходимого настроения людей, обеспечить их материалами и документацией. Одно обстоятельство тревожило пастора. Наталия, жена Григория, работала медсестрой в городской поликлинике. Жили он дружно и многие считали семью удачной. Но строгие блюстители морали в общине были озабочены отсутствием детей у Наты. Кто-то высказал предположение, что они используют противозачаточные средства. Стали требовать от пастора, чтобы он поговорил с Григорием и его женой.

Супруги рассказали Олегу, что очень хотят иметь ребенка и даже обращались за советом к врачам, но те лишь беспомощно пожимали плечами и советовали ждать и надеяться.

Стражи морали не поверили рассказу Наты, переданному им Олегом. «У нее в поликлинике немало всякого зелья, вот и не хочет возиться с малышом», - заявили они. В поисках выхода Олег избрал темой проповеди присваивание собственных слабостей другим людям и осудил такое поведение. Но его иносказания не помогли: мельница сплетен была запущена и все

больше людей поддерживало подозрения недругов Григория.

Этот сентябрьский день запомнился многим. На стройку приехала из соседнего города Люба - очаровательное двадцатилетнее существо, почему-то избравшее профессию техника-строителя. Она приехала не для заработка, а по зову сердца, чтобы помочь баптистам в возведении нового храма. Правда, оказалось, что речь идет всего лишь о реконструкции старого здания, но романтическая девушка этим не огорчилась и принялась за работу, помогая Григорию. Бригада на стройке работала дружно, ожидали, что к зиме основные наружные работы будут завершены.

Олег еще с лета работал на Алтае и тоже вернулся домой к зиме. Не успел он порадоваться успеху стройки, как бдительные братья огорошили его новостью: Люба беременна и ни у кого нет сомнения, что у Григория роман с нею! Новый удар едва не сразил Олега: сразу напомнило о себе больное сердце. Братья нашли повод обвинить его в близорукости и беспечности. Как можно было уехать, когда рядом появилась парочка, от которой можно было ждать такого подвоха! Потому и не было детей у Наты, что Григорий не любил ее и только и ждал повода для супружеской измены. Пастор мог бы предвидеть такой исход.

- Нет уж, простите,- возразил Олег.- Я не пророк, чтобы заниматься подобными предвидениями. Вы все считали, что Ната и Григорий - хорошие супруги. А насаждать в общине всеобщую подозрительность я не намерен. У каждой супружеской постели стоять не буду. Но воспитанием молодежи, согласен, надо больше заниматься, не оставлять ее без внимания.

Чувства человеческие - важная область духовной жизни и мы обязаны подсказывать молодым, что такое супружеский долг и как его совмещать с любовью.

Тем не менее на собрании было осуждено поведение Григория. Он покался, обещал уладить свои взаимоотношения с Натой, потому что теперь страдающей стороной стала Люба и будущую мать, несмотря на ее прегрешения, не следовало толкать к радикальным решениям. Свою слабость Григорий объяснял не столько вспыхнувшей любовью к девушке, сколько болезненным желанием иметь ребенка, которое порождало у него сомнения в себе самом и толкало на безрассудный шаг. Община выслушала его исповедь без сочувствия. Никакие обстоятельства не могут оправдать супружескую измену и в этом случае, как и в остальных, не могло быть и мысли о том, чтобы сменить гнев на милость.

Григорий был исключен из общины. Наталья развелась с ним, вскоре вновь вышла замуж и - удивительно! - в новой семье у нее родился мальчик.

Григорий и Люба оставили стройку и уехали в ее город, где поженились и тоже дождались благополучного разрешения беременности. Эта печальная история, неожиданно удовлетворившая ее непосредственных участников, принесла самые большие заботы Олегу. Ведь стройка лишилась сразу двух очень нужных людей - организатора работ и знающего специалиста. Теперь ему вновь пришлось ежедневно проводить здесь многие часы и это мешало пасторскому служению в общине. Олег иногда с досадой думал, что чрезмерная бдительность отдельных братьев способствовала моральному падению Григория

и лучше бы они его не трогали с самого начала. Но случившееся с Любой было несомненным и Олег гнал прочь греховные мысли...

Однажды Олег пережил отсутствие Григория с такой силой, что не сразу пришел в себя. Как обычно, молодежь в конце дня пришла поработать на стройке. Олег тоже появился на площадке и уже издали увидел, что добровольные помощники творят нечто ужасное. Одни взобрались на подмости второго этажа и складывали в штабель кирпичи, которые им бросали снизу другие. Подмости не были рассчитаны на такой груз и опасно прогнулись. А под ними работали люди, не обращающие внимания на опасность, не видевшие угрозы. Олег хотел крикнуть, но сердце сжалось, голос перехватило и он смог только довольно слабо помахать рукой работающим. Те заметили его и тоже помахали в ответ, считая этот жест обычным приветствием. Пастор чувствовал, что теряет сознание от ужаса перед надвигающейся катастрофой. Он прижал руку к сердцу и продолжал отчаянно махать работающим. Его настойчивость озадачила одного из строителей, он сообразил в чем дело и закричал, заставив людей под настилом отбежать в сторону. В то же мгновение раздался жуткий треск и помост развалился под тяжестью наваленного кирпича. Вначале в пыли ничего не было видно, но вскоре пыль осела и Олег убедился, что люди успели отскочить из-под настила, а работающие на нем парни упали вместе с кирпичами, но оба встают, погирая ушибленные места. Олег был потрясен: такая неосмотрительность могла принести восемь похорон сразу! Слава Богу, что уберет от беды, но будь здесь Григорий, он присмотрел бы за техникой безопасности!

Парни и девушки смущенно стояли у груды кирпича. Никто не пострадал, но все поняли, какая беда пронеслась над ними. Новый бригадир первым опомнился, подошел к пастору и обнял его. Все знали, что у Олега большое сердце... Люди окружили его и тихо запели «Слава тебе...». Потом опустились на колени, возблагодарили Бога и попросили о защите.

Ночью Олегу несколько раз подряд приснился кошмарный сон. Он явственно видел, как огромное количество кирпичей упало на его общину и засыпало всех. Олег проснулся с криком ужаса и облегченно понял, что это всего лишь сон. Он опять тревожно забылся и сон повторился со всеми подробностями. Галина уже не спала до утра, пытаясь облегчить мучения Олега. Утром он ей сказал, что полностью берет на себя руководство стройкой. Галина его решение одобрила.

Тем временем в общине случилось еще одно событие, вновь поставившее пастора в центр всеобщего внимания: в его доме появился телевизор.

Баптисты по традиции отрицательно относились к телевидению. И не только потому, что телевизор для многих людей в мире стал основным занятием после работы. Они просто прирастали к креслам и теряли массу драгоценного времени, просматривая программы все подряд, без разбора и без особого интереса. Стало модным проводить вечер за вечером перед экраном, а утром на работе обсуждать с коллегами все подробности увиденного.

В коммунистической стране государственное телевидение / а иного не было / использовалось для промывания мозгов и навязывания людям той информации, тех оценок и взглядов, в которых были

заинтересованы кремлевские диктаторы. Радикальные баптисты считали телевидение сатанинским изобретением. Некоторые не отрицали пользы учебного телевидения, соглашались на полезность фильмов о природе, но подчеркивали, что даже эти передачи несут заряд коммунистической идеологии, проповедуют примитивный и бездуховный материализм. В те годы о христианских телепередачах не могло быть и речи.

Павел, третий сын Олега, учился на автомеханика и живо интересовался разной техникой. 16-летний парень имел несомненный талант в телемеханике, радиотехнике. Старый телевизор он выпросил у товарища. Павел вначале добился появления звука, потом на экране родилась картинка. На этом интерес Павла к телевидению угас: он добился своего, старый аппарат ожил! Парень не задумывался над тем, что его техническая победа вызовет осложнения в жизни отца. Телевизор неизбежно заинтересовал младших братьев Павла, он просидели несколько вечеров перед экраном, а в субботу пригласили своих друзей. Им очень хотелось продемонстрировать результат технического могущества своего брата. Естественно, что друзья братьев были из верующих семей. В тот же вечер о телевизоре в доме пастора узнали многие баптисты.

Первой прибежала к дьякону бабушка Полина, не находившая слов от возмущения и даже испуга. В общинах баптистов частенько случались исключения членов за покупку телевизора, а здесь ведь речь шла о пасторе! Как быть?

- Наш пастор отошел от веры! Он язычник! Соблазнитель! Я это предчувствовала! - возмущалась

бабушка. Она была готова устроить сожжение Олега на костре очищения.

- Успокойтесь, сестра Полина,- упрасивал бабушку дьякон. - Расскажите толком, что случилось у пастора?

- У него есть телевизор! - выпалила бабушка. - И надо же было мне дожить до такого!

- Успокойтесь же, не плачьте,- у дьякона отлегло от сердца.- Завтра я побываю у пастора и все выясню. Спокойной вам ночи!

Бабушка Полина побрела домой, стелая и хватаясь за сердце. Разве она не предостерегала общину? Разве несколько лет тому назад не видела сон: пастор Олег купался в грязной луже вместе со свиньями? Это было откровение, это было предостережение... И вот исполнение! До рассвета бабушка Полина провела в молитве, призывая Господа достойно покарать совращенного пастора, открыть общине глаза на этого мошенника. Каков гусь!

Дьякону тоже досталась нелегкая ночь. Он ценил и уважал Олега. Неужто он и вправду соблазнился телевизором? За такие проделки его следовало отстранить от пастырской должности! Позор для всех верующих, неприятная огласка в городе... Газетчики раздуют событие. А виноваты мы сами, думал дьякон. У Олега и раньше проявлялось увлечение новыми идеями, таким новаторством, а мы терпели, даже похваливали.. Вот и пожинаем горькие плоды. Так ошибиться в человеке !

Несмотря на бессонную ночь бабушка Полина с утра успела перед воскресным богослужением навестить нескольких ровесниц и рассказать им о страшном открытии, о тайном увлечении Олега.

Собираясь на утреннее богослужение, все отчаянно сплетничали. Но если к той или иной группке приближался кто-нибудь из симпатизирующих пастору людей, все умолкали. Маргарита рано пришла в дом молитвы и заметила, что бабушка Полина необычно оживлена. Стоя среди молодых людей, она жестикулировала и горячо их в чем-то убеждала. Маргарита подошла поближе и услышала новость. Она не сдержалась:

- Сестра Полина, а я и не знала, что телевизор - смертный грех! По-моему, любой верующий может купить его. Ведь согрешение может случиться и без телевизора?

- А вы у нас новенькая, вот и не знали, - парировала бабушка Полина. - К тому же всем известно, что вы с пастором заодно!

Маргарита промолчала и пошла готовиться к утренней молитве. Ей было жаль Олега, над которым вновь сгустились темные тучи. Сам Олег не знал о происшествиях истекшей ночи, но чувствовал какую-то тяжесть, открывая собрание. Он прочитал из Евангелия вступительный стих и произнес молитву. Началось пение хора и в это мгновение ему передали записку: «Опять незадача! Распространяют слух, что у тебя есть телевизор». Олег передал записку дьякону и тот, взглянув, прошептал: «Я знаю. Это правда?»

Хор закончил пение и Олег вышел к кафедре.

- Я помню, - начал он, - как в конце 50-х годов из нашей общины исключали членов, имевших дома радио. А в те годы только радио могло принести нам привет и слово западных братьев. Если в службе безопасности узнавали, что кто-то слушал ночную

передачу из-за границы, а утром поделился услышанным с другими - все, песенка такого человека была спета и ночью за ним приезжали. А мы исключали таких из общины, как будто по заказу властей! А сейчас каждый из вас скажет, что радио-полезная вещь и его стоит слушать. Но такое мнение утвердилось лишь в конце 60-х годов, после того как мы попортили друг другу немало крови. Что же изменилось? Появилось новое радиотехническое средство - телевизор и мы вновь начали преследование: нельзя покупать телевизор, нельзя смотреть на экран. А почему, собственно? Разве телепередачи способны поколебать вашу веру? Разве она так слаба, что исчезнет под влиянием телевизора? Да вы же знаете, что в западных странах по телевизору выступают христианские пасторы, проповедники и все их слышат с радостью и благоговением. Даст Бог, что и мы доживем до такой свободы! Но как же мы увидим христианскую передачу, если не приобретем телевизор? Мне передали записку о том, что общине известно: в моем доме есть телевизор. Так вот...

У Олега пересохло в горле и он прервался, чтобы глотнуть воды, но пауза случилась в такое драматическое мгновение, что люди затаили дыхание.

- Так вот...- продолжил Олег,- до вчерашнего вечера у меня в доме был телевизор...

Все шумно вздохнули, заговорили... Олег подождал, пока шум утихнет.

- Мой сын принес домой старый, сломанный аппарат и решил собственными руками его возродить, Я очень рад, что ему это удалось. Вечером пришел учитель из профтехучилища, где учится Павел, узнал новость и попросил у сына разрешения взять теле-

визор в училище, чтобы похвалиться перед другими способным учеником и поощрить их к такому же творчеству. Впрочем, Павел сейчас в собрании и вы сами можете у него расспросить. А я поздравил бы его с достижением!

Как будто свежий ветерок пронесся над головами собравшихся. Многие повернулись к Павлу и увидели, что он пришел не один - рядом с ним сидел его учитель. Заметив общее внимание, учитель встал и направился к пастору. В проходе между скамьями он был вынужден пропустить бабушку Полину, которая поспешно покинула собрание - то ли от стыда, то ли от огорчения, что пастору вновь сошли с рук его проделки. А учитель сообщил, что решил покаяться в своей прежней греховной жизни и принять веру и учение Христа. Он давно шел к этому и даже сменил школу на училище, потому что здесь терпимее относились к верующим. Случай же с Павлом, вернувшим к жизни беспомощный и безнадежно устаревший прибор, утвердил учителя в творческом начале всего, что происходит в церкви. Все были довольны таким исходом начавшегося было конфликта с пастором и дружно спели радостную песню в честь будущего брата-учителя.

После богослужения молодой брат подошел к учителю и спросил:

- После своего обращения, учитель, вы же не поставите телевизор в классе?

- Почему же? - удивился учитель.

- Но ведь телевидение - грех, - услышал он.

- Разве об этом говорится в Библии? - спросил учитель.

- Нет, не говорится, - несколько смутился его

собеседник.- Но всё, что может иметь над нами власть, греховно. Мы должны избегать такого влияния.

- Как же вы установите, что телевизор завладел мной?

- Люди, имеющие телевизоры, не смеют их отключить.

- Есть и такие,- согласился учитель.- Но можно ли из частного делать широкие обобщения? У нас есть наркоманы, но мы применяем наркотические средства в медицине. Попробуйте-ка сделать операцию без наркоза! Я могу привести немало таких примеров.

Учитель попрощался и ушел, а Олег, наблюдавший издали за их беседой, спросил у молодого человека о предмете спора. Тот охотно ответил. Пастор задумчиво произнес:

- Мне кажется, что мы, верующие, излишне самолюбивы и несколько эгоистичны. Мы сами себе придумываем правила жизни и поведения, а потом пытаемся навязать их всему остальному миру. Так мы не приобретем себе друзей. Фарисеи тоже фанатично защищали свои догмы и что у них вышло?

... Старшая дочь Олега - Лена - с нетерпением ждала своего совершеннолетия, чтобы креститься. Она знала, что возрастная граница крещения установлена государством, но баптисты с нею согласны и тщательно готовят новичков к обряду крещения. Принявший решение обратиться в веру Христа должен перед общиной сказать об этом и держать ответ о своей жизни на общем собрании. Для дочери пастора не было исключения. Собрание проводил дьякон. Пастор слушал, сидя в первом ряду. Наконец настал момент, когда его дочери стали задавать вопросы по Библии и этике. Олег волновался, но Лена на все

вопросы ответила умно, четко. Потом ее и родственников попросили вне зала подождать, пока община обсудит, можно ли допустить девушку к крещению.

Ждать пришлось довольно долго, почти час. Когда семью Сименс вновь пригласили в зал, там царило подавленное молчание. Дьякон смущенно сообщил, что община большинством голосов решила не допускать дочь пастора к крещению. Лена заплакала и выбежала из зала.

- Я не ожидал такого,- сказал Олег,- но принимаю решение общины. Могу ли я узнать его мотивы ?

Дьякон подавленно молчал. Из зала ответили:

- Это все телевизор!

Оказалось, что в зале были молодые люди, которые однажды застали Лену в квартире ее неверующей тетки перед работающим телевизором. Сейчас они свидетельствовали против нее, высказав предположение, что, включив телевизор однажды, она могла включать его и в другой раз. На самом же деле Лена пришла к тетке присмотреть за ее детьми и телевизор был включен для них во время детской передачи. Если бы Лена выключила приемник, крику и слез было бы предостаточно!

Дома Олег рассказал Лене о причине отказа и успокоил ее, объяснив, что община печется о морали верующей молодежи, а телевидение кроме коммунистических идей, все чаще обращается к сомнительного свойства фильмам, затевает другие неблагоприятные передачи. На следующем собрании вопрос уладили: Лена в слезах рассказала о происшествии в чужой квартире, покаялась, а община уже потеряла прежнее рвение. Но после крещения

что-то сломалось в девушке. Раньше она была веселой, общительной, пела в церкви, охотно брала в руки гитару. Теперь же умолкла, стала печальной. Отец понимал, что на нее сильно повлиял фанатизм ревнителей старых традиций и теперь Лена постоянно боялась совершить какую-либо ошибку, настроить вновь людей против себя. Из-за этого у нее возникла преграда в общении с Богом и девушка страдала, худела, теряла жизнерадостность. Галина договорилась с врачом-верующей о тщательном обследовании дочери и Лена ушла в лечебницу.

Олег чувствовал нарастающую усталость. Пасторские обязанности он исполнял так же прилежно, но общение с верующими его не радовало. Перед ним были не просто верующие, а так называемые советские люди, продукт длительной психологической, идеологической обработки общества, выпальвания из него всего оригинально мыслящего, способного творчески трудиться. Право на жизнь имели только одинаково думающие, а точнее вовсе не думающие, унифицированные человечки, с повышенной бдительностью следящие за одинаковостью им подобным и прилежно доносящие о малейшем отклонении, малейшем несходстве. Верующие жили не в вакууме и тоже подверглись такой же обработке. Им было все равно, куда доносить. Если бы не было дьяконов и братского совета, они доносили бы в органы госбезопасности, в партийные органы, лишь бы чувствовать свою причастность к «выпальванию сорной травы» и так подстраховаться от того, чтобы их самих не пропололи как плевела. Ханжество и показное благочестие в общине лишили его рвения. Не понапрасну ли он отдал столько лет этим людям?

Правы ли они в своем постоянном преследовании своего пастыря, тогда как рядом с ними было немало таких прегрешений, что семья Олега рядом с ними должна бы считаться образцовой.

Кто выразил ему свое признание, кто ободрил его? Постоянные несправедливые придирки в общине были выше его сил. Олег погружался в самосострадание, а когда узнал, что у Леночки - сахарный диабет, решил оставить службу. У него не было сомнений, что дочь заболела вследствие нервных потрясений, вызванных равнодушной жестокостью ретивых борцов за нерушимость обычаев.

Как библейский пророк Илия в пустыне под кустом дрока просил смерти у Господа как избавления, так и Олег видел в такой мольбе единственное спасение. Наедине он опустился на колени перед крестом в молитвенном доме и заплакал:

- Разве я не могу жить так, как живут остальные христиане? - спросил он. - Почему мне приходится постоянно слышать нелепые обвинения, почему моя семья страдает из-за моего служения? Ведь я мог бы дать ей больше, не будь я пастором? Остальные беззаботно живут со своими близкими, радостно встречаются в Доме молитвы и лишь я несу тяжкий крест, мечтая о спокойной жизни! Я устал, Господи! Я измучен! Позволь мне строить дома, ремонтировать квартиры, освободи от служения, которое мне стало невозможно из-за моих слабых сил! Я не могу больше пасти твоё стадо!

Вдруг Олегу послышался громкий голос:

- Так откажись, если не можешь, если устал! Зачем ты просишь? Или для того, чтобы красить дерево, нужен Бог? Откажись и дело с концом - ты

станешь жить в достатке. А сейчас ты один - оглянись вокруг. Ты один! И люди, и Бог оставили тебя!

Олег и впрямь оглянулся. Возможно, в стены храма вмонтированы громкоговорители? Но вокруг не было ничего подозрительного и Олег вновь опустился на колени.

- О мой Бог!- горячо заговорил он.- Это не была галлюцинация. Это был сатана, пытающийся совратить меня. Прости меня и спаси! Я на мгновение отчаялся. Я готов служить там, где ты меня поставил. Я хочу этого.

После этого случая к Олегу вновь вернулись мир и покой. Но штатную работу пастора он все же оставил и устроился работать инструктором трудовой терапии в уже знакомой ему психиатрической лечебнице. Мастерская размещалась в маленьком домике и Олег называл его своим убежищем. В общине он был проповедником и много потрудился для завершения строительных работ в храме. В свободные часы он охотно проводил с верующими индивидуальные беседы, своеобразные исповеди и люди охотно приходили именно к нему, как умному, надежному исповеднику.

Во время такой беседы к нему пришла старая сестра Полина и, рыдая, рассказала о своей обиде. Ей шел уже восьмой десяток и за многие годы она привыкла в Доме молитвы сидеть на одном излюбленном месте. А недавно на это место уселась сестра Людмила. Когда же Полина попросила ее подвинуться, та ответила, что здесь сидят не по билетам и места не указаны. Полина так огорчилась, что уже не могла внимательно слушать богослужение, а лишь тихонько плакала.

Олега умилила детская обида старушки и он подумал, что и его обиды кажутся Всевышнему такими же малостными. Он положил руку на плечо

Полины и сказал ей:

- Сестра, на небе никто не займет вашего места! Давайте же обратим взор на Господа нашего Иисуса Христа и будем ждать Его возвращения с верой в то, что и вы, и Людмила займут в Его царстве каждая свой трон.

Бабушка Полина засветилась как утренняя заря:

- Спасибо тебе, брат! Теперь я знаю. Прости мне, что я поверила тогда слухам о телевизоре!

- Я прощаю, - сказал Олег. - Я буду молиться за то, чтобы вы свой взгляд устремляли к месту в Царстве Божию, а не в нашем молитвенном доме!

- Я тоже хочу этого, - сказала сестра Полина.

Она ушла, а Олег задумался. Разве заботы старой Полины меньше его собственных? И когда он передал ей совет, подсказанный ему Господом, то не относился ли этот совет и к нему самому?

Вернувшись домой, Олег услышал тихое пение под гитару и узнал голос Леночки. Она пела:

Скоро я увижу недоступный свет

В новой жизни моего небесного жилища.

Какое счастье подарил мне Бог:

всегда быть с Христом!

Олег вошел в горницу и взял дочь за руки. Вот и для нее, как и для старой Полины, Господь уготовал путь к светлой цели!

* * *

Я замечал, что люди на пасторской службе иногда склонны относить на свой счет все недостатки в жизни общины. Они страдают от собственного

несовершенства, истязают себя угрызениями совести, но тем не менее мирятся с тем, что лишены душевного спокойствия из-за чужих грехов. Олега я отношу к числу таких людей. На него клеветают, а он о клеветниках говорит хорошо. Его несправедливо обвиняют, а он ищет оправдания обвинителям в собственных просчетах. Он работает выше своих сил, что называется высунув язык от усталости, но радуется своим трудам. Таковы христиане.

Пример апостола Павла служит нам: «Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас поработает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лице. К стыду говорю, что на это у меня не доставало сил. А если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я... От Иудеев пять раз дано мне было по сорок ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, и а стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно /мне/ хвалиться, то буду хвалиться немощью моею..» / 2 Кор. 11:19-30/.

Так и Олег не мог свое личное поставить выше

долга и призвания пастора, ибо у него всегда был Господин и Покровитель. И когда в минуту душевной слабости Олег обратился к Нему, то вновь ощутил в душе покой и умиротворение.

15 августа 1986 года
СВЕТАЕТ...

Олег Сименс прилежно трудился в своей мастерской, называемой отделением трудовой терапии. Он хорошо знал многих больных, находившихся в лечебнице давно и не имевших надежды вернуться к обычной жизни. Вместе с ними Олег выполнял ремонтные работы в больнице, чинил мебель, изготавливал несложное оборудование. Он знал, что в лечебницу попадали и практически здоровые люди, вступившие в конфликт с властью или просто не понравившиеся ей по мотивам сугубо политическим, но с ними не общался. Возможно, у таких пациентов были свои инструкторы. Но ведь кто-то же должен был ремонтировать табуреты и красить стены в их палатах? Олег не решался расспрашивать и сам решил, что «политических больных» держали подальше от города.

Это его предположение подтвердила записка, которую передали ему из одного из филиалов лечебницы. На листочке он увидел имя вдовы разведчика, таинственно исчезнувшей после его смерти. Там стояло: «Нахожусь в Степногорске и выехать отсюда не могу. При случае приезжайте в Аксу. Только там мы сможем поговорить. На станции спросите обо мне у дежурного Белкина».

Записку Олегу передал врач. Когда Олег прочитал ее, он сказал:

«Не советую вам ездить в Аксу одному. Возьмите с собой жену и Маргариту Ляшко».

Дома Олег показал таинственное послание Галине. Оба тут же отправились за советом к Маргарите.

Она сидела у телефона с листочком в руке. Ей тоже передали записочку от сестры.

- Безуспешно пытаюсь дозвониться к Борису. Его нет ни на работе, ни дома. Он мог бы помочь.

Олег увидел на столе старый патефон и открыв крышку, повертел ручкой пружины, поставил пластинку.

- Не могу избавиться от мысли, что твой телефон прослушивается,- сказал он.- Уж лучше нам говорить под музыку - меньше услышат.

Маргарита пожала плечами:

- Возможно. Мне все равно. Разве я не могу разыскивать собственную сестру?

Маргарита приготовила чай. Они долго обсуждали разные варианты появления загадочной записки. Маргарита была уверена, что видит почерк сестры. Наверно, это подлинник. Маргарите передала записку ее начальница. В чем тут дело? Не собираются ли майор Полонский и профессор Бабаев вновь начать с ними какую-то игру?

- Он все еще майор?- удивился Олег.

- Пьет много,- заметила Маргарита.- Но от этого он не становится менее опасным. Чего же он хочет в этот раз?

Однажды обжегшись, они стремились не повторить ошибок. В стране уже были видны первые признаки демократических перемен. Многие диссиденты были высланы за границу и там рассказали правду о коммунистическом строе. Из лагерей выпустили многих политических заключенных, в том числе верующих. Но еще не открылись угрюмые зоны, места страданий. В период между 1979 годом и серединой 80-х не менее 200-т незарегистрированных

баптистов, руководителей и членов общин были лишены свободы по разным обвинениям, так или иначе трактовавшим их как подпольщиков. Большинство их все еще были тогда в заключении. Баптисты в зарегистрированных общинах тоже переживали постоянный надзор и давление как со стороны идеологических служб, так и со стороны госбезопасности, нередко были подвержены милицейскому произволу.

Баптистам предписывалось строго соблюдать различные запреты, установленные государством. Штатные и нештатные сотрудники КГБ тщательно следили за перепиской, встречами, разговорами, поездками многих баптистов и «профилактические» беседы с ними в стенах управлений КГБ не были редкостью. Случались автомобильные катастрофы, ночные нападения и другие таинственные происшествия, уносившие жизни верующих, которые не вписывались в доктрины власть имущих, имели влияние на окружающих или вообще чем-то не нравились местному начальству.

Всемогущество коммунистического режима, подорванное правлением нескольких старцев, умерших у кремлевского штурвала, афганской войной и удручающим застоєм в экономике, новые правители старались поддержать так называемой перестройкой и хлесткими лозунгами, но закат диктатуры близился и многие ожидали демократических перемен. Но наметившийся развал привычной системы особенно раздражал старых консерваторов, все еще сидевших в тысячах кабинетов разного уровня управления, все еще всемогущих вершителей судеб многих людей.

Олег Сименс уже давно был «под колпаком»

местных служб госбезопасности. В органах знали о его тайных связях с незарегистрированной общиной и умении проводить такие запрещенные мероприятия как детские школы, молодежные встречи, размножение и распространение религиозной литературы. Не забыли и того, как он сумел вывернуться из ловушки, организованной майором Полонским, и избежать неприятностей.

Завистники в общине не раз намекали, что у Олега не все чисто и он связан с КГБ, иначе он не стремился бы изо всего делать тайну. Эти подозрения были лишены оснований. Олег был предельно открытым во всем, что касалось его личной жизни, касалось его семьи. Но о делах общины он действительно говорил лишь с теми, кого они касались, давая на собраниях лишь самую общую информацию. Некоторым членам братского совета это казалось чрезмерной подозрительностью и они однажды упрекнули Олега в недоверии.

- «Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу»- ответил Олег словами апостола Павла из его Послания к филиппийцам/ 2:21/. Если ваши обвинения соответствуют истине, то почему вы не прогоните меня?

После основательных размышлений Олег, Маргарита и Галина решили побывать в Аксу и проверить, действительно ли там находится вдова чекиста. На географической карте можно найти Аксу - это небольшой город в Уйгурской области Китая. Но наши знакомые собирались не в Китай, а на железнодорожную станцию на реке Аксу, которая берет начало в киргизском Тянь-Шане, спускаясь с высоты 7 тысяч метров в озеро Балхаш. Станцию

Аксу следует искать на северной границе Казахстана в степях Западно-Сибирской равнины, богатой полезными ископаемыми.

Вокруг Аксу во множестве разместились золотые, железнорудные и угольные рудники. Тысячи заключенных работали здесь на шахтах, строили промышленные комплексы, тепловые электростанции, а между Аксу и

Степногорском, который уж точно ни на каких картах не обозначен, добывали тя желый металл уран и блестящий как серебро магний. Степногорск тоже построили заключенные. Уран встречается в осадочных породах, может содержаться в золотоносной руде, а также в бурых углях. Но почему именно в этой глухомани оказалась образованная женщина, преподававшая один из ведущих предметов марксистско-ленинской науки? Это и предстояло выяснить Олегу.

Как оказалось, Борис не мог им помочь и спутники доверились нескольким верующим из Целинограда и Павлодара, раньше ездившим в Аксу. В исправительных лагерях вблизи Аксу содержались осужденные баптисты и их братья пробирались в расположение рабочих зон, пытаясь передать заключенным продовольственные посылки. Именно они и нашли «профессоршу» - так называли сестру Маргариты в местной средней школе, а точнее в местном кружке, собиравшемся для чтения единственной в Аксу Библии.

Все еще было опасно доверять письма почте - их читал лагерный цензор, сообщая КГБ все, что касалось и адресата, и получателя письма. Не случайно записки из Аксу пришли с оказией.

Наши путешественники отправились поездом и сутки спустя уже были в Целинограде. Вдали от вокзала стояли охраняемые специальные вагоны для перевозки заключенных, а из комнаты дежурного по вокзалу как раз выходил офицер внутренних войск, поэтому Олег отважился спросить у него, куда везут арестантов. Офицер хмуро взглянул на Олега и ничего не ответил. Женщины устроились на замызганной, изрезанной ножами лавке зала ожидания, а Олег собрался идти на разведку, но в это мгновение послышались выстрелы и любопытные побежали к окну и на перрон. Побежала и Маргарита.

У остановившегося вдали поезда лежали на земле лицом вниз не менее двухсот заключенных. Над ними стояли часовые, постоянно покрикивая. Если кто-то из лежащих пытался поднять голову, к нему тут же устремлялся конвоир с собакой. На непослушного сыпались удары сапогом. Несколько солдат бегали между составами и кричали. Именно они подняли стрельбу...

Вскоре из-за эшелона показалась группа солдат. Они вели избитого парня и подгоняли его ударами. Его подвели к лежавшей шеренге и конвоир крикнул: «Ложись!» Заключенный упал на землю и конвоир принялся топтать его сапогами, восклицая: «Я тебе убогу, собака! Я тебе нутро отобью! Можете посмотреть, скоты! Это всем вам урок!» Заключенные начали поднимать головы и собаки зарычали.

Маргарита бросилась к капитану, встреченному ими в вокзале:

- Это же ваши люди! Прикажите сержанту прекратить! Заключенный уже не движется! Вы должны их стеречь, а не избивать!

Выбежавшие из вокзала пассажиры поддержали Маргариту, но милиционеры, появившиеся на перроне, начали теснить их к зданию. Капитан покосился на Маргариту и крикнул:

- Сержант! Прекратите! На отправку!

Тут тепловоз тронул с места цепочку вагонов и заключенные оказались на открытом месте. Видимо, конвой ждал, когда уберут вагоны. Сержант дал команду, людей группами подняли с земли и увели к автофургонам, стоявшим вблизи колеи. Капитан внутренних войск уехал с ними. И тут Олег обнаружил, что Маргариты нет на перроне. Он спросил у пассажиров о женщине, накричавшей на капитана, и услышал, что ее милиционер увел в свое служебное помещение. Олег и Галина встревожились, собираясь на поиски, но тут появилась сама Маргарита в сопровождении мужчины. При этом она улыбалась, явно не придавая особого значения случившемуся с ней. Своим спутникам она сказала:

- А то мой брат Игорь!

Олег даже растерялся от удивления:

- Ну и семейка! Никогда не слышал, что у тебя такой брат в Целинограде.

Его восклицание можно было истолковать двояко, но Игорь на это не обратил внимания, любезно поздоровался с супругами и пригласил их к себе домой.

Маргарита возразила :

- Я не хотела бы, чтобы на тебя обиделось твое начальство. Ты же о цели нашей поездки знаешь.

- Конфликты с начальством у меня уже есть,- ответил Игорь,- а проведать сестру я имею право,

поэтому отвезу вас в Аксу на своей машине. Тем более, что по службе у меня есть несколько дней отдыха.

- Я согласна!- воскликнула Маргарита, даже не взглянув на Олега. Да и был ли у них иной выход? Она вскочила, собираясь взять свой чемодан, но Игорь опередил ее. Он пытался взять чемодан Олега, но тот воспротивился. Они направились к выходу.

- Вы хорошо доехали?- спросил он.

- Извините,- Олег вернулся к своему вопросу.- Я действительно никогда не слышал, что у Маргариты есть брат.

- Да вы не сомневайтесь,- улыбнулся Игорь,- нас гораздо больше, чем вы могли предположить. Нас восемь! Большая семья, а достаток малый. Вот и были приучены с детства не расслабляться, а полагаться только на себя. А когда выросли, как-то само собой сложилось, что жили каждый сам по себе, чтобы не помешать... Вы же видите, какие времена. Один споткнется - всех за собой потянет. А у нас ведь уже свои семьи, своя ответственность. Мы с сестрой тоже случайно встретились. Маргариту задержали на вокзале и милиционер не менее случайно спросил ее девичью фамилию. Он мог не спрашивать, она могла не отвечать. Но всё, что ни делается - к лучшему. Милиционер оказался сообразительным, позвонил мне и вот мы опять вместе. Ему ведь тоже не хотелось со мной ссориться...

Олег и Галина еще не успели опомниться от неожиданных событий, как автомобиль остановился у дома и Игорь пригласил гостей к себе. Его жена была на пороге начинающегося увядания, но еще хороша собой. Она обняла Маргариту, пригласила всех войти.

- Что же ты ничего о себе не сообщаемшь? - упрекнула она Маргариту.

- Да все у меня в порядке, - ответила Маргарита. - Борис меня оставил, но получилось все это мирно и с его нынешней женой мы почти подруги. Дети здоровы, растут. А вот мои друзья: Олег - пастор в протестантской церкви и неутомимый целитель больных. Галина - его супруга.

- А это наш внук! - Игорь поднял двухлетнего мальчика, появившегося в гостиной.

- Не рано ли? - спросил Олег.

Хозяйка поняла его вопрос и рассмеялась:

- Этот негодяй соблазнил меня в ранней юности и поэтому был вынужден рано жениться!

- Учитывая, что именно этого он и хотел! - добавил Игорь и вопросительно посмотрел на жену.

- Прошу к столу! - супруги понимали друг друга без слов.

За обедом выяснилось, что старший сын живет у родителей невестки, оба еще учатся. Есть еще трое детей. Парни - в военном училище, девочка по роду учебы живет в интернате, в соседнем городке. Игорь работал в милиции. Олег хотел спросить об этой работе, но не осмелился.

- Милиция все еще балуется деликатесами! - заметила Маргарита, когда хозяйка подала отварной язык с гарниром и овощами. - Как мне тебя не хватает, Игорек!

- Могла бы писать почаще, не только на новый год по открыточке!

- Ты же знаешь, я берегу тебя. Мне пришлось оставить прежнюю работу из-за веры... Я и другим не писала... Сестра-баггистка! Это звучит как обвинение!

Игорь задумался:

- Когда мы поедem к нашей профессорше, вы у нее ничего не расспраши вайте,- попросил он.

- Ее давно так называли,- объяснила Галине Маргарита.- Еще в детстве спросили, кем она хочет стать, а сестра ответила: профессоршей! Так и осталось... Но самое интересное, что она добилась своего!

Тут Олег понял, почему Маргарита обычно не называла сестру по имени, а величала ее «профессоршей». Ему-то казалось, что этим она показывала особое уважение к ее должности, а то всего лишь детские клички... Когда хозяева отлучились из комнаты, Олег тихонько спросил у Маргариты, чем занят ее брат. Она так же шепотом сказала, что об этом не знает даже его жена, он офицер высокого звания. Вернувшись в комнату, Игорь спросил:

- Гости не скучают?

- Гости ищут генеральские звезды! - ответила Маргарита.

- И зря, - растерянно улыбнулся Игорь.- Звезда не ношу. Сами понимаете.

Они понимали. В этой невероятной стране мужья ничего не рассказывали женам о своей службе, чтобы уберечь их от возможных неприятностей. Даже жены космонавтов уверяли журналистов, что до старта космического корабля не знали, чем заняты их мужья. Так ли это было, никто не знает. Известно лишь, что жены и не спрашивали. Они терпеливо ждали, воспитывая детей. Не только у военных. Галина тоже мало что знала о взаимоотношениях Олега с подполковником. Можно ли было удивляться

скрытности Игоря в условиях, когда строжайшей тайной были ядерные взрывы, старты ракет, уран и золото казахских степей?

Игорь был для Олега загадочен. Если он и вправду генерал, то что делает в местном управлении милиции, где такие звания редки? Генералы обычно неприступны и самоуверенны, а Игорь прост и обходителен, шутит над своим начальством и собой, своими познаниями, вероятно, весьма обширными, водится с баптистами... Или он генерал не милицейский? Да и квартира его не по западной моде обставлена, как приличествует современному генералу, а в русском духе, со стариной, полотенцами, деревянной посудой...

Утром в половине шестого их разбудила довольно громкая мелодия. Это был необычный будильник! Во всех комнатах звучала музыка... Галина сказала:

- Нам дают понять, что долго спать не следует... У генерала Игоря дисциплина и дома железная. Подъем!

К завтраку вышли задумчивый Игорь и явно уставшая Маргарита. Они, видимо, говорили всю ночь. Хозяин сказал ей, не объясняя ничего остальным:

- Когда мы разошлись, я пытался дозвониться до Москвы. Пока безуспешно. Попробую еще. Я вызвал водителя, он поведет, а мы подремлем в машине... Прощу к столу! - это уже относилось ко всем присутствующим.

В семь прибыл шофер. Игорь неожиданно распорядился:

- Все таки я поведу сам. Если имеее желание, помогите моей жене в саду. Не волнуйтесь, все будет в порядке...

И опять гости ничего не поняли: у дома они не видели ни сада, ни огорода... Кое-что прояснила фраза Игоря: «Возьмете такси». Гостей он пригласил в машину, предупредив, что путь предстоит неблизкий. Вначале автомобиль бежал по Целинограду и эрудированный водитель рассказывал, что еще недавно город назывался Акмолинск и был известен как центр сельскохозяйственного машиностроения и химической промышленности. В 1830 году он был основан как крепость Акмолы, а в 1961-м переименован в честь освоения целинных земель, воспеваемых как былинный подвиг советского комсомола, хотя на самом деле новые совхозы строили преимущественно вчерашние уголовники, освобожденные по амнистии после смерти Сталина. У кладбища Игорь остановил машину и предложил спутникам выйти. Маргарита не выразила удивления: она, казалось, знала о предстоящем посещении.

Молча прошли центральную аллею, вдоль которой стояли бронзовые бюсты генералов и Героев Советского Союза вперемежку с мрамором на могилах партийных секретарей. В конце аллеи они остановились у горизонтальной могильной плиты, на которой Олег увидел знакомую фамилию. Здесь покоился старый разведчик. Ни его звание, ни какие-либо другие отличия не были указаны. Они постояли в молчании. Игорь первым пошел к машине...

- Как получилось, что он похоронен в Целинограде?- спросил Олег.

- Не знаю,- честно ответил Игорь,- я узнал об этом, когда на могиле уже была плита, а наша профессорша жила в Аксу. Об этом знают в КГБ, но мы спрашивать не станем. Возможно, речь

идет всего лишь о последней воле покойного...

Дальнейший путь их пролегал по асфальтированной, но изрядно разбитой дороге. Остановились у зеленого дощатого забора на окраине поселка.

- Надеюсь, что сестра дома,- сказал Игорь и повел спутников к небольшому деревянному дому в глубине усадьбы. Оттуда слышался детский смех.

-Теперь ясно, что она в классе,- добавил Игорь.

На нескольких стульях, скамье и просто на полу в комнате сидели мальчики и девочки. Профессорша прервала свой веселый рассказ.

- Какие гости! - вскричала она.- Игорь, Рита, Олег и ... супруга?

- Галина,- подсказала жена Олега.

- Дети, ко мне приехали дорогие гости! Мы продолжим завтра,- сказала профессорша и детвору как ветром сдуло.

Профессорша заметно осунулась, но была веселой. Все уселись за стол и она принялась готовить угощение. Брат и сестра не задавали вопросов, а она сама рассказывала мало. Чувствовалось, что они знают нечто такое, что для Олега должно было остаться тайной.

- Как я предполагала,- сказала хозяйка,- в зоне работает немало верующих и мне удалось установить контакт с некоторыми из них. Но помогать им трудно и небезопасно.

- Мне рассказывал один знающий человек, что в Аксу на химическом заводе был взрыв,- заметила Маргарита.

- На химическом?- переспросила сестра.- Нет, это случилось на обогатительном. Какой-то подземный бункер... Так никто и не знает, что там

было...Оставшихся в живых рабочих арестовали, но вскоре отпустили, взяв подписки о неразглашении. Всё в тайне...

Сестры взглянули на брата, но он, если и знал что-то, предпочел промолчать.

- Когда навестишь нас в Целинограде?- спросил Игорь.

- Когда обо мне замолвят словечко в высоких инстанциях,- грустно улыбнулась профессорша. И сразу же добавила: - Я не прошу тебя об этом, не хочу, чтобы ты обжегся. У тебя - своя задача, у меня тоже есть призвание. Мне здесь неплохо, хотя больших высот здесь не достичь.

- Бедная наша сестричка,- обняла ее Маргарита.- Кто бы мог подумать, что тебе выпадет такая судьба?

- Я довольна. И даже пишу интересный труд, тема пусть останется пока тайной. Это педагогика...

- Неугомонная как всегда,- удивился Игорь.- Ты еще проходишь гемотерапию?

Олег вздрогнул: «Замена крови? Рак?» Но профессорша лишь кивнула головой и беззаботно сменила тему.

- Как дела в вашей общине, Олег?- спросила она.- Можете мне все рассказывать без опаски, Игорь - надежный парень... Здесь, в Аксу, я посещаю небольшое общество, интересующееся Библией. Это скорее группа местных интеллигентов, постепенно возвращающихся к вере. Жалею, что не могу стать их пастырем и повести к свету...

Олег подробно рассказал о всех событиях в общине, случившихся в отсутствие профессорши. Она слушала увлеченно. Игорь тоже не пропускал ни слова. Потом они совершили прогулку по улицам Аксу.

- Эту ТЭЦ построили заключенные,- рассказывала профессорша.- Вон там видны бараки исправительно-трудовой колонии №57... Этот завод построили заключенные...

- Покажи лучше, что в Аксу построили не заключенные,- ухмыльнулся Игорь и попросил,- Давайте возвращаться. Ничего нового вы здесь не увидите, а мне послезавтра утром надо быть в Джекказгане...

Все послушно повернули к дому. Джекказган мог быть одним из ракетных полигонов, но никто не стал уточнять... Олег уже понял, что Игорь, если и генерал, то никак не милицейский...

На обратном пути Олег и профессорша отстали и шли вдвоем. Говорил все время Олег. Наверно, он рассказал профессорше о том, что и в Аксу пребывает вездесущий Господь и надо просить Его милости и благословения.

* * *

На этом заканчиваются записи, которые передал из Советского Союза Олег Сименс. В общине он был необычным человеком и не только как пастор. Его или беспредельно любили, или последовательно, о тайно ненавидели.

Пастор стремился не попадать в осиное гнездо, чтобы не быть ужаленным. Беда пастору, который неосторожно затронет напускную набожность своих подопечных... Хотя иногда Олег не мог удержаться от саркастических замечаний при явном ханжестве брата или сестры.

- Зачем ты бьешь волка в овечьей шкуре палкой по спине?- спросил я у него однажды..

- Ты советуешь подождать, пока он сам на меня бросится?- ответил пастор. - Таких «волков в овчине» надо своевременно распознать и незаметно поставить на место. Только не разоблачать их публично! Сорняк должен созреть до сбора урожая, учит нас Библия. Опасны люди, которые ищут своего самоутверждения обращением в веру Христову.

«Берегитесь псов, берегитесь злых делателей», - писал Павел филиппийцам/3:2/. Заметьте, не прогоните, но берегитесь. Потому что сторожевые псы общины при каждом беспокойстве яростно лают, загоняя паству в круг, очерченный традициями. Они стремятся властвовать. Но брось им кость и они завиляют хвостами, не замечая своего двуличия, потому что они убеждены в своей исключительной духовности. Опасно наступать собакам на хвост, но бросать им иногда кость Библия не запрещает.

Трудно было в этом не согласиться с Олегом. Я верил ему. Против Олега был не только КГБ, против него была и добрая треть общины. По мере роста общины увеличивались зависть и ревность.

На фоне традиций новаторское отношение пастора к женщине было для многих неприемлемым. Он остро выступал против мужей, третировавших своих жен. Он добивался полного раскрытия способностей женщины в работе на пользу общине. Позицию апостола Павла относительно пресловутых жен из Коринфа Олег объяснял его стратегией в сложившихся тогда условиях. Сегодня его ограничения потеряли свое значение. Ведь главным для Павла было спасение людей, а не правила, установленные с учетом коринфских будней и ныне препятствующие многим в поиске пути к Богу.

Такие утверждения принесли Олегу славу вольнодумца. Он был одинок в обеих общинах - зарегистрированной и нет, хотя и опирался на интуитивную поддержку молодежи.

Хочу заметить, что предположения Олега о добыче урана в степях Аксу были недалеко от истины. Мой приятель работал на тамошней обогатительной фабрике и после отъезда в Германию рассказывал мне об этом процессе. По его словам применялось химическое обогащение урановых руд, для чего руду обжигали, потом выщелачивали раствором соды или серной кислотой, переводили в концентрат, который на другом заводе вновь обрабатывали азотной кислотой. При этом образовывался уранилнитрат, который извлекали путем экстракции. Получали зеленый порошок урантетрафторид, восстанавливаемый в металлический уран, который и служил для создания ядерного оружия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончилось время Горбачева. Затеянная им перестройка вызвала такие демократические преобразования, что в ходе их не осталось ни правящей Коммунистической партии, ни ее идеологии, ни самого Советского Союза.

В новых странах, возникших на обломках великой империи, началось возрождение религий. Люди устремились к церквям, молитвенным домам, мечетям... Но их обращение к Богу сопряжено с многими трудностями, потому что нелегко преодолеть предубеждения, породженные десятилетиями диктатуры. Несколько поколений выросли в условиях воинствующего безверия и им теперь трудно возродить в душе трепетное чувство беззаветной, искренней веры. Новые правители пришли из старых структур и умело насаждают рознь между церковными конфессиями, между верующими.

Многие немцы уехали из бывшего Советского Союза на родину предков. Олег Сименс остался и опять служит пастором в том же городе. «Бог призвал меня к служению, здесь и я останусь» - говорит он. Галина с ним согласна. Вместе они побывали в Германии, но вернулись домой. Олег стал одним из основателей миссионерского движения, занятого евангелизацией, обращением людей к Христу. Особенно часто бывает он в среде заключенных. Побывал он и в том лагере, теперь называемом колонией, где содержались верующие его общины. Теперь здесь не было «политических», только уголовники, но ветераны помнили иные времена и извинились за плохое обращение с осужденными за веру.

«Профессорше» разрешили вернуться в свой город, но она решила остаться в Целинограде и вскоре умерла от своей неизлечимой болезни. Игорь, вышедший в отставку и тайно симпатизирующий баптистам, похоронил сестру рядом с мужем. На общей плите написали лишь ее имя. Маргарита и ее дети активно участвуют в миссионерском движении. Их пути часто соприкасаются с евангельской деятельностью земляков, уехавших в Германию, потому что именно из этой страны, тяжело пережившей военную катастрофу, идет мощный поток евангелизации и материальной помощи не только верующим, но всем, обездоленным за годы произвола.

Ветераны службы госбезопасности и «стукачи» еще доживают свой век в своих квартирах и отдельных домах. Их не преследуют. Тайну их имен охраняет государство, а христиане давно простили их.

В России и Казахстане, в Украине и Белоруси, в городах и весях христиане молят Господа о спасении миллионов людей, выдержавших чудовищный эксперимент и бредущих к свету в темноте экономической разрухи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
7 ноября 1961 года	
ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ	18
15 января 1962 года	
ОБЩИНА СТАНОВИТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ	32
18 марта 1962 года	
НОВЫЕ ПАСТОРЫ	44
12 мая 1963 года	
СЛУЖЕНИЕ	50
17 сентября 1964 года	
СОМНЕНИЯ	67
18 декабря 1965 года	
РАСПЛАТА	88
19 апреля 1969 года	
ТЕНИ ПРОШЛОГО	102
13 июня 1971 года	
ПРОЗРЕНИЕ	127
13 ноября 1971 года	
ТАИНСТВЕННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ	142
15 января 1972 года	
МАРГАРИТА НА СВАДЬБЕ МУЖА	167
20 декабря 1980 года	
В ВАКУУМЕ ЗАСТОЙНОГО ВРЕМЕНИ	178
12 сентября 1982 года	
ПЕРЕМЕНЫ	207
15 августа 1986 года	
СВЕТАЕТ	225
ПОСЛЕСЛОВИЕ	242

Перевод с английского языка.
Литературный редактор Лев Хмельковский.

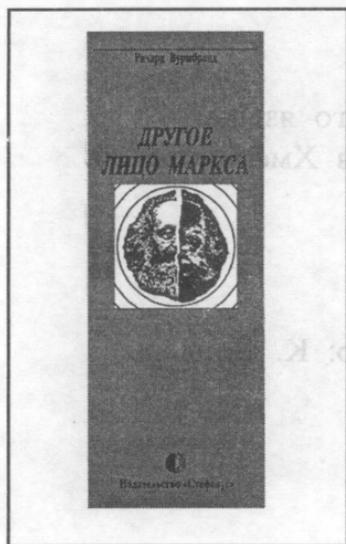
Технический редактор: К. Бондарь

Книга издана христианским издательством

„СТЕФАНУС“

Украина, 257005,
Черкассы, а/я 3610.

Ричард Вурмбранд

«ДРУГОЕ ЛИЦО МАРКСА»

«Священное Писание, которое Маркс изучал в гимназии и довольно хорошо знал в зрелые годы, говорит, что Ангел низверг дьявола в бездну /Откр. 20:3/. Маркс хочет увлечь всё человечество в эту бездну, уготованную для дьявола».

В этой уникальной книге Ричард Вурмбранд выступает не только как богослов, но и как историк, изучивший биографию автора «Капитала» и всё его наследие с целью осмысления этого феномена. Не всем известно, что в молодости Маркс написал дипломную работу на евангельские темы. Происшедшее с ним позднее заставило его возненавидеть не только имя Бога, но и весь созданный Богом мир. Со скрупулезностью архивариуса автор собрал в этой книге собственные свидетельства Маркса о его заговоре с сатаной.

Ричард Вурмбранд

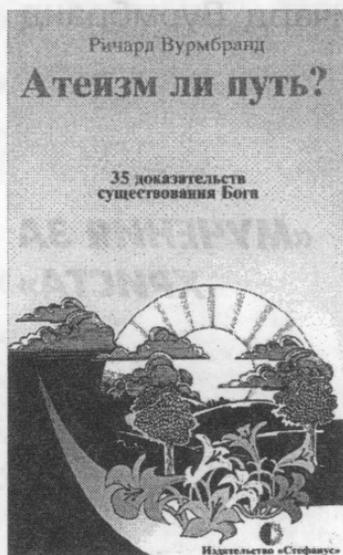

«МУЧЕНИЯ ЗА ХРИСТА»

«Проповедь Евангелия в новых условиях была нелегкой. Нам удалось напечатать несколько духовных брошюр, пропуская их через строгую цензуру коммунистов. Мы предоставили им брошюру, на обложке которой был портрет Карла Маркса, а название гласило: «Религия - опиум для народа». В этих книгах после нескольких цитат Маркса, Ленина и Сталина, специально напечатанных для цензуры, начиналась Благая весть Иисуса Христа».

В этой книге, переведенной на многие языки мира, в том числе и на украинский, автор на личном примере рассказывает о том, как жестокие страдания лишь укрепляют веру в Господа нашего Иисуса Христа. Многие узники коммунистического режима черпали в этой книге духовную силу, которая помогла им выстоять.

Ричард Вурмбранд

**«АТЕИЗМ ЛИ ПУТЬ?
35 ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
СУЩЕСТВОВАНИЯ
БОГА».**

«Только с Богом жизнь действительно становится жизнью. Поэтому ищите Бога. Святой Бернард говорит: «Бога искать не напрасно, даже если Его не находишь».

Каким путем пойти? Куда приведет этот путь? А что, если годы на исходе и в жизни уже не на что надеяться? Так неужели мы будем упрямо исповедовать атеизм, даже убедившись, что это - дорога в никуда?

Книга пастора Ричарда Вурмбранда оказывает удивительное воздействие на сердца людей, убеждая их в том, что Христос, христианская церковь - единственно правильный выбор в жизни каждого здравомыслящего человека. Книга рассчитана как на верующих, так и на неверующих читателей.

Сабина Вурмбранд

«ЖЕНА ПАСТОРА»

«Я была без чувств, но всё еще в сознании. Ледяная вода окатывала меня потоками, несла и ударяла о скалы. Меня закрутило течением. С берега доносились какие-то крики, но я ничего не понимала».

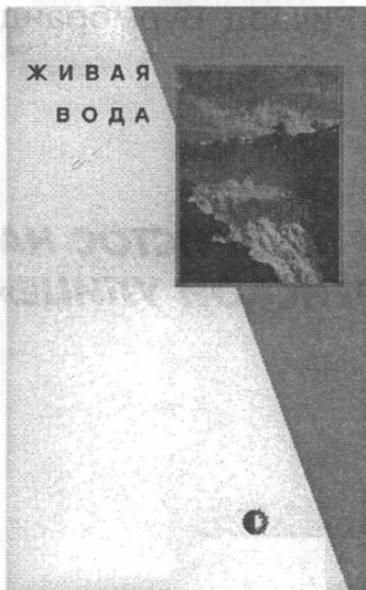

Это невыдуманная история Сабины Вурмбранд, в которой она рассказывает о своих страданиях в лагерях и тюрьмах послевоенной Румынии, оккупированной Советской Армией. Она делится с читателем неувядающей надеждой, присущей настоящей христианке в любых испытаниях. Но прежде всего это книга о любви, о вере, о надежде. Это очень светлая книга.

БИБЛЕЙСКИЙ АТЛАС

Множество цветных иллюстраций, библейских и евангельских событий, старинные гравюры и современные изображения, виды Иерусалимского храма и мест, где проповедовал Спаситель, прекрасные карты Святой земли. Всё, что необходимо богослову со стажем, священнику, преподавателю воскресной школы, студенту, школьнику, всё можно найти в великолепном репринтном издании Библейского атласа.

**«ЖИВАЯ ВОДА.
ПОЧЕРПНУТО ИЗ РЕЧЕЙ
РЕДКОСТНОГО МУЖА
БОЖЬЕГО ИОХАННЕСА
ГОММЕЛЯ».**

«Оставайтесь верны простому старому верному Слову Божию, которое делает человека блаженным и содержит так много драгоценных жемчужин, каких вы никогда и нигде не видели».

Духовные беседы, записанные в этой книге, были произнесены в прошлом веке. Они остались актуальны и сегодня для нас, современных людей, потому что Слово Божие не может потерять актуальности, потому что Бог не устаёт призывать каждого сквозь века и тысячелетия... Открой эту книгу, быть может, в ней ты найдешь ответ.

Ричард Вурмбранд

«ХРИСТОС НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ»

«Евреи, обращенные к Иисусу, призваны дать миру жизнь и спасение от духовной смерти. В Священном Писании говорится, что цель спасения неевреев, давших то, что они сумели дать, - пробудить в евреях ревность к своему Богу. Ибо именно евреи призваны и одарены Богом способностью дать истинное содержание Христианской церкви».

Эта книга пастора Ричарда Вурмбранда - на редкость ясное высказывание точки зрения еврея-христианина о христианском мессианстве среди евреев. Автор описывает свой путь в коммунистическом мире, по которому он пришел к Христу, преодолев коммунистические заслонки.

ОН ЖИЛ СРЕДИ НАС

Издательство «Стефанус»

«ОН ЖИЛ СРЕДИ НАС»

Для того, чтобы все, от мала до велика, могли лучше понять Библию, один из выдающихся художников Франции сделал эти рисунки. Автор и переводчик старались избегать малоупотребительных слов и выражений, стремясь сделать текст легко читаемым и доступным для неподготовленного (неверующего) читателя. При этом они находили духовную поддержку в словах апостола Павла: „Для немощного был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых“ (1 Коринфянам 9,22).

Эта книга позволяет приобщиться к чтению Библии как в семейном кругу, так и среди друзей. Мы желаем нашим читателям пережить личную встречу с Иисусом, который сказал: „Я—Путь, Истина и Жизнь“.

Германн ГАРТФЕЛЬД

ИРИНА

Германн
Гартфельд

«ИРИНА»

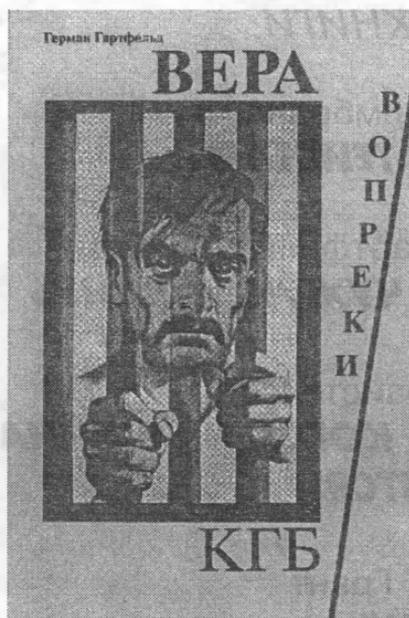
Станислав Сыркин,
Украина, пос. Макошино

«Книга «Вера вопреки КГБ» обошла наше исправительное учреждение раньше, ее читали почти все. А теперь «Ирина» - живая книга, живые судьбы, реальность, от которой не уйти и не спрятаться. Если судьбу Ирины многие узна-

ли только из этой книги, то таких историй была уйма. И с кем бы я ни разговаривал, почти все что-то подобное вспоминают. У меня здесь есть товарищ, который прошел подобный ад в Кандагаре и очень очерствел, но когда он читал «Ирину», поверьте, на его глазах были слезы. «Ирина» завоевала большую популярность. Это сила. Но скажу и другое: мы в восторге от этой книги, и благодарны Германну Гартфельду за то, что все-таки эта история увидела свет. Только осужденные, только те, кого это коснулось прямо или косвенно, знают правду об этом. А Германн тоже ел этот горький хлеб. К большому сожалению, преследования за Христа не прекращаются и по сей день. Просто теперь они более изощрённые и скрытные, но они есть, они налицо. Передайте Германну, что его труд не напрасен, своей книгой он достучался до самых черствых сердец».

Новая книга Германна Гартфельда основана на реальных фактах. Молодая девушка вдруг открывает для себя Христа. Сердце её переполняется любовью к Богу. Но впереди её ожидает «психушка».

Германн
Гартфельд

«ВЕРА ВОПРЕКИ КГБ»

„Маленькую книжечку Петра прятали во многих местах! В наволочках подушек, в матрацах, на нарах инвалидов, в столе начальника отряда, в холодной золе из печи. И однажды даже в кармане пьяного майора. Это случилось во время общего «шмона». Друзья по тюрьме спасали Евангелие, пока майор вопил непристойности».

Эта книга не учебник новейшей истории и не свидетельство обвинения. Напротив - она свидетельствует о Божьей любви, которая сильнее большевистских лагерей. Её автор, пастор Германн Гартфельд, проведя многие годы за колючей проволокой, воплотил эту любовь в книге, которая может сравниться по силе повествования лишь с «Архипелагом ГУЛАГ».